

А. Г. Шпилев

Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII — конец X вв.)

A. G. Shpilev.

Adornments of Romny Time from Kursk Oblast (second half of 8th — late 10th cc.).

This article is the first attempt to create a corpus of adornments that existed on the territory of modern Kursk region in Romny culture time. The analysis of the collected material allowed to create rather objective picture of formation, borrowings and development of the corpus of adornments produced by Slavic tribes known as *Severi*, who lived in Kursk province on the banks of the rivers Seim and Upper Psiol in the second half of 8th — late 10th centuries.

A. G. Shpilev.

Podoabe din perioada „Romny” din regiunea Kursk (a doua jumătate a sec. VIII — sfârșitul sec. X).

Acest articol reprezintă o primă încercare de a structura un corpus al podoabelor, ce circulau pe teritoriul contemporan al regiunii Kursk în perioada „Romny”. Analiza materialului aflat la dispoziție a permis recrearea unui tablou destul de obiectiv al formării, cercului de imitări și dezvoltării complexului de podoabe al triburilor, cunoscute în izvoarele scrise sub denumirea de „severeni”, care locuiau în regiunea Kursk, în bazinul r. Seim și pe cursul superior al r. Psiolul de Sus în jumătatea a doua a sec. VIII — sf. sec. X.

A. Г. Шпилев.

Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII — конец X вв.).

Статья является первой попыткой создания свода украшений, бытовавших на территории современной Курской области в роменское время. Анализ собранного материала позволил создать достаточно объективную картину сложения, круга заимствований и развития комплекса украшений летописных «северов», обитавших в Курском Посеймье и на Верхнем Псле во второй пол. VIII в. — кон. X в.

Keywords: Eastern Slavs, Severi tribal union, Khazar Khanate, Byzantine Empire, Old Russia, raved temporal rings, Kursk, Slavic jewellery.

Cuvinte cheie: slavii de est, severenii, Kaganatul Hazarilor, Imperiul Bizantin, Rusia Kieveană, cerceii de timpă rădiali, Kursk, podoabe slavice.

Ключевые слова: восточные славяне, северяне, Хазарский каганат, Византия, Древняя Русь, лучевые височные кольца, Курск, славянские украшения.

Со второй пол. VIII в. до конца X в. территория современной Курской области входила в зону расселения представителей восточнославянского племенного союза, известного по летописи под именем «северов» или «северян»¹. По данным археологии, северы, вместе с родственными им радимичами и вятичами, являлись носителями роменской археологической культуры и обитали в низ-

менных частях восточного Полесья (Брянская область России, Черниговская область Украины) и на лесостепном Левобережье Днепра (западные р-ны Курской области, Харьковская, Сумская и Полтавская области Украины).

Начало археологическому изучению курских памятников роменской культуры было положено работами преподавателя Суджанского уездного училища А.И. Дмитрюкова, исследовавшего в 1828 г. у с. Горналь (совр. Суджанский р-н) 4 кургана с остатками урновых кремаций и в 1849 г. — 2 кургана с аналогичными захоронениями на территории мужского Николаевского монастыря в г. Рыльске. В 1872

¹ Автор солидарен с исследователями, считающими древности волынцевского типа ранним этапом роменской культуры и не выделяющими их в отдельную культурно-археологическую общность.

и 1875 г. Д. Я. Самоквасовым было проведено широкомасштабное обследование Курской губернии, во время которого исследователь раскопал 19 курганов с урновыми сожжениями в Белогорском могильнике (Горнальский археологический комплекс), несколько курганов в Курском и Путивльском уездах, произвел шурфовку Ратского и Большого Горнальского (Белогорского) городищ. В последующие несколько десятилетий изучение роменских древностей, как правило, ограничивалось разведками или небольшими раскопками (Каншин В. П., 1906 г. — раскопки курганов у Гнездиловского городища; Сосновский К. П., 1909 г. — разведки в Обоянском у.; Александров А. Н., 1910 г. — разведки в Львовском и Рыльском у.; Соловьёв Л. Н., 1918 г. — разведки в окрестностях Курска; Преображенский А., 1920-е гг. — разведки в Дмитриевском у.; Васильков М. В., 1925 г. — раскопки кургана у д. Шуклинка; Виноградов К. Я., 1938 г. — раскопки курганов в Рыльском Никольском монастыре).

С конца 1940-х гг. до начала 1990-х гг. на территории области работает несколько крупных академических экспедиций из Москвы и Ленинграда. Проводятся раскопки на Липинском (Розенфельдт Р. Л., 1947 г.; Засурцев П. И., 1951 г.), Шуклинском (Мельниковская О. Н., 1947 г.; Никольская Т. Н., 1952—1953 гг.), Большом Горнальском (Соловьева Г. Ф., 1971 г.; Куза А. В., 1972—1973 гг.), Переверзево 2 (Алихова А. Е., 1962 г.; Узянов А. А., 1980—1984 гг.), Мешковском (Узянов А. А., 1978—1979 гг.), «Гора Ивана Рыльского» (Фролов М. В., 1984—1993 гг.) городищах, Авдеевском (Алихова А. Е., 1947—1950 гг.; Сымонович Э. А., 1970 г.), Шуклинском (Никольская Т. Н., 1952—1953 гг.), 2-м Воробьёвском (Ширинский С. С., 1968 г.; Сымонович Э. А., 1970 г.), Каменском (Горюнов Е. А., 1978 г.), Жерновецком (Узянов А. А., 1979—1983 гг.), Картамышшево 3 (Горюнов Е. А., 1980 г.), Переверзевском (Пузикова А. И., 1983, 1986 гг.), Тазовском (Григорьев А. В., 1988 г.), Гочево 3 (Горюнова В. М., 1987—1988 гг.), Попово-Лежачи 4 (Обломский А. М., 1993 г.) поселениях, курганов у д. Шуклинка (Липкинг Ю. А., 1952 г.), у с. Рождественского (Горнальский комплекс, Ширинский С. С., 1968 г.), д. Мешково (Узянов А. А., 1978 г.), д. Жерновец (Узянов А. А., 1984 г.), д. Переверзево (А. А. Узянов, 1984 г.), обследование и шурфовка многослойных памятников с роменскими слоями (Ляпушкин И. И., 1947—1948 гг.; Алихова А. Е., 1950-е — 1960-е гг.; Липкинг Ю. А., 1950-е — 1970-е гг.;

Левенок В. П., 1958 г.; Мельниковская О. Н., 1969 г.; Пузикова А. И., 1972 г.; Кашкин А. В., 1979—1988 гг.; Гайдуков П. Г., 1978—1982 гг.; Горюнов Е. А. 1978—1980 гг., Щеглова О. А., 1986 г.; Обломский А. М., 1993 г.). Со второй пол. 1980-х гг. на роменских памятниках Курской области начинают работать экспедиции под руководством местных археологов. Ими были исследованы такие имеющиеся роменские слои памятники, как г. Курск (Енуков В. В., 1988 г., 1994—1995, 1997, 1999, 2001, 2002 гг.; Тихомиров Н. А., 2004 г.; Зорин А. В., 2005 г., 2008 г.), Ратское (Енуков В. В., 1990—1992 гг.), Липинское (Енукова О. Н., 1997—1998 гг.), Люшинское (Стародубцев Г. Ю., 2000 г.), Капыстичанское (Зорин А. В., 2001 г.) городища, поселение у х. Студеновский (Енукова О. Н., 2000 г.), бескурганый могильник (Тихомиров Н. А., 1989 г.) и курган (Енуков В. В., 1989 г.) у с. Лебяжье, проведены разведки и шурфовки (Тихомиров Н. А., 1981 г., 1986—1987 гг.; Енуков В. В., 1989 г.; Чубур А. А., 1999 г.; Стародубцев Г. Ю., 2002 г. и др.).

За более чем 180-летнюю историю исследования курских памятников роменского времени был накоплен представительный материал, составной частью которого являются украшения этого времени. Однако приходится с сожалением констатировать, что в научный оборот был введён лишь небольшой процент курских украшений роменского периода (Самоквасов 1908; Соловьев 1927; Никольская 1958; Куза 1981; АКР 1998; АКР 2000; Григорьев 2000; Стародубцев и др. 2008), как правило, осуществлявшийся в связи с публикацией материалов конкретных памятников и, в ряде случаев, выборочно. Единственный известный автору обзор всех категорий курских украшений роменского времени содержится в монографии В. В. Енукова «Славяне до Рюриковичей» (Енуков 2005). Но они интересовали исследователя, в первую очередь, как иллюстрации развития ремесла, торговли, миграционных процессов или социальных отношений, вследствие чего детальному анализу конкретных предметов в работе отведено незначительное место.

Данная статья является первой попыткой создания свода украшений, бытовавших на территории современной Курской области во второй пол. VIII в. — кон. X в. (рис. 1). Спецификой рассматриваемого периода является то, что подавляющее большинство курских украшений роменского времени было обнаружено на территории поселений и относится к категории утерянных вещей. Вследствие господствовавшего среди ромен-

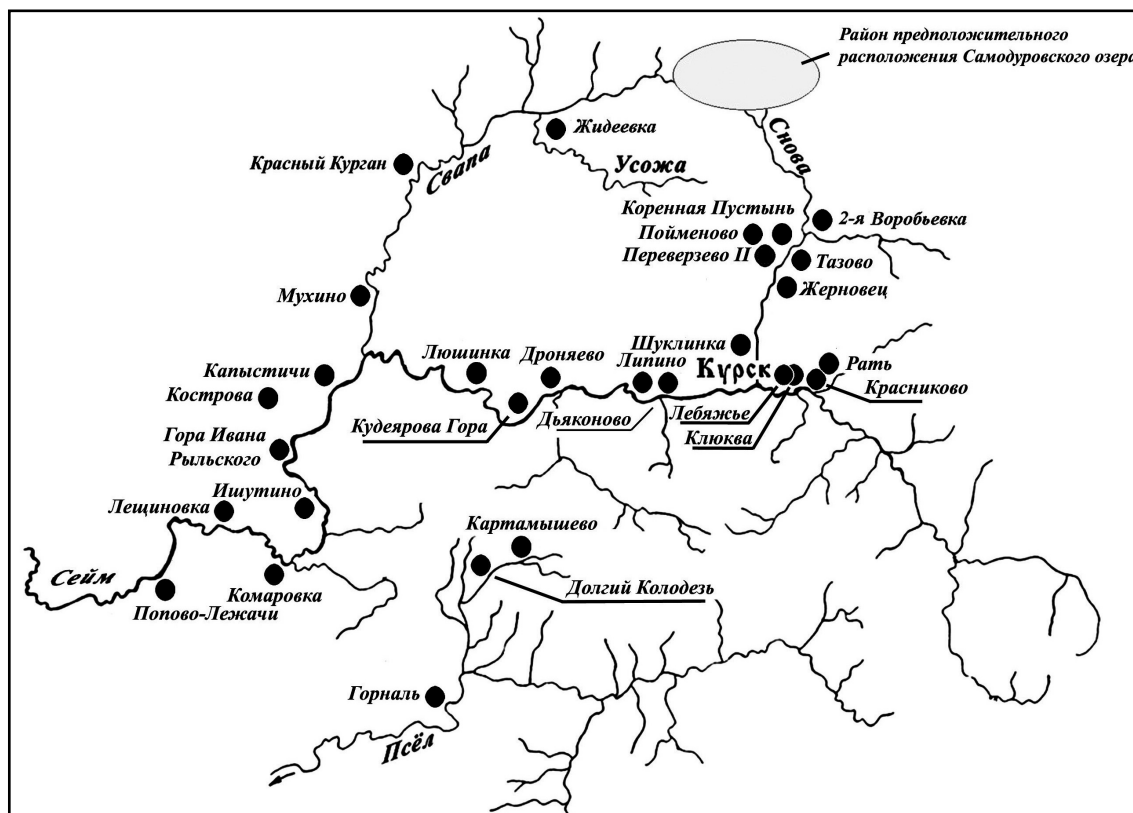

Рис. 1. Находки украшений на курских памятниках роменского времени.

ского населения Курского края погребального обряда (трупосожжение на стороне) роль погребальных комплексов, обычно являющихся важным источником при изучении украшений, практически минимальна, поскольку предметы попадали в могилы, как правило, случайно. Ряд украшений роменского времени входит в категорию случайных находок, обнаруженных в составе укрытых в кон. X в. денежно-вещевых кладов (Воробьевский, Жидеевский, клад из Коренной Пустыни) или поднятых на территории археологических памятников (Горохов 1927; Енуков 2005; Шпилев 2008б; Шпилев 2009б; Гребенникова, Шпилев 2009). В свете вышесказанного, представленные в «Своде» сведения почти полностью исключают составление дробной хронологии и достоверное определение вариативности использования некоторых категорий предметов (например, височных колец), однако позволяют создать достаточно объективную картину сложения, круга заимствований и развития комплекса украшений одного из регионов Северной земли во второй пол. VIII в. — кон. X в.²

² О том, что поселенческий материал не отражает всего многообразия предметного мира населения данного памятника, ярко свидетельствуют результаты исследований С. А. Плетневой салтовского Дмитриев-

В «Свод» включены только те предметы, чье бытование по стратиграфическим или хронологическим показаниям может быть бесспорно отнесено к роменскому периоду. Украшения из культурного слоя многослойных памятников, как правило, не учитывались, в случае же включения в свод обязательно указывается их предположительная принадлежность к рассматриваемому времени. Материалы с таких памятников как Жерновецкое, Горнальское, Ратское и Шуклинское поселения, имеющие слои позднероменского (вторая половина X в.) и раннедревнерусского (конец X — первая половина XI вв.) периодов, вследствие трудности их хронологического и культурного членения, учтены не были.

Категории предметов в «Своде» даны в соответствии с местом ношения (от головы

ского археологического комплекса (Белгородская обл., Россия). На фоне разнообразного и многочисленного погребального инвентаря из катакомб количество и ассортимент найденных в культурном слое и комплексах селища 1 предметов ограничивались 11 ножами, витым стержнем (шампур?), железными ножницами, фибулой, острием, серпом, ложкарем, «пробоем», пряжкой и «пряслицем», несколькими каменными оселками, костяными петлей, иглой и проколкой, бронзовыми пластинкой и ручкой туалетной кисточки, 2 стеклянными бусинами, 4 глиняными пряслицами, грузиком и обломком стенки с внутренним ушком от глиняного котла (Плетнева 1989: рис. 29, 30).

до пояса), внутри категорий памятники размещены в алфавитном порядке, по возможности, приводятся аналогии и более дробная датировка. Помимо предметов, входивших в комплекс украшений курских северян-«роменцев», в отдельные разделы выделены вещи, характерные для финно-угорских, балтских, салтовских или древнерусских культурных традиций.

Автор благодарит за разрешение использовать материалы своих исследований директора КГОМА Г.Ю. Стародубцева, главного хранителя КГОМА А.В. Зорина, директора НИИ археологии Юго-Востока Руси (КГУ) В.В. Енукова и снс НИИ археологии Юго-востока Руси (КГУ) О.Н. Енукову.

За помощь в работе над статьёй автор выражает глубокую признательность А.В. Зорину, Г.Ю. Стародубцеву, А.Н. Голотвину, А.В. Комару, А.Г. Рагунштейну, В.С. Кулешову, В.В. Колоде, А.В. Сотникову, С.А. Остроухову, И.Н. Бобину и К.В. Короткову.

Свод украшений роменского времени с территории Курского края

Очелья

Жидеевский клад (Железнодорожный р-н). С/н³.

Очелья билинового пластинчатого фрагменты (рис. 2: 1). Украшение шириной около 2 см и общей длиной около 43 см заканчивалось крючкоконечными петлями, служившими для его фиксации на голове. Очелье входило в состав денежно-вещевого клада, найденного в 2003 г. на поселении у Жидеевского городища. В небольшом лепном глиняном сосуде вместе с очельем было обнаружено 5 серебряных семилучевых височных колец, 2 серебряных дровых браслета с расширяющимися концами, серебряное навершие биметаллического кресала в виде грифона, 320 дирхемов (младший 974/975 гг., сообщение П.Н. Петрова) и византийский милиарисий Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.), согласно консультации В.С. Кулешова (Гос. Эрмитаж), относящийся к выпускавшемуся в 977—989 гг. раннему типу (класс IIa по Ф. Грирсону) этих монет (Шпилев 2008б: 46—47, рис. 5).

Хронология вещевой и нумизматической составляющих клада позволяют определить часть его предметов (очелье, браслеты, семилучевые височные кольца, 23 монеты-привески)

как комплекс металлических женских украшений северян, обитавших на северо-западе совр. Курской области в последней четверти X в. (Шпилев 2008б: 46, рис. 5). Важность Жидеевского клада состоит в том, что он фиксирует нижнюю границу появления на Днепровском Левобережье пластинчатых очельев, ставших одним из этноопределяющих украшений южных северян в кон. X — первой пол. XI вв. Монета из Суvara и зооморфное навершие кресала указывают на торговые связи курских северян с поволжским регионом, делая возможным предположение о том, что прототипом жидеевского очелья могли быть бытовавшие среди финно-угров Поволжья в X—XI вв. пластинчатые венчики, подобные узкому серебряному венчику с кружковым штампованным орнаментом и загнутыми крючком очень узкими концами, входившему в состав погребального инвентаря финского трупосожжения X в. из кургана № 84 Тимеревского могильника (Ярославская обл., Россия) (Левашева 1968: 92).

Топография клада и хронология монет позволяют включить его в группу курских кладов, укрытых при разгроме Курского Посеймья князем Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. *Заключение*, § 8).

Височные кольца

Проволочные

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки Г.Ф. Соловьевой. 1971 г.

Кольцо серебряное перстнеобразное (Ø — 20 мм) с несомкнутыми концами (рис. 2: 3). Заполнение погибшего в пожаре жилища № 1 (Соловьева 1971: 9; Куза 1981: 13, рис. 5: 3). Найденные в заполнении жилища обрезанное в круг подражание саманидскому дирхему 960—970-х гг., шиферное пряслице и фрагменты раннегончарных сосудов позволяют отнести его гибель к последней четверти X в.

Обнаруженные при исследовании городища материалы позволяют предположить, что оно было разгромлено воинами Владимира Святославовича в конце 980-х — начале 990-х гг., в рамках мероприятий по окончательному присоединению южной части Северской земли и организации южного порубежья Древней Руси (см. *Заключение*, § 8).

Городище «Гора Ивана Рьльского» (г. Рьльск). Раскопки М.В. Фролова. 1993 г.

Кольцо бронзовое перстнеобразное (Ø — 22 мм) с заходящими концами (рис. 2: 2). Кв. 39, гл. 305, п/н 829⁴. Обнаружено в слое

³ С/н — случайная находка. Места случайных находок указаны со слов находчиков.

⁴ п/н — полевой номер.

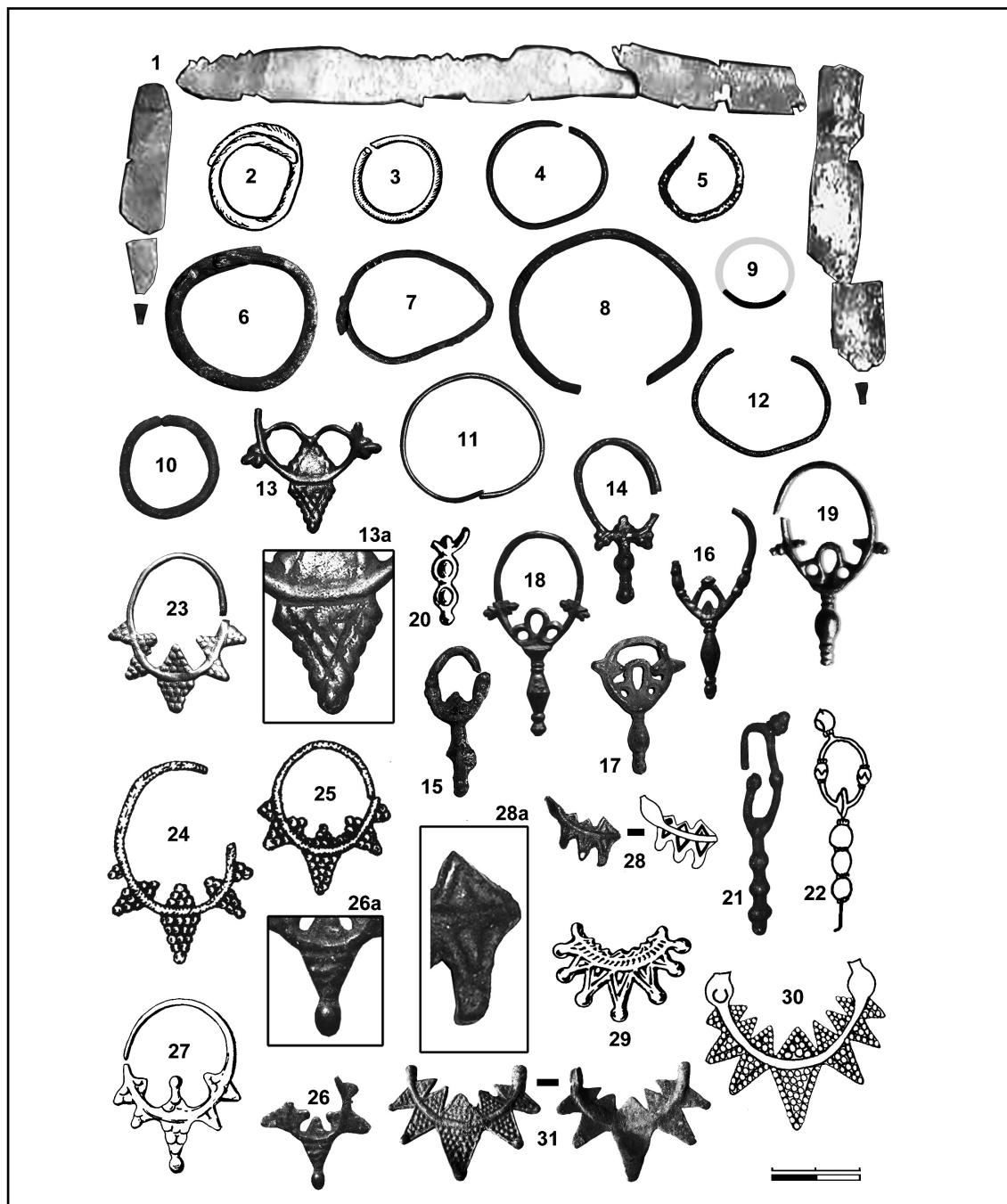

Рис. 2. 1 — Жидеевский клад. Б/м; 2 — городище «Гора Ивана Рьльского» (по М.В. Фролову); 3 — Большое Горнальское городище (по А.В. Кузе); 4 — Ратское городище; 5 — Липинское городище (по АКР); 6—10, 21, 30 — городище Переверзево II; 11, 12 — поселение Переверзево I; 13—15, 17 — Кострова; 16, 18 — Фативинский клад. Б/м; 19 — Битицкое городище, б/м; 20 — Рать (по Е.А. Шинакову). Б/м; 22 — Дмитриевский могильник. Катакомба № 125 (по С.А. Плетнёвой). Б/м; 23 — Беловский р-н; 24 — Воротынское поселение (по А.В. Григорьеву); 25 — Чёртово городище (по А.В. Григорьеву); 26 — Дьяконово; 27 — Новотроицкое городище (по И.И. Ляпушкину); 28 — Мухинское городище; 29 — Влазовичи (по Н.Г. Недошивиной). Б/м; 31 — Ровенское поселение. (Б/м — без масштаба).

серой рыхлой супеси с углём, перекрывающем полуземлянку (жилище № 3), в которой вместе с фрагментами лепной роменской посуды найдены плоское шиферное пряслице и несколько фрагментов «раннекруговой керамики с зачатками линейно-волнистого орнамента» (Фролов 1994: 13). Вторая пол. X в.

Поселение Дроняево 3 (Курчатовский р-н). Разведки А.А. Чубура. 1999 г.

Кольцо. Обнаружено на однослойном роменском поселении (АКР 2000: 178).

Курганы у с. Клюква (Курский у.). Раскопки Д.Я. Самоквасова, 1875 г.

Кольца проволочного фрагмент. Найдено при раскопках роменских курганов у с. Клюква. В средних слоях курганов помещались раздавленные землей глиняные горшки с пережженными человеческими костями, «между

которых обнаружены каменные гранчатые бусы, слитки стеклянных бус, серебряный слиток, обломок проволочного кольца и следы окисших металлических предметов» (Самоковасов 1916: 77, рис. 78).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки О. Н. Енуковой. 1997 г.

Кольцо бронзовое перстнеобразное (Ø — 19 мм, Ø проволоки — 1,5 мм) с несомкнутыми концами, один конец заострен (рис. 2: 5). Р. 3, яма 1, сл. 40, п/н 212. Вся керамика ямы представлена обломками лепных роменских сосудов. По мнению исследовательницы, яма является котлованом роменской постройки (Енукова 1998: 66; АКР 2000: рис. 41⁵). Фонды КГОМА (КМА 93/2/284). В. В. Енуков считает, что Липинское городище существовало «в основном, в пределах X в.» (Енуков 2005: 197).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова.

1981 г. (3 экз.): 1) Кольцо серебряное браслетообразное (Ø — 36×34 мм, Ø проволоки — 3,5×3 мм) с заходящими концами (рис. 2: 6). Кв. В1-Г33, шт. 1 (из отвала), п/н 259. На кольце пятна ярко-красного цвета, возможно, появившиеся в результате воздействия огня. Фонды КГОМА (КМА 225/69/44); 2) Кольцо бронзовое проволочное браслетообразное (Ø — 26,5×37 мм, Ø проволоки — 2 мм) с заходящими концами (рис. 2: 7). Деформировано. Кв. Г32, шт. 2, п/н 286. Фонды КГОМА (КМА 225/69/47); 3) Кольцо бронзовое проволочное перстнеобразное (Ø — 20×22 мм, Ø проволоки — 1 мм) с несомкнутыми концами (рис. 2: 8). Кв. И28, шт. 2, п/н 235. Фонды КГОМА (КМА 225/69/52).

1982 г. Кольца бронзового проволочного фрагмент (рис. 2: 9). Кв. В1, придонная часть сооружения №XVI, зачистка угла, п/н 733. Фонды КГОМА (КМА 233/69/95). Согласно А. А. Узянову, в заполнении предпечной ямы (№ 292) сооружения №XVI было найдено 62 фрагмента керамики, в том числе: «1 стенка лепного сосуда трудноопределимая по культурно-хронологической принадлежности; 54 фрагмента лепной роменской керамики; 4 фрагмента лепной роменской керамики, имитирующей по форме верхней части сосуда вольнцовой типа (псевдовольнцовой керамика); 1 фрагмент вольнцовой сосуда; верхняя часть лепного двуручного кувшина, изготовленного в технологических

традициях вольнцовой керамики, формой своей ближе всего к сосудам салтовского круга древностей; 1 фрагмент «раннегончарной» керамики» (Узянов 1983: 38—39).

1984 г. Кольцо бронзовое проволочное перстнеобразное (Ø — 24 мм, Ø проволоки — 2,5 мм) с заходящими концами (рис. 2: 10). Траншея 2, нижняя часть отвала при снятии границы двух слоев — чёрного роменского и серого скифского, п/н 1076. Фонды КГОМА (238/69/11).

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А. И. Пузиковой.

1987 г. Кольцо билоновое браслетообразное (Ø — 33,5×30,5 мм, Ø проволоки 1 мм) с заходящими концами (рис. 2: 11). Р. III, кв. 43, 2 шт. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1026).

1988 г. Кольцо бронзовое браслетообразное (Ø — 33×25 мм, Ø проволоки 1,5 мм) с несомкнутыми концами (рис. 2: 12). Р. IV, кв. 77, 2 шт., п/н 727. Фонды КГОМА (КМА 19/13/2036).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В. В. Енукова. 1990 г.

Кольцо бронзовое проволочное браслетообразное (Ø — 29 мм, Ø проволоки 2 мм) с несомкнутыми концами (рис. 2: 4). Один конец заострен. Постройка № 3, п/н 146 (Енуков 1991б: рис. 84: 1). Фонды КГОМА (КМА 8/12/146). Сведения о кольце и его прорисовка находятся только в «Альбоме», в тексте упоминания кольца нет.

Материалы Зарайского клада (Рязанская губ., Россия), городищ Новотроицкое (Сумская обл., Украина), Супруты (Тульская обл., Россия) и Титчиха (Воронежская обл., Россия) говорят о том, что кольцеобразные височные кольца с заходящими и несомкнутыми концами входили в комплекс женских головных украшений роменской культуры и бытовали на протяжении всего её существования. Расположение проволочных колец на скелетах женщин, погибших при разгроме Новотроицкого и Супрутского городищ, свидетельствует о том, что они использовались в качестве височных украшений. Так, при описании женского скелета из новотроицкого жилища № 4 И. И. Ляпушкин отмечал, что перстнеобразные кольца с заходящими концами лежат у висков и «височные кости черепа имеют зелёную окраску» (Ляпушкин 1958: 59). Более противоречива локализация колец Супрутского городища. На графической реконструкции М. А. Воронцовой проволочные кольцеобразные кольца из погребения № 4 помещены в ухе, однако в тексте статьи они, со ссылкой на отчёт С. А. Изюмовой, локализованы в области левого виска

⁵ На подписи к рисунку № 41 указано «Находки из раскопок селища 1 у д. Липина», однако на прорисовках представлены предметы как с поселения, так и с городища.

(Воронцова 2002: 112, рис. 5г). По мнению Т.И. Макаровой, браслетообразные кольца с надетыми на них «серьгами» салтовского типа из Зарайского клада также носились не как серьги, а монтировались на кожаных или матерчатых лентах (Макарова 2005: 128). Впрочем, материалы позднесеверянских захоронений Гочевского курганного могильника (кон. X — первая пол. XII вв.) из Курской обл. свидетельствуют о значительной полифункциональности украшений данного типа, выполнявших не только роль височных и ушных украшений, но и использовавшихся в качестве перстней или нагрудных украшений (Шпилев 2009в: 67—70).

Лучевые с зооморфным оформлением щитка

Беловский р-н. С/н. Предположительно, р-н с. Долгий Колодезь. Кольцо билоновое пятилучевое (Ø дужки — 13,5 мм) (рис. 3: 1). Разломано на три части, складывающиеся в одно целое, часть дужки отсутствует. Лучи имеют каплевидные завершения. Идущие вдоль края лучей рельефные ложнозернёные бордюры образуют внутренние треугольники с гладким полем (рис. 3: 1б). Основание лучей соприкасается с ложнозернёным бордюром. Верхняя часть щитка в виде гладкой выпуклой полосы украшена фигуркой птицы, повернутой вправо (рис. 3: 1а). Обращённая назад голова птицы имеет сильно загнутый клюв, большой выпуклый круглый глаз и хохолок в виде двузубчатых «рожек». Голова соприкасается с дужкой, имеющей чётко читаемые утолщения в местах соединения со щитком. Внутренняя часть лучей и крыла заполнена процарапанными линиями. Обратная сторона кольца гладкая. Фонды КГОМА.

Практически аналогичное (за исключением некоторых элементов оформления фигуры) височное кольцо (рис. 3: 2) было обнаружено Б.А. Звиздецким на поселении у городища Искоростень (Житомирская обл., Украина) в жилище № 7, время существования которого датировано исследователями второй пол. IX — рубежом IX—X вв. (Звиздецкий и др. 2004: 78, рис. 16: 2; 20: 1).

Ишутинское городище (Рыльский р-н). С/н. Кольцо билоновое семилучевое (Ø дужки — 29 мм, общая высота — 51 мм) (рис. 3: 6). Два крайних луча выполнены в виде пирамидок из трёх шариков, остальные пять имеют форму вытянутых треугольников с гроздевидными завершениями на концах. Лучи и поле билонового кольца украшены бордюрами из ложной зерни, верхняя часть щитка оформлена в виде стилизованного изображения повернутой вправо птицы (рис. 3: 6а).

Оформление лучей гроздевидными окончаниями из шариков сближает ишутинский экземпляр с пятилучевыми кольцами Зарайского клада (Рязанская обл.) и городища Титчиха (Воронежская обл.). Однако наибольшие совпадения прослеживаются с лучевыми кольцами, верхняя часть щитка которых украшена изображением пары птиц с Супрутского городища (Тульская обл.) (Изюмова 1978: 102—103, рис. 1: 5—6), Гнёздовского поселения (Смоленская обл., Россия) (Ениосова 2002: рис. 3), женского погребения из Маморниц (Черновицкая обл., Украина) (Тимошук 1982: 179, рис. 91: 6) и с поселения в Ровенской области (Украина) (Домонгол 2010). В оформлении всех этих колец присутствуют те же элементы, что и на кольце из Ишутино — крайние лучи в виде пирамидок из трех шариков, орнаментация лучей бордюрами ложной зерни, гроздевидное завершение одного или нескольких лучей (рис. 3: 7, 10, 12, 13, 17). Наибольшее количество совпадений наблюдается с 6 семилучевыми кольцами, обнаруженными С.А. Изюмовой у висков женского костяка на Супрутском городище (Изюмова 1978: 102, рис. 1: 5) (рис. 3: 8). Основное отличие ишутинского кольца от всех вышеназванных украшений заключается в том, что гроздевидные окончания имеются у всех лучей (кроме двух крайних), внутреннее поле лучей гладкое, а на верхней части щитка присутствует фигурка лишь одной птицы.

Корневский р-н. С/н. Предположительно, окрестности с. Комаровки. Кольца билонового пятилучевого фрагмент (Ø дужки — 31 мм) (рис. 3: 4). Дужка и фрагмент хвоста птицы отсутствуют. Типологически аналогично кольцу из Беловского р-на. Производит впечатление не очень качественной отливки вследствие нечёткости («размытости») деталей.

Городище у д. Лециновка (Глушковский р-н).⁶ С/н. Кольца пятилучевого фрагмент (рис. 3: 5). Полностью сохранилось три луча с каплевидными завершениями. Идущие вдоль края лучей рельефные бордюры образуют внутренние треугольники, заполненные ложной зернью (рис. 3: 5в). Продолжение дужки обозначено двумя выпуклыми гладкими параллельными полосками, на которые опирается изображение птицы, идущей влево (рис. 3: 5а-б). Повернутая назад голова затылочной частью соприкасается с расширением у основания дужки. Кольцо выполнено в технике глубокого литого рельефа. Обратная

⁶ В более ранних публикациях местом находки указан Рыльский р-н.

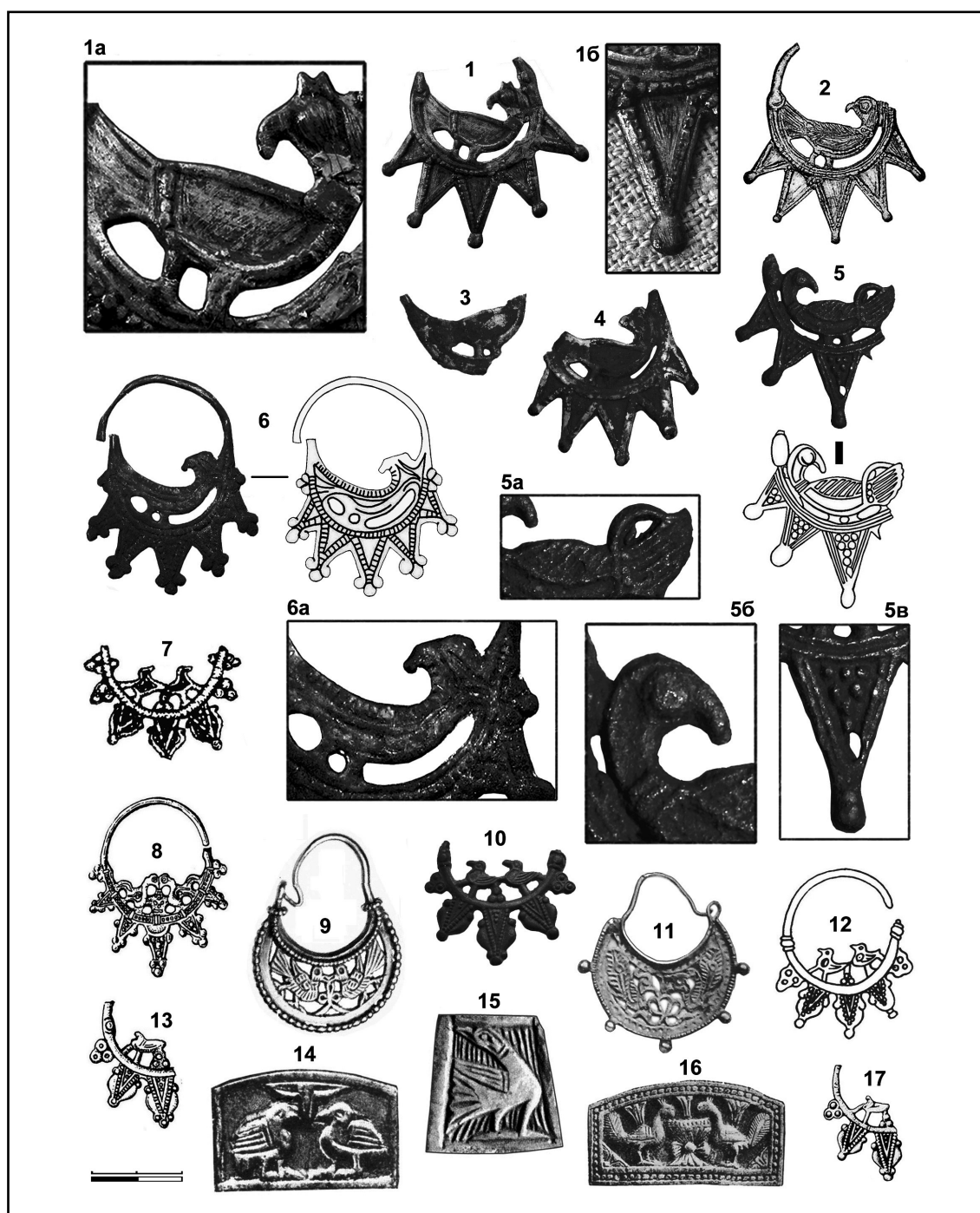

Рис. 3. 1 — Беловский р-н; 2 — Искоростень (по Б.А. Звиздецкому). Б/м; 3 — Мухинское городище; 4 — Корневатский р-н; 5 — городище у д. Лещиновка; 6 — Иштутинское городище; 7, 8, 13 — Супрутское городище (по С.А. Изюмовой и А.В. Григорьеву). Б/м; 9 — Византия (по Т.И. Пушкиной). Б/м; 10 — Ровно; 11 — Мерсина (по Н. Кондакову). Б/м; 12 — Маморницы (по Б.О. Тимошуку). Б/м; 14, 16 — Коринф (по А.В. Банн). Б/м; 15 — Крым (по Пути из варяг...). Б/м; 17 — Гнёздовское поселение (по Н.В. Ениосовой). Б/м.

сторона гладкая. Украшение покрыто плотным слоем черной патины. На центральном луче и, предположительно, хвосте — каверны от литейного брака. Аналогов кольцу автору не известно.

Мухинское городище (Хомутковский р-н). С/н. Кольца билинового лучевого фрагмент, в виде птичьей фигурки, опирающейся лапами на полукруглое основание (рис. 3: 3).

Голова, щиток и лучи кольца аккуратно обрублены. Обратная сторона гладкая. Вес — 1,85 гр. Сохранившийся фрагмент практически полностью совпадает с соответствующими частями колец из Беловского и Корневатского р-нов, давая возможность говорить об идентичности данных украшений.

Надежная датировка височных колец с птичьими фигурами на верхней части щитка

из Искоростеня и Супрут второй пол. IX в. — рубежом IX—X вв. (Звіздецький и др. 2004: 78; Зорин, Шпилев 2009: 125) позволяют отнести изготовление курских колец с зооморфным оформлением верхней части щитка к этому же времени.

Ближайшие аналогии сюжетам на кольцах из Курской области, Супрут, Гнёздово, Искоростеня, Маморниц и Ровенской области обнаруживаются на территории Византийской империи. Так, одинарное стилизованное изображение орла (?) присутствует в верхней части штампованной византийской серьги из Македонии (Рябцева 2005: 179, рис. 97: 3), а композиционно близкие к изображениям на кольцах из Курской области и Искоростеня фигуры хищных птиц с повернутой назад головой изображены на костяных пластинках X—XI вв. из Херсонеса (Искусство Византии... 1977. Т. 2. № 610, 611а-в; Якобсон 1964: табл. XVIIа-г; Путь из варяг в греки... 1996: № 794) (рис. 3: 15). Сюжет с парным изображением птиц на кольцах из Супрут, Гнёздово, Ровенской области и Маморниц так же находит аналоги в византийском искусстве. Ему соответствуют фигуры птиц по сторонам чаши, грозди или куста на византийских золотых серьгах VII в. из Мерсины близ Тарса, Константинополя, Фенекпусты (Кондаков 1896: табл. XVIII: 1, 2; Айбабин 1982: 193), золотой дугообразной пластинке из Херсона (Путь из варяг в греки... 1996: 84, 89), двусторонних византийских костяных гребнях X—XI вв. из Коринфа (Банк 1959: рис. 8—9), стеле VI—VII вв. из Египта (Искусство Византии... 1977. Т. 1. № 286), мозаике на полу крестообразного храма VI в. в окрестностях Херсонеса и апсиде базилики второй пол. VI в. на о. Лесбос (Якобсон 1959: рис. 125, 129), поясных бляшках и наконечниках византийских поясов VII—VIII вв. (Комар, Стрельник 2009: 152—155, рис. 4) (рис. 3: 9, 11, 14, 16).

Вероятно, изображения птиц в раннесредневековом искусстве Византии несли не только эстетическую, но и символическую-религиозную нагрузку. Так, орёл олицетворял воскресение и новую жизнь, начавшуюся с крещенской купели, а также душу христианина, которая крепнет с помощью добродетели. Пара симметрично расположенных по сторонам виноградной грозди или чаши со священным вином павлинов — бессмертие души (павлин), обретенное путём приобщения к учению Христа, символически изображаемое в виде виноградной лозы или чаши с вином («Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь», «Сия чаша есть Новый Завет

в моей крови, которая за Вас проливается»). На некоторых изображениях птицы имеют короткие хвосты. Возможно, они изображают голубей — символов Святого Духа, чистоты, вдохновенной мысли, мира, Крещения, Благой Вести, или куропаток — символов истины Христа.

Совпадение сюжетных и стилистических приемов изображений птиц у обнаруженных на славянских памятниках Юго-Восточной Европы височных колец с образцами византийского декоративного и прикладного искусства VI—XII вв., вероятно, позволяет связать эти кольца с раннесредневековой византийской ювелирной традицией. Попадая в руки местных ювелиров, височные кольца из Византии могли или использоваться для вторичных отливок, или служить образцами при создании украшений, соединявших в себе как импортные влияния, так и привычные для их покупателей элементы декора. К таким местным подражаниям, вероятно, относится кольцо из Ишутино, внешний облик которого создает впечатление определённой стилистической хаотичности.

Интересен факт присутствия в западноукраинских регионах не только лучевых височных колец с двумя птицами на верхней части щитка (Ровенская обл., Маморницы), но и пятилучевых ложнозернёных колец. Одно из таких колец было обнаружено при раскопках городища-святилища Звенигород в Тернопольской обл. (Русанова, Тимошук 2007: 86, рис. 57: 1), второе — поднято на территории поселения в Ровенской обл. (Домонгол 2010) (рис. 2: 31). Эти находки могут поставить вопрос о том, что ряд обнаруженных на восточнославянских поселениях лучевых ложнозернённых височных колец, возможно, также является дунайским или византийским импортом или же является подражанием импортным украшениям.

Лучевые ложнозернёные

Беловский р-н. С/н. Предположительно, окрестности д. Долгий Колодезь. Кольцо (Ø дужки — 24×30 мм, общая высота — 38 мм) билоновое пятилучевое (рис. 2: 23). К внешней стороне дужки крепятся пять лучей, к внутренней — три. Лучи представляют собой пирамидки из шариков ложной зерни. Центральные лучи крупнее боковых. Обратная сторона украшения аналогична лицевой. Типологически близкие кольца были обнаружены на Чёртовом городище (Калужская обл., Россия) (рис. 2: 25) и Воротынцевском селище (Орловская обл., Россия) (рис. 2: 24). По мнению А.В. Григорьева, они датируются IX в.

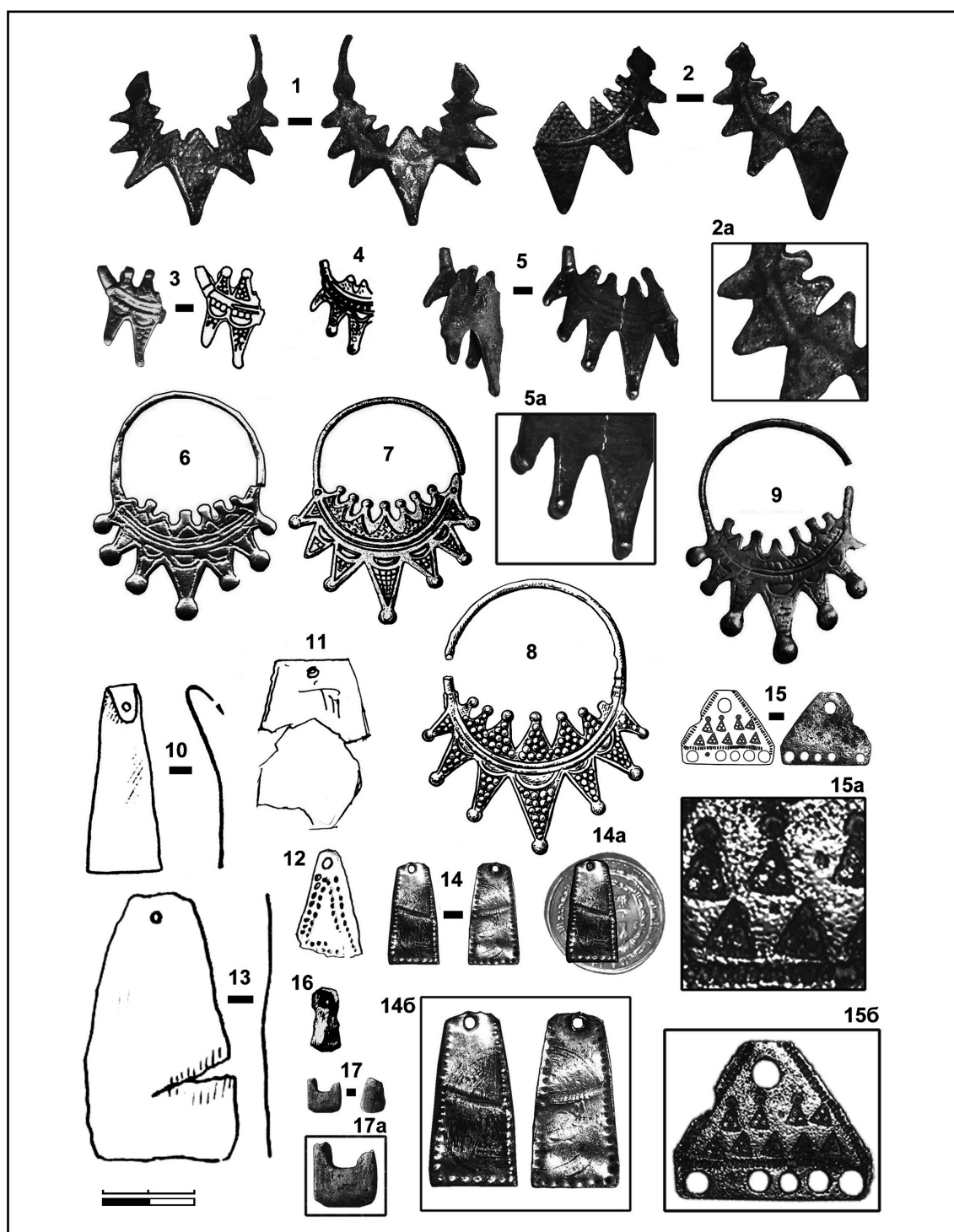

Рис. 4. 1, 5 — Ишутинское городище; 2 — городище «Красный Курган»; 3 — Горнальское поселение; 4 — Воробьёвский клад (по Е.А. Шинакову). Б/м; 6 — Жидеевский клад. Б/м; 7 — Кубаево (по А.А. Спицыну). Б/м; 8, 16 — Большое Горнальское городище (8 — по А.В. Кузе; 16 — по Г.Ф. Соловьевой); 9 — Гочевский могильник. Раскопки В.Н. Глазова. Курган № 24; 10 — городище Переверзево II (по А.А. Узянову); 11—12 — Липинское городище (по П.И. Засурцеву); 13 — поселение Воробьёва 2 (по Э.А. Сымоновичу); 14 — Беловский р-н; 15 — Липинское городище; 17 — Лебяжье. Курган № 1, погр. 2.

и являются самыми архаичными среди лучевых колец Верхней Оки (Григорьев 2005: 88, рис. 38: 2, 3; Устное сообщение 2009 г.). Отличие колец с Воротынцева и Чёртова городища от кольца из Беловского р-на заключается лишь в меньшем количестве рядов ложной зерни в некоторых лучах и присутствием лож-

нозернённого пояска, соединяющего основания верхних зубчиков украшения с Чёртова городища.

Воробьёвский клад (Золотухинский р-н). Раскопки С.С. Ширинского. 1968 г.

Кольца билонного ложнозернённого семилучевого фрагмент (рис. 4: 4). Прорисовка

№5. 2010

кольца дана по Е. А. Шинакову, классифицировавшего его как 26-й вариант типа «К» группы IV (Шинаков 1980а: 121, рис. 2; Шинаков 1980б: табл. СХLI). По мнению С. С. Ширинского, кольцо входило в состав денежно-вещевого клада, обнаруженного жителями д. Воробьевка в начале 1965 г.

Зимой 1965 г. ученики 2-й Воробьевской школы нашли на подзимней вспашке перед зданием сельского клуба серебряные дирхемы. Весной уже десятки ребят начали поиски на месте находки и обнаружили большое количество монет, а также серебряные украшения и темно-красные призматические бусы. Школьным учителем Н. Ф. Синкевичем и курским археологом Ю. А. Липкингом у местного населения было собрано 174 дирхема (старшая монета — саманидский дирхем Исмаила ибн Ахмада с именем халифа ал-Му'тадида, чеканенный не позже 892/893 г., младшая монета — саманидский дирхем Мансура ибн Нуха 975/976 г.), переданных ими Курскому областному краеведческому музею. Судьба находившегося у Ю. А. Липкинга серебряного браслета и трёх бусин неизвестна. В 1968 г. Сейменским отрядом Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН СССР под руководством С. С. Ширинского на месте находки клада были проведены раскопки (селище 1, раскоп 1), в ходе которых обнаружили фрагмент серебряного семилучевого височного кольца, боченковидную гирьку, сердоликовую восьмигранную призматическую бусину, 6 стеклянных бусин, 66 серебряных дирхемов, бронзовую пластинчатую оковку и обломки бронзовой проволоки. С. С. Ширинский предположил, что все встреченные по соседству с местом находки клада 1965 г. предметы образуют единый с ним кладовый комплекс, который был спрятан за пределами построек, очевидно, на территории чьей-либо усадьбы. От местного населения исследователь получил серебряный браслет, 2 целых и 30 обрезанных по кругу монет. Дирхемы были переданы в ГИМ. По предварительному определению С. А. Яниной, младшая из сохранившихся год выпуска монет датируется 965 г. (Ширинский 1968: 5; Гребенникова, Шпилев 2009: 34—44).

Топография клада и хронология его нумизматической части позволяют включить Воробьевский клад в группу курских кладов, укрытых при разгроме Курского Посеймья князем Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. Заключение, § 8).

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки Г. Ф. Соловьевой. 1971 г.

Кольцо (Ø дужки 42 мм) билоновое семилучевое (рис. 4: 8) и щиток без дужки.

Жилище № 1. Одно украшение найдено в яме № 3, второе — в заполнении постройки (Соловьева 1971: 7, 9; Куза 1981: 13, рис. 5: 4, 5). Проведённый Р. С. Орловым металлографический анализ колец показал, что основу их сплава составляет медь (Cu — 60 и 65%) и серебро (Ag — 37 и 32%) с добавлением лигатуры (Pb — 1,4 и 1,3%, Bi — 1 и 0,7%, Zn — 0,2 и 0,1%, Sn — 0,5 и 0,2%) (Орлов 1988: 154). Конец X в.

Кольца типа «Горналь» одинаковы: имеют ложнозернёный орнамент, каплеобразные завершения лучей и зубчиков, фестоны под двумя рельефными продолжениями дужки на щитке, утолщения или их следы у основания дужки, гладкую обратную сторону. По классификации Е. А. Шинакова кольца относятся к 26-му варианту типа К группы IV, датированному кон. X — нач. XI вв. (Шинаков 1980а: 121, рис. 2).

Горнальское поселение (Суджанский р-н). С/н. Фрагмент кольца (рис. 4: 3), аналогичного кольцам с городища, был обнаружен учащимися местного интерната при разбивке огорода, расположенного примерно в 60 м севернее от вала Большого городища, у западного края залесённого склона. Сообщение С. А. Остроухова.

Дьяконово с. (Октябрьский р-н). С/н. Кольца (Ø дужки — 15 мм) билонового пятилучевого фрагмент (рис. 2: 26). Обнаружено на песчаной дюне у р. Сейм близ с. Дьяконово. Лучи из шариков ложной зерни крепятся к дужке. С наружной стороны — пять (сохранилось 4), с внутренней — три. Внешний центральный луч крупнее остальных и имеет на конце крупную каплю (рис. 2: 26а). Обратная сторона украшения аналогична лицевой, однако ложнозернёного оформления лучей практически не видно. Фонды КГОМА. Кольцо стилистически близко пятилучевому височному кольцу из клада, обнаруженного И. И. Ляпушкиным на Новотроицком городище (Сумская обл., Украина) в кв. У3 (Ляпушкин 1958: 24, 26, рис. 13, табл. ХСI) (рис. 2: 27). Возможная датировка — IX в.

Ишутинское городище (Рыльский р-н). С/н.

1) Кольца (Ø дужки — 30 мм) билонового семилучевого фрагмент (рис. 4: 1). Отсутствует фрагмент дужки. Вес — 6,42 гр. На гладкой оборотной стороне чётко читается идущее от одного края щитка к другому объемное обозначение дужки. Аналогично кольцу с городища Переверзево II; 2) Кольца (Ø дужки — 33 мм) билонового семилучевого ложнозернёного фрагмент (рис. 4: 5). Вес — 4,42 гр. Изделие было свернуто пополам, что изначально затруднило типологизацию данного украшения. После разворачивания кольца ока-

залось, что украшение полностью аналогично лучевым ложнозернёным кольцам с Большого Горнальского городища и Воробьёвского кла- да. Вторая пол. X в.

Городище «Красный Курган» (Хомутовский р-н). С/н. Кольца (Ø дужки — 38 мм) билонового лучевого фрагмент (рис. 4: 2). Сохранилось 4 луча и круглое расширение у правого основания дужки. На гладкой оборотной стороне чётко читается идущее от одного края щитка к другому объемное обозначение дужки. Аналогично кольцу с городища Переверзево II.

Поселение у д. Кострова (Рыльский р-н). С/н. Кольцо (Ø дужки — 25 мм, высота подвески — 12 мм) билоновое (рис. 2: 13). Вес — 3,1 гр. На внешней стороне дужки, с большим интервалом друг от друга, расположены гладкий центральный луч в виде «грозди» с двухрядным ложнозернёным бордюром по краям (рис. 2: 13а) и двумя бутонообразными пирамидками по бокам. В центре с внутренней стороны дужки крепится гладкий треугольник с однорядным ложнозернёным бордюром, из верхней части которого выходят два соединяющиеся с дужкой полукруглых «усика». Обратная сторона украшения аналогична лицевой. Стилистически кольцо близко лучевым серьгам VII—VIII вв. из Далмации и районов Нижнего Дуная (Григорьев 2000: 128, рис. 46: 21, 23). Вероятно, относится к обнаруженной на поселении группе украшений раннего этапа роменской культуры («пласт вольнцевских древностей» по А. В. Григорьеву), датируемых сер. VIII — нач. IX вв.

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1982 г.

Кольцо билоновое семилучевое (рис. 2: 30). В месте соединения дужки со щитком находятся круглые расширения с углублениями в центре. Снизу и сверху к дужке крепятся по семь остроконечных лучей, при этом центральные лучи крупнее боковых. Лучи покрыты ложной зернью, которая по краям, за счёт более высокого рельефа, образует своеобразные бордюры. Участок 10, кв. Л13, вскрытая часть хозяйственной ямы № 278 (1-й штык), п/н 757. Яма № 278 входила в «усадебный» комплекс сооружения № X (сильно углублённая подквадратная полуземлянка с кубовидной глинобитной печью), функционировавший в кон. IX — первой пол. X вв. (Узянов 1982: 11—13, 25; Узянов 1984: 93). Проведённый Р. С. Орловым металлографический анализ изделия показал, что основу его сплава составляет серебро (Ag — 78%) с добавлением лигатуры (Cu — 16%, Zn — 4%,

Pb — 1,4%) (Орлов 1994: 51). Экспонируется в ГИМе (Москва).

Наиболее близкая аналогия кольцам из Переверзево II, Красного Кургана и Иштутино обнаружена И. И. Ляпушкиным в жилище № 45 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 129, рис. 85: 5, табл. ХСII: 7). При этом на обратной части новотроицкого украшения имеется такая же рельефная имитация дужки, как и на курских кольцах. Новотроицкое городище было разгромлено во второй пол. 830-х гг. (Зорин, Шпилев 2009: 118), что определяет нижнюю дату бытования данного типа височных колец первой третью IX в. Верхний рубеж может быть датирован по существованию переверзевского жилища № X кон. IX — первой пол. X вв.

Лучевые с гравированным щитком

Мухинское городище (Хомутовский р-н). С/н. Кольца семилучевого фрагмент (рис. 2: 28). Сохранилось три боковых луча с каплевидными завершениями, соприкасающимися своими основаниями с дужкой кольца. К противоположной стороне дужки крепятся три остроконечных зубчика, причём расположенный ближе к центру крупнее двух крайних. Зубчики и лучи орнаментированы неглубокими прямыми вдавлениями (рис. 2: 28а). В месте соединения со щитком дужка имеет вид плоского овала со следами механического воздействия. Вес — 1,93 гр. Кольцо покрыто патиной светло-коричневого цвета, обратная сторона гладкая. Возможная датировка — IX — первая пол. X в.

Прослеживается почти полная аналогия между мухинской находкой и кольцом, обнаруженным П. М. Еременко в кург. № 25 у с. Влазовичи (Сурожский у., Черниговской губ.) (рис. 2: 29). Однако курское украшение является более ранним, т.к. на его щитке присутствуют чётко выраженное объёмное продолжение дужки, а также овальное расширение в месте соединения дужки и щитка. В экземпляре же из Влазовичей расширения у основания дужки отсутствуют, а её продолжение на щитке обозначено рядом наклонных прямых насечек (Недошивина 1980: рис. 2; Богомольников 2004: рис. 6: 6). На более позднюю дату влазовичского украшения указывают и найденные вместе с ним семилучевые кольца с гладким щитком, характерные для радимических древностей конца X—XI вв. Дальнейшее эволюционное развитие колец этого типа, вероятно, привело к появлению колец с трехчастным окончанием лучей типа «сельцо» (Шпилев 2009б: 13).

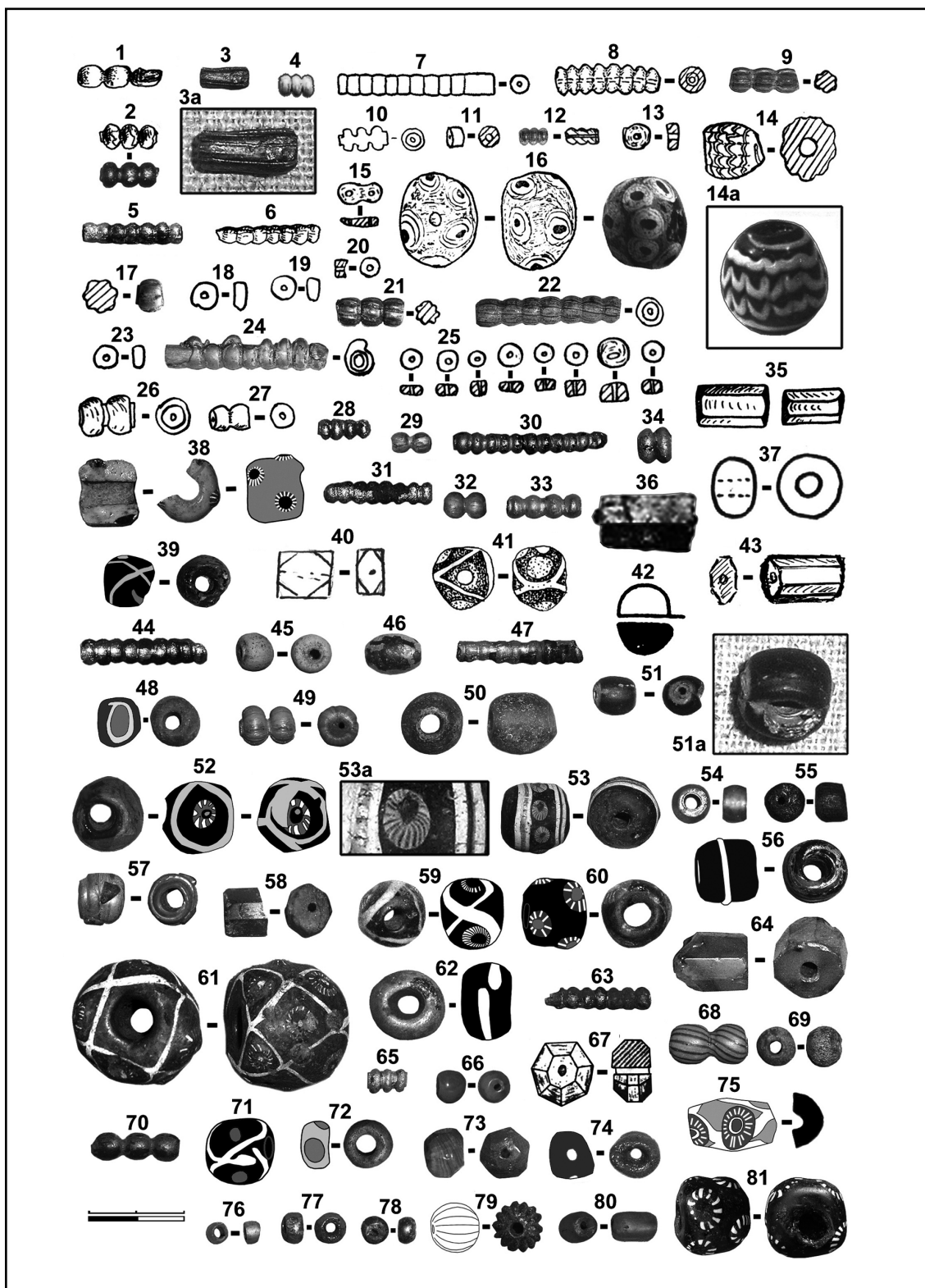

Рис. 5. Бусы, найденные на курских памятниках роменского времени. Прорисовки № 1, 2, 6—8, 10, 11, 13, 14—16, 18—20, 23, 25—27, 35, 37, 40, 42, 43, 67 даны в соответствии с рисунками в «Отчётах» и статьях.

Жидеевский клад (Железногорский р-н). С/н. Пять билоновых семилучевых колец (рис. 4: 6). Входили в состав денежно-вещевого клада, найденного на территории поселения в 2003 г. (см. «Очелье»). Верхние зубчики колец выполнены в форме прямоугольников, щиток украшен двумя гравированными продолжениями

дужки с фестонами под ними, а лучи и нижняя часть зубчиков — изображениями треугольников. Следы утолщений на дужках отсутствуют. Разъёмы на дужках (три справа, два слева) жидеевских колец, вероятно, свидетельствуют об их асимметричном ношении. Кольца относятся к выделенному Е. А. Шинаковым типу

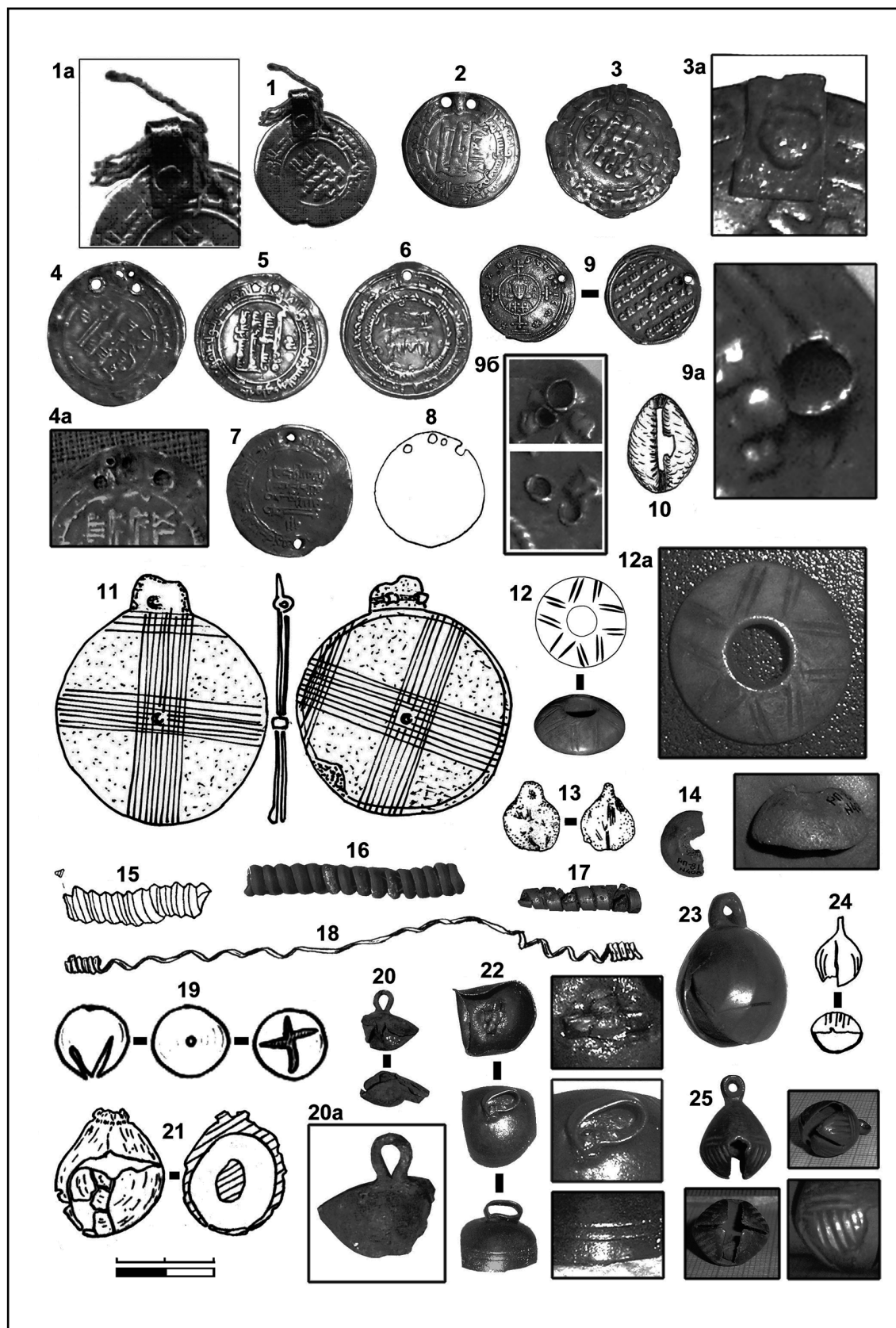

Рис. 6. 1 — Жидеевский клад. Б/м; 2—3 — Воробьевский клад; 4—7 — Беловский клад; 8, 14 — городище Переверзево II; 9 — Красниковский клад; 10, 12, 25 — Шуклинское городище (10 — по Т.Н. Никольской); 11 — городище «Кузина Гора» (по О.А. Щегловой); 13 — Люшинское городище (по Г.Ю. Стародубцеву); 15, 21 — городище «Гора Ивана Рыльского» (по М.В. Фролову); 16 — Лебяжье. Курган № 1, погр. 2; 17 — Липинское городище; 18, 24 — Большое Горнальское городище (по А.А. Узянову, 24 — б/м); 19 — поселение Воробьевка 2 (по Э.А. Симоновичу); 20 — городище Переверзево II; 22 — поселение Переверзево I; 23 — Кострова.

№5. 2010

Н (вариант 29) V группы кон. X — нач. XI вв. (Шинаков 1980а: 122). Наиболее ранние кольца данного типа встречены в курганных захоронениях Кветуньского могильника (Брянская обл., Россия). Датировка колец Жидеевского клада — последняя четверть X в. (985 г.).

Серьгообразные литые

Поселение у д. Кострова (Рыльский р-н).
С/н. 1) Кольцо бронзовое (?) литое (Ø дужки — 20 мм, общая высота — 40 мм) (рис. 2: 14). В нижней части кольца — имитация продолговатой подвески с круглыми расширениями в центре и на конце. По бокам подвески расположены две пирамидки из трёх шариков, такая же пирамидка крепится с внутренней стороны дужки напротив подвески. Вес — 2,83 гр. Аналогов данному украшению автору не известно. Похожие стилистические элементы присутствуют у некоторых колец Фативижского клада (Сумская обл., Украина), датированного А.В. Григорьевым сер. VIII — нач. IX вв. (Григорьев 2000: 21); 2) Кольцо билоновое (?) литое (Ø дужки — 16×19 мм, общая высота — 34 мм, длина подвески — 15 мм) (рис. 2: 17). Вес — 3,85 гр. В нижней части кольца имеется литая имитация продолговатой подвески с овальным расширением в центре и шарообразным окончанием. Внутри кольца размещена фигурная композиция из трёх полукружий — большого (примерно 2/3 высоты внутреннего пространства) в центре и двух маленьких по его бокам. Напротив верхней части центральной петли с двух сторон к дужке изнутри и снаружи прикреплены небольшие пирамидки. Подвеска аналогична серьгам из Фативижского клада (рис. 2: 18), юртообразной постройки № 2 Битицкого городища (Сумская обл.) (рис. 2: 19) (Ляпушкин 1959: 72, рис. 10) и женского захоронения, обнаруженного вне его укрепленной территории (Юренко, Сухобоков 1993: 43); 3) Кольцо билоновое (?) литое (Ø дужки — 16×19 мм, общая высота — 37 мм, длина подвески — 18 мм) (рис. 2: 15). Вес — 3,85 гр. В нижней части кольца имеется литая имитация продолговатой подвески с круглыми расширениями в центре и на конце. На дужке кольца сделаны расширения, имитирующие круглые насадки. Внутри кольца, напротив подвески, имеется возвышение треугольной формы. Стилистически кольцо близко к некоторым кольцам Фативижского клада (рис. 2: 16).

Близость серьгообразных литых колец с Костровского поселения кольцам Фативижского клада и Битицы позволяет отнести их к комплексу украшений раннего этапа ромен-

ской культуры («пласт вольтинцевских древностей» по А.В. Григорьеву), датированного сер. VIII — нач. IX вв. (Григорьев 2000: 21). Об использовании таких колец в качестве височных украшений может свидетельствовать нахождение кольца данного типа у левого виска битицкого захоронения (Юренко, Сухобоков 1993: 43).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А.А. Узянова. 1981 г.

Бронзовая литая серьга (10×50 мм), т.н. «салтовского» типа (рис. 2: 21). Кв. В31, сооружение № XIV, п/н 487. Функционирование сооружения относится к выделенному исследователем 1-му роменскому периоду существования городища (кон. IX — первая пол. X вв.⁷) (Узянов 1984: 93, рис. 314: 4). Экспонируется в ГИМе.

Кольцо является подражанием салтовским составным кольцам с подвеской в виде нанизанных на стержень дутых шариков или бусинок и насаженных на кольцо шарообразных нанизок, украшенных зигзагообразным орнаментом (рис. 2: 22). По материалам Дмитриевского катакомбного могильника (Белгородская обл., Россия) данные украшения отнесены С.А. Плетнёвой к 4-му типу колец, преимущественно обнаруженных в катакомбах I группы (№ 56, 57, 106 и 125) кон. VIII — первой пол. IX вв. Литые подражания этим кольцам обычно находятся в катакомбах более позднего периода — сер. IX в. (№ 119), второй пол. IX — первых десятилетий X в. (№ 38, 92, 95а, 119, 169). Лишь в одном случае литое подражание найдено в катакомбе I группы (№ 23), а у ещё одного захоронения (№ 59) хронология не была установлена (Плетнева 1989: 113, рис. 57, 119).

Дату бытования кольца из Переверзево уточняет обнаруженный вместе с ним бронзовый килевидный узкий трёхлопастный черешковый наконечник стрелы (п/н 482). Он относится к 18-му типу (по А.Ф. Медведеву), существовавшему в VIII—IX вв. и исчезающему в начале X в. (Медведев 1966: 60). Преимущественная датировка дмитриевских литых подражаний второй пол. IX — первыми десятилетиями X вв. и присутствие исчезающего в нач. X в. наконечника стрелы позволяют датировать переверзевское кольцо кон. IX — нач. X вв.

Ратский комплекс (Курский р-н). Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1875 г.

⁷ Ряд предметов, обнаруженных на городище Переверзево II, датируется более ранним временем, что позволяет предположить существование памятника в кон. VIII — IX вв.

Кольца литого «салтовского» типа фрагмент (рис. 2: 20). Согласно Е. А. Шинакову, происходит из материалов раскопок Д. Я. Самоквасова и относится к роменскому периоду существования памятника (Шинаков 1980б: 121, табл. СXXXV).

Помимо Переверзево II и Рати, литые подражания салтовским составным кольцам обнаружены в Зарайском кладе, на Новотроицком и Супрутском городищах. Суммарная датировка этих памятников — вторая треть — кон. IX в. По материалам Дмитриевского могильника (Белгородская обл., Россия) серьги данного типа использовались как женщинами, так и мужчинами (Плетнева 1989: табл. 69, 70). О применении их роменцами в качестве женских височных украшений могут свидетельствовать две серьги салтовского типа, найденные С. А. Изюмовой на Супрутском городище у левого виска костяка в погребении из раскопа VII (Воронцова 2002: 112), и 5 серёг, надетых на браслетообразные кольца из Зарайского клада (Макарова 2005: 127).

Бусы

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки Д. Я. Самоквасова. 1875 г. «Четыре глиняных бусы». Обнаружены «при прорытии двух пробных ям в Белогорском городище, Суджанского уезда, на р. Псле» (Самоквасов 1878: 231).

1971 г. Раскопки Г. Ф. Соловьевой.

Бусина-пронизка. Р. II, яма № 1. В яме также были найдены обломки лепных роменских сосудов, глиняное пряслице, 2 железных ножа и фрагмент перстня с завязанными концами (Соловьева 1971: 10).

1972 г. Раскопки А. В. Кузы.

1) Жилище № 3 — 3 стеклянные пронизки (рис. 5: 2) в яме № 6 и стеклянная бусина (тип не указан) в яме № 7 (Куза 1981: 15); 2) Жилище № 7 — 7-частная пронизка (№ 56) (рис. 5: 6) в яме № 4 (Куза 1981: 18). По находкам в ямах № 3 и № 5 шиферных пряслиц жилище № 7 датируется второй пол. X в.; 3) Жилище № 9 — удлиненная прямоугольная бусина синего стекла (Куза 1981: 19); 4) Жилище № 12 — стеклянные бусины (число и тип не указан) (Куза 1981: 21). По находке шиферного пряслица в заполнении жилища № 12 оно датируется второй пол. X в. В «Списке находок» отчёта упоминаются ещё 19 стеклянных бус без подробного описания. На рисунке № 46 «Отчёта» помещена фотография 9 бус разных типов, однако у рисунка отсутствует внутренняя нумерация и легенда (Куза 1972: 41—53, рис. 46). В фондах КГОМА

хранится несколько бусин из раскопок 1972 г.: 1) Пронизка стеклянная 7-частная серебристо-серого цвета (22×4 мм)⁸ (рис. 5: 5). Р. III, п/н 60 (КМА 239/17/1); 2) Пронизка 3-частная синего цвета (12×6 мм) (рис. 5: 2). Р. III, п/н 18 (КМА 239/17/2). Соотносится с одной из стеклянных пронизок, найденных в яме № 6 жилища 3 (рис. 5: 2); 3) Бусина цилиндрическая синего цвета с продольными выпуклыми линиями (10×5 мм) (рис. 5: 3). Западная траншея (КМА 239/17/3).

1973 г. Раскопки А. А. Узянова.

1) Пронизка стеклянная. Р. 16, кв. А, шт. 2, п/н 10; 2) Пронизка стеклянная. Жилище № 19. Р. 16, кв. Б, шт. 3, п/н 50 (Узянов 1973: 17).

Воробьёвский клад (Золотухинский р-н). Поселение 1. Сборы Ю. А. Липкинга (1965 г.) и раскопки С. С. Ширинского (1968 г.).

В доступных автору источниках отмечается наличие 2 бусин сердоликовых восьмигранных призматических тёмно-красного цвета (рис. 5: 35, 43. Б/м). Внешний вид ещё двух найденных Ю. А. Липкингом и шести найденных С. С. Ширинским бусин автору неизвестен. Количество, тип и внешний вид бус оставшихся у местного населения, неизвестен. (См. *Лучевые ложнозернёные кольца*).

Воробьёвка вторая (Золотухинский р-н).

Поселение 1. Раскопки Э. А. Сымоновича. 1970 г.

Бусина зонная (9×15 мм) синяя стеклянная (рис. 5: 37). «П/м с роменского селища» (Сымонович 1970б: 22; Сымонович 1974: рис. 4: 1).

Поселение 2. Разведки С. С. Ширинского. 1968 г.

Глазчатая бусина. Найдена во время шурфовки поселения. Отнесена исследователем к верхнему наслоению культурного слоя с отдельными роменскими черепками и значительным количеством обломков ранней гончарной посуды. Датирована второй пол. X — нач. XI вв. (Ширинский 1969: 68).

Раскопки Э. А. Сымоновича. 1970 г.

Пронизка 2-частная. Р. I, выброс (Сымонович 1970б: 20).

Городище «Гора Ивана Рьльского» (г. Рыльск). Раскопки М. В. Фролова.

1986 г. Пронизка 11-частная (35×3,5 мм) стеклянная синяя в виде тянутой трубочки обжатой формовочными щипцами (рис. 5: 7). После обжата сверху наложена тонкая тёмно-синяя нить и три более широких ниточки желтовато-белого стекла. Кв. Б1, гл. - 409, п/н 284 (Фролов 1987: 14—15).

⁸ В размерах первое значение — ширина (от отверстия до отверстия), второе — высота.

1989 г. 1) Пронизка 8-частная двухслойная зеленоватого стекла (рис. 5: 8). Кв. А3, гл. - 335, п/н 411; 2) Бусина бочонкообразная фестончатая тёмного непрозрачного стекла с накладной спиральной нитью жёлтого стекла (рис. 5: 14). Кв. А4, гл. - 340, п/н 413; 3) Бусина крупная округлая синего стекла с 12 сине-белыми глазками (рис. 5: 16). Кв. Б4, гл.-340, п/н 414. Согласно определению Ю.А. Лихтер, все бусы 1989 г. сирийского и египетского происхождения, имевшие наибольшее распространение в Поднепровье в VII—VIII вв. (Фролов 1989: 19).

1990 г. 1) Пронизка 3-частная (8×5 мм) белого цвета (рис. 5: 4). Кв. Б4, гл.-386, п/н 523 (Фролов 1991: 17); 2) 2 бисеринки белого (5×2 мм, кв. Б4, гл.-450, п/н 527) (рис. 5: 11) и жёлтого (кв. Б3, гл.-502, п/н 535) (рис. 5: 20) цветов обнаружены в заполнении жилища № 2 (Фролов 1991: 18). Кроме бусин в заполнении постройки были найдены две бронзовые спиральки; глиняное орнаментированное наколами биконическое пряслице, имеющие аналоги в балтских древностях типа Тушемли-Колочина; украшенная верёвочным орнаментом лепная керамика из глины с добавлением песка, шамота и дресвы; остатки тонкостенной раннегончарной посуды со следами частичного лощения и фрагмент орнаментированного многорядной волной чернолощеного вольнцевского сосуда. В юго-западном углу жилища расчищена глинобитная печь, которая впоследствии была перестроена в печь для обжига керамики. Опираясь на радиоуглеродный анализ печей (1320 лет и 1290 лет), характера керамики и находок, исследователь датировал время бытования постройки кон. VII — первой пол. VIII вв., выделив два периода бытования жилища — колочинский (пряслице, спиральки) и начальный этап существования роменской культуры (значительная примесь вольнцевской керамики в керамическом комплексе жилища) (Фролов 1991: 20—21; Фролов 1994: 304—305).

Однако связывать сооружение жилища № 2 с носителями колочинской культуры не позволяют его конструктивные особенности, в первую очередь — присутствие глинобитной печи. Согласно А.М. Обломскому, отопительные сооружения колочинских построек представляют собой открытые очаги, печи же в постройках этой культуры неизвестны. Жилища с печами на памятниках Подесенья, Посеймья и востока Днепровского Левобережья относятся уже к более позднему вольнцевскому этапу и роменской культуре (Гавритухин, Обломский 1996: 103). Исходя из вышесказанного, датировку времени существования

постройки правильнее производить по обнаруженным в её заполнении и развале печи фрагментам чернолощеной гончарной керамики. О.А. Щеглова предполагает, что такая керамика появляется в сер. VIII в., центр её производства находился в ареале вольнцевских памятников, а изготовление было связано с деятельностью пришлового салтовского населения (Щеглова 1986: 22). Таким образом, время возникновения и бытования жилища № 2, вероятно, должно быть определено сер. VIII — нач. IX вв. и отнесено к вольнцевскому культурно-хронологическому горизонту роменской культуры.

Необходимо отметить, что приводимые М.В. Фроловым чертежи позволяют предположить наличие в постройке № 2 ещё одной глинобитной печи. По мнению А.В. Зорина, её остатки фиксируются на уровне нижнего пола в виде обожжённой по краям плотной глинистой площадки в виде трапеции с закруглёнными углами, окаймлённой небольшими столбовыми ямками глубиной до 20 см. Вероятно, эти остатки основания печи принадлежали отопительному устройству, сооружённому одновременно с постройкой жилища. Затем его разобрали до основания, сделали подсыпку пола и возвели новую печь. Печи подобной конструкции, имеющие в основании аналогичные глинобитные площадки, окаймлённые ямками для прутьев каркаса, были обнаружены при раскопках А.В. Зорина в Курске в 2008 г. (Устное сообщение А.В. Зорина, 2009 г.).

1991 г. 1) В слое чёрной глины с углем найдены две 3-частные стеклянные зелёные ребристые пронизки (15×7 мм, кв.15, гл. - 358, п/н 617 (рис. 5: 21) и 17×7 мм, кв.31, гл. - 364, п/н 618 (рис. 5: 9)), жёлтая рубленая стеклянная бисеринка (7×3 мм, кв.11, гл. - 354, п/н 619) (рис. 5: 13) и одинарный фрагмент синей ребристой пронизки (9×8 мм, кв. 11, гл. - 362, п/н 620) (рис. 5: 17); 2) На прямоугольной площадке (50×40 см) сплошного угля с золой мощностью от 3 до 5 см среди угольков собрано 8 стеклянных бисеринок желтого и белого цветов (кв.33—34, гл. - 427, п/н 629) (рис. 5: 25), не бывших в огне. Ещё одна бисеринка — двойная, желтого цвета (10×5 мм, кв. 34, гл. - 413, п/н 628) (рис. 5: 15) найдена здесь же, но на несколько сантиметров выше. Возможно, это изделие или является производственным браком, или же две бисеринки сплелись боками, т.к. украшение имеет два отверстия для нити. Недалеко от скопления бус лежали железный втульчатый ромбовидный наконечник копья (кв.33, гл. - 422, п/н 627), фрагменты венчика, стенки и ручки чернолощеного кругового сосуда с многорядным волнистым

орнаментом. Площадка с востока примыкала к пятну мелких угольков и кальцинированных косточек шириной 70—80 см. С запада пятно было ограничено полосой горелого дерева, с юга — вытянутой с запада на восток угольной полоской протяжённостью 1,8 м (Фролов 1992: 10—12). По сосуду и наконечнику копья весь комплекс может быть датирован сер. VIII — нач. IX вв. и отнесен к вольнцевскому культурно-хронологическому горизонту роменской культуры.

1992 г. Пронизки 3-частная (7×4 мм, кв. 23, гл. - 296, п/н 659) (рис. 5: 12) и 9-частная лимонного цвета (37×8 мм, кв. 26, гл. - 315, п/н 677) (рис. 5: 24) обнаружены в слое темно-серого суглинка со щепой и углём (Фролов 1993: 7, 8).

1992—1993 гг. Пронизки 7-частная синяя (кв. 27, гл. - 396, п/н 742) (рис. 5: 22) и 3-частная «серебристого» цвета (кв. 37, гл. - 412, п/н 878) (рис. 5: 10). Жилище № 3 (Фролов 1993: 16; Фролов 1994: 13, 29). По плоскому шиферному пряслищу постройка датируется второй пол. X в.

1993 г. Пронизка 2-частная синяя (9×6 мм, кв. 41, гл. - 327, п/н 839) (рис. 5: 27), бисеринки светло-зелёного (3×5 мм, кв. 40, гл. - 360, п/н 853) (рис. 5: 23), желтого (3×6 мм, кв. 40, гл. - 360, п/н 854) (рис. 5: 18) и голубого (3×5 мм, кв. 40, гл. - 385, п/н 858) (рис. 5: 19) цвета, 2-частная лимоновидная пронизка золотистого цвета (12×7 мм, кв. 35, гл. - 350, п/н 864) (рис. 5: 26) (Фролов 1994: 23, 25—27).

Жерновецкий курган (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1984 г.

В фондах КГОМА хранится коллекция оплавленных стеклянных бус, обнаруженных при исследовании кургана. Определению поддаются две сплавившиеся многочастные серебростеклянные пронизки (КМА 223/13/2), сильно оплавленный фрагмент зелёного цвета с вкраплениями светло-желтого и красновато-коричневого цветов (КМА 223/13/4), несколько фрагментов бисеринок серого цвета (КМА 223/13/5).

Курган располагался у д. Жерновец близ берегового обреза р. Тускарь. Диаметр курганной насыпи около 20 м, высота — 1,6 м. В основании насыпи на древней дневной поверхности выявлены остатки захоронения по обряду трупосожжения на стороне (кальцинированные кости, фрагменты кострища) и развалы трёх сосудов (лепного роменского, раннегончарного и гончарного). Большая часть основного погребения уничтожена последующими впускными погребениями — ямами овальной или квадратной формы с остатками трупосожжений с кальцинированными костя-

ми человека и животных, обломками лепной и гончарной керамики X — первой пол. XI вв., оплавившимися пастовыми, стеклянными, каменными бусинами, обломками изделий из железа, бронзовыми орнаментированными накладными бляшками сердцевидной формы. Ямы располагались двумя концентрическими кругами, примерно на одном уровне с основным погребением. Верхняя часть насыпи была перекрыта слоем суглинка толщиной до 0,5 м, образующим на вершине кургана уплотнённую площадку диаметром около 4 м. В её центре располагалась прямоугольная яма 0,8×0,6 м, обложенная деревом и перекрытая четырьмя широкими плахами, с кальцинированными костями овцы или козули (почти полный скелет) внутри. Напольная часть насыпи была окружена ровиком (2,5×1,2 м), состоявшим из сплошной цепочки глубоких овальных ям. В верхней части заполнения ям обнаружены необожжённые кости животных и фрагменты горшков XII—XIII вв. Все погребения кургана отнесены А. А. Узяновым к кон. X — первой четв. XI вв. (Узянов 1986: 77).

Обряд захоронения Жерновецкого кургана близок к погребальному обряду носителей верхнеокского варианта роменской культуры, соотносимых с летописными вятичами. Аналогичное явление (вятический обряд погребения на территории летописных северян) наблюдается и в верхнем течение р. Десна. Вероятно, это объясняется пограничным положением данных регионов и высокой степенью взаимопроникновения обитавших здесь представителей двух близкородственных племён. Присутствие в Жерновецком кургане круговой керамики и отсутствие труположений, вероятно, позволяет определить рамки погребений между второй — третьей четв. X в. (начало ввоза в Посеймье киеворусской круговой керамики) и концом X в. (крещение Руси).

Капыстичанское городище (Рыльский р-н). Раскопки А. В. Зорина. 2001 г.

1) Бусина бочёнкообразная (12×13,5 мм, Ø отверстия — 5 мм) пастовая жёлтая с выпуклыми чёрными глазками и красно-белыми «ресничками» (рис. 5: 38). Яма № 32, сл. 2, п/н 136. Фонды КГОМА (КМА 140/59/15); 2) Пронизка 2-частная (9×4,5 мм, Ø отверстия — 1 мм) серебростеклянная (рис. 5: 29). Яма № 34, сл. 2, п/н 135. Фонды КГОМА (КМА 140/59/36). По мнению А. В. Зорина, ямы № 32 и № 34 представляют собой остатки единой постройки, погибшей во время пожара. Судя по всему, постройка была двухъярусной и двухкамерной. Первый ярус был углублён в землю и врезан в материковый суглинок, второй ярус был наземным. Полуподземные

помещения (ямы 32 и 34), разделённые материковой перегородкой, сообщались между собой и, возможно, имели выход наверх через люк в деревянном перекрытии над ямой № 32. Анализ совокупности керамического материала и индивидуальных находок позволил исследователю датировать данное сооружение и время его гибели концом X — началом XI вв. (Зорин 2001: 43, 45—46).

Возможно, городище погибло при разгроме Курского Посеймья князя Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. *Заключение*, § 8).

Поселение Картамышево 3 (Обоянский р-н). Раскопки Е. А. Горюнова. 1980 г.

Круглая глиняная бусина (рис. 5: 42). Найдена в культурном слое поселения. По предположению О. А. Щегловой и И. А. Бажана, может относиться к роменскому времени, т.к. имеет аналогии в материалах поселения Опошня (Щеглова, Бажан 1983: 66, рис. 2: 9).

Курганы у с. Клюква (Курский р-н). Раскопки Д. Я. Самоквасова. 1875 г.

Бусины сердоликовые прямоугольные (рис. 5: 36) и остатки расплавившихся стеклянных бус. Обнаружены во время раскопок роменских курганов у с. Клюквы (Самоквасов 1916: 77, № 3714—3717) (см. *Височные кольца*).

Лебяжье 3 (Курский р-н). Грунтовый могильник. Раскопки Н. А. Тихомирова. 1989 г. При разборке погребения № 11, состоящего из ямного захоронения остатков кремации на стороне, трёх погребальных урн и сопроводительного инвентаря (бусы, 2 перстня и 1 фрагмент железного изделия), были обнаружены: 1) Бусина стеклянная оплавленная — над сосудом № 2, в пашне, на глубине 12 см; 2) Фрагменты спёкшихся бусин — в центральной части погребения, на глубине 29 см, между скоплениями золы и керамики; 3) фрагмента спёкшихся бус — в центральной восточной части погребения на глубине 31 см и 3 фрагмента — в центральной западной части погребения на глубине 35 см. По мнению исследователя, бусы являлись единым украшением и были разделены в момент совершения погребения (Тихомиров 2008: 167). Оплавленные фрагменты содержат остатки бисера синего, жёлтого и зелёного цветов. Н. А. Тихомиров относит могильник к памятникам «вольницевского культурно-хронологического горизонта» и определяет время его функционирования первой пол. VIII — нач. IX вв. (Тихомиров 2008: 165—166).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки П. И. Засурцева. 1951 г.

1) Пронизка 8-частная (23×4,5 мм, Ø отверстия — 1 мм) тёмно-синего цвета, патиниро-

ванная (рис. 5: 31). Р. I, кв. П15, пл. 5 (жилище А), п/н 7887. Фонды КГОМА (КМА 17/2/40). По находке фрагмента биконического шиферного пряслица (п/н 8339) постройка может быть датирована второй пол. X в.; 2) Пронизка 11-частная (33,5×4 мм, Ø отверстия — 1 мм) расстеклованная, патинированная (рис. 5: 30). Р. I, яма № 15, пл. 1 (жилище А), п/н 8335. Фонды КГОМА (КМА 17/2/522). Вторая пол. X в.; 3) Бусина сердоликовая 14-гранная (12×10 мм, толщина — 6 мм) (рис. 5: 40). Р. II, кв. И11, пл. 5 (жилище В), п/н 8084. X в.

1997 г. Раскопки О. Н. Енуковой.

Пронизка 9-частная (27,5×5,5 мм, Ø отверстия — 1 мм) серебростеклянная (рис. 5: 44). Р. 2, яма № 6, сл. 2, п/н 146. По мнению исследовательницы, яма является котлованом роменской постройки (Енукова 1998: 49—50; Енуков 2005: рис. 44: 4⁹; Енукова 2007: 46). Фонды КГОМА (КМА 93/2/82). X в.

1998 г. Раскопки О. Н. Енуковой.

Пронизка 4-частная (11×4 мм, Ø отверстия — 1 мм) лимонovidная серебростеклянная (рис. 5: 28). Р. 2, яма № 46, сл. 3 (придонный), п/н 26. По мнению исследовательницы, яма является котлованом роменской постройки (Енукова 1999: 41; Енуков 2005: рис. 39: 5; Енукова 2007: 46—47). Фонды КГОМА (КМА 98/2/243). X в.

Люшинское городище (Львовский р-н). Раскопки Г. Ю. Стародубцева. 2000 г.

1) Бусины стеклянной желтой фрагмент. Общий вид и особенности оформления не ясны из-за незначительности фрагмента. Яма № 2, п/н 78 (Стародубцев 2000а: 27; Стародубцев 2000б: рис. 97: 2). Фонды Львовского районного краеведческого музея; 2) Бусина чёрного глухого стекла с жёлто-белыми глазками в трёхчастной восьмерке из белой полосы (рис. 5: 41). Яма № 5, п/н 132 (Стародубцев 2000а: 31; Стародубцев 2000б: рис. 98, 2). Фонды Львовского районного краеведческого музея. Исследователь датирует бытование ям сер. — второй пол. X в., «но возможна и более поздняя дата гибели... в результате пожара конца X — начала XI вв.» (Стародубцев 2000а: 31—32).

Возможно, городище погибло при разгроме Курского Посеймья князем Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. *Заключение*, § 8).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Разведка А. И. Алиховой. 1962 г. Траншея 2.

⁹ На прорисовке ошибочно изображена 8-частная пронизка.

1) Пронизка 8-частная (28×5 мм, Ø отверстия — 1 мм) серебростеклянная (?) патинированная (рис. 5: 47). Кв. 4, гл. - 60. КОКМ 24889; 2) Бусина (14×15 мм, Ø отверстия — 5 мм) глухого тёмно-синего стекла с красными глазами и перекрещивающимися голубыми линиями (рис. 5: 52). Сильно патинированная. КОКМ 26469; 3) Бусина овальная (12×9 (в середине) и 7 (по краям) мм, Ø отверстия — 2 мм) стеклянная тёмно-синяя патинированная (рис. 5: 46). КОКМ 24892 (Алихова 1962: 13, план).

Раскопки А. А. Узянова. 1980—1984 гг.

1980 г. 1) Пронизка 8-частная (26,5×5 мм) серебростеклянная. Яма № 31 (12 см от верхнего края пятна), п/н 165. Фонды КГОМА (КМА 224/69/22); 2) Пронизка 9-частная (29×5 мм) серебростеклянная. Кв. 315, яма № 102, п/н 177. Фонды КГОМА (КМА 224/69/23); 3) Бусины сердоликовой призматической фрагмент (сохр. ширина — 9 мм, высота — 11 мм, Ø отверстия — 2 мм) (рис. 5: 58). Кв. Ж18, яма № 31, п/н 167. Фонды КГОМА (КМА 224/69/25). Согласно В. В. Енукову, сердоликовые призматические бусы появляются на территории Восточной Европы в IX в., массово завозятся в X в. и выходят из употребления к середине XI в. (Енуков 2008а: 70, 72); 4) Бусина округлая сплюснутая (8×11,5 мм, Ø отверстия — 3 мм) серого цвета с двумя «глазками» (голубой круг, обрамлённый желтой каймой) (рис. 5: 48). Кв. И26, шт. 1, п/н 105. Фонды КГОМА (КМА 224/69/26). Аналогов автору не известно; 5) Бусина (9,5×10,5 мм, Ø отверстия — 4,5 мм) пастовая цвета «морской волны» с тремя светло-коричневыми объемными включениями неправильной формы (рис. 5: 57). Отвал.

1981 г. 1) Пронизка 2-частная (8,5×7 мм) серебростеклянная (рис. 5: 34). Кв. Е24, шт. 2, п/н 395. Фонды КГОМА (КМА 225/69/97); 2) Пронизки 6-частной (18×4 мм) серебростеклянной фрагмент. Кв. Е25, шт. 2, п/н 389. Фонды КГОМА (КМА 225/69/98); 3) Бусина глазчатая боченкообразная (28×23,5 мм, Ø отверстия — 7 мм) коричневая с белыми перекрещивающимися полосами (рис. 5: 61). Глазки — белая черта в коричневом овале, окаймлённой полосой из красно-белых чёрточек. Кв. Г33, шт. 1 (нижний горизонт), п/н 283. Фонды КГОМА (КМА 225/69/100); 4) Бусина округлая сплюснутая (11×16,5 мм, Ø отверстия — 6 мм) (рис. 5: 62). Патинирована, по центру торца идёт врезная белая полоса с несомкнутыми концами. Кв. Г28, п/н 486. Фонды КГОМА (КМА 225/69/101); 5) Бусина шарообразная (5,5×7 мм, Ø отверстия — 1 мм) сердоликовая (рис. 5: 66). Окрас камня неров-

ный. Кв. В29, шт. 2 (на границе 1-го и 2-го штыков), п/н 338. Фонды КГОМА (КМА 225/69/102). Согласно М. Д. Полубояриновой, мелкие шарообразные, часто неровно окрашенные, сердоликовые бусинки были распространены на территории Восточной Европы с IX по XV вв. В IX—X вв. широко представлены в Бирке, Старой Ладогге, Белой Веже, Салтовском и Баклинском могильниках. В древнерусских курганах датируются X—XI вв. (Полубояринова 1994: 75). По С. А. Плетнёвой, были наиболее популярны среди каменных бус Дмитриевского могильника (Плетнёва 1989: 121); 6) Бусина глазчатая боченкообразная (12,5×9,5 мм, Ø отверстия — 4 мм) чёрная с глазками в трёхчастной восьмерке из белой полосы (рис. 5: 59). Глазки — выпуклый синий (?) круг, окаймлённый белыми «ресничками». Кв. Г32, шт. 2 (верхний горизонт), п/н 281. Фонды КГОМА (КМА 225/69/103); 7) Бусина глазчатая боченкообразная (12×14 мм, Ø отверстия — 5 мм) чёрная с белыми глазками, окаймлёнными широкой красной полосой (рис. 5: 60). Кв. Г35, шт. 1, п/н 493. Фонды КГОМА (КМА 225/69/105); 8) Бусина зонная (5×8,5 мм, Ø отверстия — 3,5 мм) золотостеклянная (рис. 5: 54). Серийное производство. Кв. И28, яма рядом с сооружением XIII, п/н 465. Фонды КГОМА (КМА 225/69/107);

1982 г. 1) Бусина глазчатая боченкообразная (Ø отверстия — 3,5 мм) чёрная с глазками в трёхчастной восьмерке из белой полосы. Глазки — синие, окаймлённые полосой из красно-белых чёрточек. Кв. А30, дёрн, п/н 622. Фонды КГОМА (КМА 233/69/99); 2) Бусины глазчатой биконической (18×10,5 (в середине) и 9 (по концам) мм, Ø отверстия — 3 мм) чёрной с белыми перекрещивающимися полосами фрагмент (расколота вдоль канала) (рис. 5: 75). Глазки — синий круг, окаймлённый узкой белой полоской и синими «ресничками». Кв. Г33, зачистка 3-го штыка, п/н 599. Фонды КГОМА (КМА 233/69/100); 3) Бусина боченкообразная (14×15 мм, Ø отверстия — 4 мм) чёрная с глазками в трёхчастной восьмерке из белой полосы. «Глазки» однотонные бордового цвета (рис. 5: 71). Кв. К23, шт. 3, край ямы № 242, п/н 876. Фонды КГОМА (КМА 233/69/101); 4) Бусина кольцеобразная (6×11 мм, Ø отверстия — 4,5 мм) белая с тремя выпуклыми синими глазками (рис. 5: 72). Кв. И23, яма № 242, шт. 1, п/н 883. Фонды КГОМА (КМА 233/69/102); 5) Бусина кольцеобразная (3×5 мм, Ø отверстия — 2,5 мм) золотостеклянная (рис. 5: 76). Серийное производство. Участок 13, яма № 242, 1 шт. заполнения, п/н 924. Фонды КГОМА (КМА 233/69/104);

6) Бусина зонная (4×6 мм, Ø отверстия — 2 мм) синего цвета (рис. 5: 78). Кв. К30, шт. 3, п/н 667. Фонды КГОМА (КМА 233/69/105); 7) Бусина зонная (4×7 мм, Ø отверстия — 2 мм) серебростеклянная (рис. 5: 77). Кв. Б33, шт. 2, п/н 930. Фонды КГОМА (КМА 233/69/106); 8) Бусина битрапецидная (8,5×10 мм, Ø отверстия — 2 мм) сердоликовая (рис. 5: 73). В поперечном сечении семигранник, окрас неравномерный. Кв. Ж35, шт. 1, п/н 623. Фонды КГОМА (КМА 233/69/107); 9) Бусины призматической сердоликовой фрагмент. Кв. А34, шт. 4, сооружение XVI (1-й штык заполнения), п/н 739. Фонды КГОМА (КМА 233/69/108); 10) Пронизка 3-частная (9×5 мм) серебростеклянная (рис. 5: 65). Кв. Л21 (вост. бровка) кв. К21 (зачистка бровки), п/н 886. Фонды КГОМА (КМА 233/69/109); 11) Пронизка 3-частная (15×4 мм) синяя (рис. 5: 70). Кв. Е31, шт. 2, п/н 612. Фонды КГОМА (КМА 233/69/110); 12) Пронизка 2-частная (7×5 мм) серебростеклянная. Кв. Г28, зачистка фосфоритового щита, п/н 761. Фонды КГОМА (КМА 233/69/111); 13) Пронизка лимоновидная (6,5×5,5 мм) жёлтая. Кв. Ж30, п/н 841. Фонды КГОМА (КМА 233/69/112).

1984 г. 1) Пронизка 8-частная (Ø отверстия — 1 мм, 26×5 мм) серебростеклянная. Сооружение XIX, п/н 1054. Фонды КГОМА (КМА 238/69/15); 2) Бусина зонная (3,5×6 мм, Ø отверстия — 4 мм) серебростеклянная. Сооружение XIX, п/н 1053. Фонды КГОМА (КМА 238/69/16); 3) Бусина пастовая шарообразная (10×10,5 мм, Ø отверстия — 2,5 мм) ребристая тёмно-серого цвета (рис. 5: 79). Сооружение XIX (осыпь южного борта), п/н 999. Фонды КГОМА (КМА 238/69/17). Аналогичная бусина была обнаружена И.И. Ляпушкиным в заполнении жилища № 25 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 98, рис. 65: 2), погибшего во второй пол. 830-х гг. (Зорин, Шпилев 2009: 118). Согласно классификации В.Б. Ковалевской, может быть отнесена к № 113—115 — симметрично усечённым поперечно ребристым эллипсоидным бусам. В Северном Причерноморье ребристые бусы появляются ещё в позднеантичную эпоху, как подражание бусам из «египетского фаянса». В V—VII вв. характерны для памятников Восточного Крыма и Северо-Западного Кавказа, в VII в. — центры находятся в более западных районах Крыма и более восточных районах Кавказа, в VIII—IX вв. из Центрального Предкавказья и Нижней Кубани распространяются на весь ареал салтово-маяцкой культуры (Ковалевская 2000: 18—20); 4) Пронизка 7-частная (24×5 мм) серебростеклянная (рис. 5: 63). Сооружение XXI. Фонды КГОМА (КМА 238/69/74).

Автору неизвестны аналогии, позволяющие однозначно отнести к роменскому времени следующие бусы: 1) Бусины цилиндрической (высота — 8,5 мм, сохранившаяся ширина — 6 мм, Ø отверстия — 1 мм) с округлой вершиной фрагмент (рис. 5: 55). Патинирована, побывала в огне (?). 1981 г. Кв. Д32, под дёрном, п/н 356. Фонды КГОМА (КМА 225/69/106); 2) Бусина цилиндрическая (10×6,5 мм, Ø отверстия — 1,5 мм) со скруглёнными краями, белого цвета, полупрозрачная (виден канал) (рис. 5: 80). 1981 г. Кв. Г30, шт. 1, п/н 320. Фонды КГОМА (КМА 225/69/108); 3) Бусина округлая (7×10 мм, Ø отверстия — 3 мм) сплюснутая тёмно-серого цвета. 1982 г. Кв. Ж31, шт. 2 (верхний горизонт), п/н 611. Фонды КГОМА (КМА 233/69/103).

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А.И. Пузиковой. 1986 г.

1) Пронизка 2-частная (9,5×6 мм, Ø отверстия — 1 мм), цвета слоновой кости (рис. 5: 32). Р. II, столбовая яма, п/н 261. Фонды КГОМА (КМА 25/13/1867). В «Отчёте» указано только то, что бусина обнаружена в столбовой яме, без привязки её к какому-либо объекту. Возможно, имеется в виду одна из столбовых ям постройки № 1, отнесённой исследовательницей к роменскому времени; 2) Бусины сердоликовой призматической фрагмент (сохр. длина — 16 мм, высота — 10×13 мм) (рис. 5: 64). Р. II, кв. 31, пл. 1, п/н 260. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1868).

1987 г. 1) Бусина бочёнкообразная (Ø отверстия — 3 мм, 14,5×15,5 мм,) чёрная «глазчатая» (рис. 5: 53). Глазки выпуклые, чёрного цвета, обрамлены белыми «ресничками», образуют замкнутую цепочку в центре бусины, с обеих сторон ограниченную бордюром из сдвоенных белых полос. Р. III, кв. 73, пл. 1, п/н 637. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1027). Аналогов автору неизвестно; 2) Бусина бочёнкообразная (13×14 мм, Ø отверстия — 5,5 мм) чёрная с белым выпуклым (толщина — 1,5 мм) ободком по середине (рис. 5: 56). Р. III, кв. 41, пл. 1, п/н 638. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1028); 3) Бусины округлой фрагмент (сохр. длина — 10 мм, высота — 11 мм, Ø отверстия — 4 мм) (рис. 5: 39). Сильно патинирована. На тёмно-синем фоне перекрещивающиеся тонкие голубые линии и два одноцветных глазка — голубой и жёлтый. Р. III, кв. 132, пл. 2, п/н 639. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1030); 4) Пронизка 4-частная (16,5×5 мм, Ø отверстия — 2 мм) серебростеклянная (рис. 5: 33). Р. III, постр. 4, п/н 631. Фонды КГОМА (КМА 19/13/1031).

1988 г. 1) Пронизка 2-частная (12×8,5 мм, Ø отверстия — 1 мм) жёлтая (рис. 5: 49). Канал отверстия смещён. Р. III, постр. 1, шт. 3,

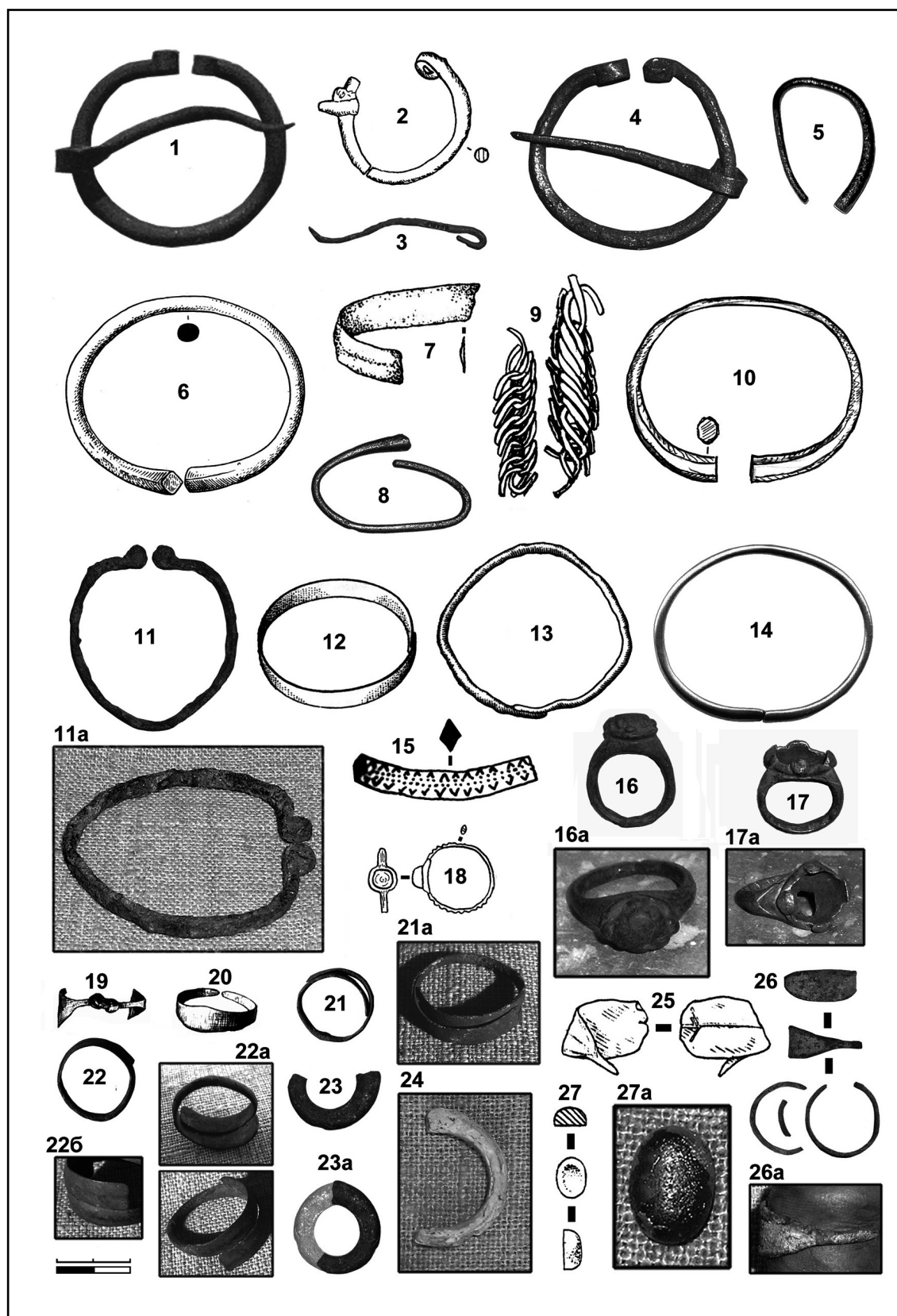

Рис. 7. 1, 3, 11, 23, 25, 26, 27 — городище Переверзево II (25, 27 — по А.А. Узянову); 2, 18 — городище «Гора Ивана Рыльского» (по М.В. Фролову); 4 — Липинское городище; 5 — Тазово; 6, 9, 15, 19, 20 — Большое Горнальское городище (6, 15 — по А.В. Кузе (15 — б/м), 9 — по А.А. Узянову, 19, 20 — по Г.Ф. Соловьевой); 7 — Ратское городище (по АКР); 8 — поселение Переверзево I; 10 — Воробьевский клад (по Ю.А. Липкингу); 12, 13 — Шуклинское городище (по Т.Н. Никольской); 14 — Жидеевский клад; 16, 17 — Кострова; 21, 22 — Лебязье; 24 — Гочево. Б/м.

п/н 650. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2099); 2) Бусина (15×13 мм, Ø отверстия — 4,5 мм) полупрозрачная (виден ровный цилиндрический канал) голубая (рис. 5: 50). 1988 г. Отвал. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2102). Согласно классификации В.Б. Ковалевской, может быть отнесена к № 105 — полупрозрачным бусам неправильной шарообразной формы бесцветного, зеленоватого, а к IX в. голубоватого цвета. Основная часть обнаружена в комплексах VIII—IX вв. Ареал — Центральное Предкавказье (Ковалевская 2000: 14—15). Имеющая голубой цвет бусина с Переверзево, вероятно, может быть датирована IX в.; 3) Бусина (7×9 мм, Ø отверстия — 2 мм) желтая лимоновидная (рис. 5: 45). Отвал. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2103).

Автору неизвестны аналогии, позволяющие однозначно отнести к роменскому времени бусину (9×8 мм, Ø отверстия — 1,5 мм) стеклянную тёмно-синего (почти чёрного) цвета (рис. 5: 51). На боку следы литевого брака в виде щели (рис. 5: 51а). 1988 г. Кв. 75, пл. 1. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2104).

Поселение Попово-Лежачи 4 (Глушковский р-н). Раскопки А.М. Обломского. 1993 г.

Бусина тёмно-фиолетовая стеклянная параллелепипедной формы. Заполнение полужемлянки вольтинцевского времени. Р. 1, площадь 12, постройка 6, п/н 25. Прорисовка в «Отчёте» отсутствует (Обломский 1993: 34—35).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В.В. Енукова. 1990 г.

1) Пронизка 3-частная (14×5 мм, Ø отверстия — 2 мм) патинированная, возможно, серебростеклянная. Постр. 1 (дно), п/н 48 (Енуков 1991а: 18; Енуков 2005: рис. 44: 1). Фонды КГОМА (КМА 8/12/48). По находке фрагментов грубой раннегончарной керамики, начавшей поступать из Руси в Посеймье между второй — третьей четв. X в. (Енуков 2005: 74), и каменного битрапециoidalного пряслица (у дна), постройка № 1 может быть датирована второй пол. X в.; 2) Бусина лимоновидная (4×5 мм, Ø отверстия — 2 мм), сильно патинирована, возможно, серебростеклянная. Постр. 1 (верхняя часть заполнения), п/н 33 (Енуков 1991а: 18). Фонды КГОМА (КМА 8/12/33). вторая пол. X в.; 3) Бусина-бисер кольцевидная (1,2×4,5 мм) бесцветная. Яма № 14, дно (Енуков 1991а: 20). Фонды КГОМА (КМА 8/12/186). Согласно «Отчёту», яма № 14 располагалась у входа и частично под входом постройки № 4, составляя с ней единый комплекс. В заполнении ямы встречены фрагменты керамики раннегончарного типа, но подавляющее большинство керамического

комплекса — роменские грубые лепные сосуды. В заполнении постройки № 4 обнаружена роменская керамика (81% в верхней части и 85% в нижней) и несколько фрагментов грубых круговых сосудов с орнаментом в виде волны или параллельных полос (Енуков 1991а: 19—21; Енуков 1991б: рис. 90: 2). По находкам раннегончарной керамики, время функционирования постройки № 4 и ямы № 14, предположительно, может быть отнесено ко второй пол. X в.

1991 г. 1) Пронизки 3-частной (Ø отверстия — 2,5 мм, 11,5×5,5 мм) синей фрагмент. Частично покрыта серебристой патиной. Р. 2, яма № 1, п/н 32. По мнению исследователя, яма № 1 является остатками хозяйственной постройки. Находки фрагментов грубых раннекруговых горшков позволяют датировать постройку позднероменским временем (Енуков 1992: 9). Фонды КГОМА (КМА 58/12/92). Вторая пол. X в.; 2) Пронизка стеклянная 2-частная (9,5×5 мм, Ø отверстия — 1 мм) лимоновидная синяя. Р. 2, яма № 15, п/н 33 (Енуков 1992: 17). Фонды КГОМА (КМА 58/12/68). По находке в нижней части заполнения ямы фрагмента каменного биконического пряслица яма может быть датирована второй пол. X в.; 3) Пронизки 5-частной (15×4 мм, Ø отверстия — 2 мм) серебростеклянной фрагмент. Р. 2, яма № 17Б (верхняя часть заполнения), п/н 27 (Енуков 1992: 19). Фонды КГОМА (КМА 58/12/65). Вторая пол. X в.; 4) Бусина призматическая (22×11, 5×8 мм, Ø отверстия — 2 мм) каменная. Вероятно, побывавший в огне сердолик. Р. 2, яма № 17Г, верхняя часть заполнения (низ ямы 17Б), п/н 61 (Енуков 1992: 19; Енуков 2005: рис. 44: 14). Фонды КГОМА (КМА 82/12/1). Вторая пол. X в.; 5) Пронизка стеклянная 3-частная серебристого цвета, сильно коррозированная. Р. 3, постр. 1 (половина постройки была исследована в 1990 г.), придонная часть заполнения, п/н 29 (Енуков 1992: 31). Фонды КГОМА (КМА 58/12/49). Присутствие в заполнении только лепной роменской керамики¹⁰, а также бронзовой несомкнутой пронизки и трёхдырчатой подвески, возможно, позволяют датировать существование постройки кон. IX — первой пол. X вв. (см. Заключение § 5).

1992 г. 1) Бусины жёлтой пастовой бугристой цилиндрической фрагмент. Р. 5, яма № 4, пл. 2, п/н 16 (Енуков 1993: 79). Фонды КГОМА (КМА 59/12/7); 2) Бусина (8×9 (без толщины пояса) мм, Ø отверстия — 4 мм)

¹⁰ Присутствие в заполнении постройки 1 мелких фрагментов древнерусской круговой посуды объясняется исследователем наличием многочисленных кротовин.

пастовая чёрная с выпуклым (толщина 2 мм) пояском бордового цвета, имеющим несомкнутые концы (расстояние между концами — 4 мм). Р.5, яма № 6, пл. 1 (Енуков 1993: 81). Фонды КГОМА (КМА 59/12/4).

Поселение Пойменово 2 (Полянка 1) (Золотухинский р-н). Разведки А. В. Кашкина. 1979 г. Хрустальная круглая бусина. Найдена в распаханном культурном слое вместе с керамикой роменской культуры, обломком жернова и железным шлаком (Кашкин 1980: 14; АКР 1998: 202).

Тазовское поселение (Золотухинский р-н). Раскопки А. В. Григорьева. 1988 г.

1) Пронизка 11-частная (36×7 мм, Ø отверстия — 1 мм, прокол не симметричный) сербостеклянная; 2) Пронизка 2-частная (15×8 мм, Ø отверстия — 2 мм) желтая, орнаментированная тонкими бордовыми полосками (рис. 5: 68); 3) Бусина (14×15 мм, Ø отверстия — 4,5 мм) чёрная с выпуклыми «глазками», обрамлёнными белыми «ресничками» (рис. 5: 81); 4) Бусина битрапециодная (8,5×12,5 мм, Ø отверстия — 1 мм) из горного хрусталя (рис. 5: 67); 5) Бусина пастовая (9×10 мм, Ø отверстия — 2 мм) красно-коричневая с белыми глазками, оплавленная (рис. 5: 74). Вторая пол. X в. Фонды КГОМА (Григорьев 2000: 188, рис. 18: 5, 7—9).

Щуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т. Н. Никольской. 1952 г.

Бусина округлая (8,5×7 мм, Ø отверстия — 3 мм) расстеклованная, предположительно, синего цвета (рис. 5: 69). Кв. 28, пл. 1, п/н 11 (Никольская 1958: 76). Фонды КГОМА (КМА 165/63/68).

Гривны

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1973 г.

Гривны (?) бронзовой с ромбическим сечением прута и орнаментом «волчий зуб» по краям фрагмент (рис. 7: 15). Р. 17, кв. Б, шт. 1, п/н 31 (Узянов 1973: 17). Вторая пол. X в.

Подвески

Круглые

Городище «Кудеярова Гора» (Львовский р-н). Раскопки А. Е. Алиховой. 1961 г.

2 целые и 2 фрагментированные круглые подвески из свинцово-оловянного сплава. Подвески однотипны — круглая пластина Ø 45 мм с прямоугольным выступом, на тыльной стороне которого имеются по две петельки для крепления изделия (рис. 6: 11). На лицевой стороне плоских блях — крест,

образованный перекрещивающимися полосами шириной до 10 мм из 10-ти и 8-ми параллельных линий. Ещё одна полоса из 4-х параллельных линий отсекает выступ с петельками, на лицевой стороне которого расположена небольшая выпуклость. По мнению О. А. Щегловой, конструкция петель указывает на то, что пластины крепились на ткань. Толщина бляшек — до 1 мм, бортик по окружности несколько утолщён. Обратная сторона изделий гладкая. Р. III, кв. 1, шт. 3. Фонды КГОМА (КМА 48/36/5—8). О. А. Щеглова относит подвески к роменской культуре и датирует их VIII—IX вв. (Щеглова 2005: 57—59, рис. 1: 1—4).

Трапециевидные

Беловский р-н. С/н. Подвеска (высота 24 мм, ширина нижней части — 11,5 мм, ширина верхней части — 7,5 мм, Ø отверстия — 1,5 мм) билоновая (рис. 4: 14). По краям (кроме верха) идёт орнамент из выпуклых кружков, полученных посредством удара острым инструментом по задней стороне украшения. На пластинке с обеих сторон нечёткое изображение кругов (Ø — 18 мм) и прерывистых горизонтальных полосок, заполняющих их внутреннее пространство. Это может указывать на то, что украшение было сделано из раскатанного дирхема.

О знакомстве восточнославянских ювелиров IX — первой пол. X вв. с приемами раскатки цветных металлов свидетельствуют обнаруженные на комплексе городищ в г. Коростень (Житомирская обл., Украина), соотносимом с Искоростенем — летописным племенным центром древлян, обрезка кромки прокатанного в вальцах серебряного слитка и раскатанной серебряной пластины в форме эллипса (Звиздецкий и др. 2006: 64).

Поселение Воробьёвка 2 (Золотухинский р-н). Раскопки Э. А. Сымоновича. 1970 г.

Подвеска бронзовая неорнаментированная (рис. 4: 13). Яма № 20 (Сымонович 1974: 81—82, рис. 4: 29). О принадлежности к поздне-роменскому периоду (вторая пол. X в.), возможно, свидетельствует отмеченное исследователем сочетание в заполнении ямы обломков лепной (27 фрагментов) и гончарной (7 фрагментов) керамики (Сымонович 1970а: 6).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки П. И. Засурцева. 1951 г.

1) Подвески медной неорнаментированной 2 фрагмента (рис. 4: 11). Р. I, кв. К9, пл. 4, п/н 7686. КМА 17/2/30—31; 2) Подвеска бронзовая, украшенная по краю двумя линиями точечного орнамента (рис. 4: 12). Р. II, кв. К7, пл. 4, п/н 8215. Несмотря на то, что оба укра-

шения найдены в культурном слое, их можно с большой степенью вероятности отнести к роменскому времени бытования городища X в.

Раскопки О. Н. Енуковой. 1997 г.

Подвеска (высота — 17 мм, ширина нижней части — 21 мм, ширина верхней части — 6 мм, толщина пластины — 0,5 мм), бронзовая орнаментированная двумя рядами вдавлений (5 — нижний ряд, 4 — верхний) из трёх шариков каждое (рис. 4: 15). На вершинах трех треугольников верхнего ряда помещены несквозные круги. Вдавления ограничены идущим по краю подвески бордюром из повторяющихся чёрточек. В нижней части подвески проделано 5 отверстий (Ø — 2 мм). Обратная сторона гладкая. Диаметр отверстия для подвешивания в верхней части подвески — 3 мм. Р. 3, яма № 1, сл. 70, п/н 212. Фонды КГОМА (КМА 93/2/287). Вся керамика ямы представлена обломками лепных роменских сосудов. По мнению исследовательницы, яма является котлованом роменской постройки (Енукова 1998: 66; Енуков 2005: рис. 39: 20). X в.

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Подвеска (общая высота — 48 мм, ширина у основания — 15,5 мм, у окончания — 6 мм, толщина пластины — 1 мм, Ø отверстия — 2 мм) медная неорнаментированная, с отверстием для подвешивания (рис. 4: 10). Верхняя часть загнута. Кв. И20, шт. 2, п/н 255. Фонды КГОМА (КМА 225/69/50).

Трапециевидные подвески широко представлены в салтовских (Дмитриевский и Маяцкий катакомбные могильники) и роменских (Ивахникский клад (Полтавская губ.), курган № 1 у Марьяновки (Путивльский у., Курская губ., совр. Украина), Новотроицкое, Супрутское, Титчихинское городища) древностях (Плетнёва 1989: 111, рис. 58; Винников, Плетнёва 1998: рис. 69, А1-В1; Макаренко 1908: 210, табл. II, 8, 14; Самоквасов 1916: 75—76, рис. 75, № 3693; Ляпушкин 1958: рис. 17, 6; Воронцова 2002: рис. 3: 3; Москаленко 1965: 159). На Супрутском городище (Тульская обл.) подвеска из трёх трапециевидных привесок обнаружена у правого бедра скелета девочки (по М. А. Воронцовой, погр. № 2) (Воронцова 2002: 112, рис. 3: 3; 56).

Подпрямоугольные

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки Г. Ф. Соловьевой. 1971 г.

Подвеска бронзовая подпрямоугольная с округлым расширением в верхней части, в расширении — отверстие для подвешивания (рис. 4: 16). Р. II, яма № 2 (Соловьева 1971: илл.).

Лебяжье. Курган № 1 погр. 2. Раскопки В. В. Енукова. 1989 г.

Подвеска костяная прямоугольной формы со сквозным отверстием (Ø — 4 мм) (рис. 4: 17). Верхняя часть подвески разрушена, размеры сохранившегося фрагмента — (высота) 8×7 мм (ширина). В профиль подвеска имеет трапециевидную форму (ширина внизу — 5,5 мм, ширина вверху — 4,5 мм).

Курган № 1 (по Н. А. Тихомирову — № 6) входил в состав могильника из 7 насыпей и имел форму шарового сегмента диаметром около 10—11 м. Следы ровиков не выявлены. Насыпь кургана, залегающая под 10—20 см слоем дёрна, состояла из песка жёлто-серого цвета, мощность которого не превышала 25—30 см. Под ним, в основании кургана, прослеживался погребённый дёрн мощностью около 10 см. В юго-восточной поле насыпи на глубине 18—20 см обнаружены повреждённые распашкой остатки трупосожжения на стороне, помещённые в лепной неорнаментированный сосуд из довольно грубого теста с заметной примесью шамота. Под насыпью, на уровне горизонта, размещалось второе погребение — остатки сожжения на стороне в виде кальцинированных косточек и немногочисленных предметов (пряжка, спираль, подвеска). Оба захоронения принадлежат носителям роменской культуры (Тихомиров 1995: 26; Енуков 2005: 101, рис. 39: 18).

Особенности погребального обряда, вероятно, дают нам возможность отнести курган № 1 (6) к захоронениям переходного типа между волынцевскими бескурганскими и роменскими курганными и датировать его первой пол. IX в. Фонды КГОМА (КМА 34/25/715).

Монеты-привески

Беловский р-н. С/н. В 2009 г. на песчаной дюне местными жителями был обнаружен клад из 24 саманидских дирхемов. По определению Вяч. С. Кулешова (Гос. Эрмитаж), монеты отчеканены в 900—910-е гг., младшая — в 915/916 гг. Дирхемы не обрезаны, все имеют отверстия: 21 — одинарные (на одной ещё одно несквозное отверстие), 2 — двойные спаренные (у одной двойные отверстия пробиты два раза) и 1 — по одному отверстию, пробитому в верхней и нижней части (рис. 6: 4—7). Возможно, монеты составляли нагрудное украшение типа мониста.

Воробьёвский клад (Золотухинский р-н). У семи хранящихся в фондах КОКМа дирхемов имеются остатки обломанных бронзовых петель, прикреплённых к монете одной заклёпкой. Ещё у 4 дирхемов присутствуют

следы выломанных петель, 3 имеют двойные спаренные отверстия и 1 — одинарное (рис. 6: 2—3). Часть клада осталась у местного населения, поэтому точное количество находившихся в кладах монет-привесок остается неизвестным (Гребенникова, Шпилев 2009: 41—43) (см. *Лучевые ложнозернёные височные кольца*).

Возможно, подвески и немногочисленные бусы составляли комбинированное нагрудное украшение, подобное ожерелью из женского захоронения погребения № 112 в Киеве (Украина), состоявшему из 8 сердоликовых бусин и 8 саманидских дирхемов, у 6 из которых сохранились бронзовые приклепанные ушки с петелькой для подвешивания (Каргер 1957: 178—179).

Монисто из 17 сердоликовых 14-гранных и 10 стеклянных бус, перемежающихся с 9 дирхемами, имеющими двойные спаренные отверстия, входило и в состав клада, обнаруженного в 1949 г. в Саркеле. Дата младшей монеты клада — 943—954 гг., что позволило М. И. Артамонову связать его укрытие со взятием Саркела князем Святославом Игоревичем в 965 г. (Артамонов 1958: 62, рис. 34б).

Жидеевский клад (Железногорский р-н). С/н. В состав клада (см. *Очелье*) входило 23 дирхема с приклепанными бронзовыми петельками, вероятно, составлявших нагрудное украшение типа мониста. Основная форма петель — петли средней и узкой ширины, значительно выступающие за край монеты. На одной заклёпке — широкая (½ ширины монеты) петля трапецевидной (узкой вершиной вниз) формы на двух заклёпках. Часть монет обрезана, некоторые имеют дополнительные отверстия. В петле одной из монет сохранилось четыре нитки (рис. 6: 1).

Преобладание монет-подвесок с приклепанными петлями в кладах кон. X в. (Жидеевка, Воробьёвка) и присутствие только пробитых монет в кладах второй пол. IX — первой пол. X вв. из Беловского р-на, Титчихинского (Воронежская обл.) и Супрутского (Тульская обл.) городищ может указывать на существование у роменцев различных способов крепления монет-привесок, возможно, практиковавшихся в различные временные отрезки существования культуры.

Красниковский клад (Курский р-н). С/н. Серебряный милиарисий Иоанна Цимисхия с одним сквозным отверстием у края и тремя несквозными отверстиями на лицевой (2) и оборотной (1) сторонах (рис. 6: 9). Хранится в фондах КОКМа.

Милиарисий входил в состав клада, найденного на одном из усадебных участков

д. 1-е Красниково (старое название Котовец или Котовице) Курского р-на. Первая часть клада была обнаружена при распашке огорода весной 1978 г. Она состояла из фрагментов разбитого глиняного горшка и около 300 серебряных монет. Основную массу клада составляли мелкие («с ноготь») монеты, среди которых присутствовало около 30 более крупных экземпляров. Клад полностью разошёлся по рукам, однако 5 монет из него попали к Г. А. Фёдорову-Давыдову — целый аббасидский дирхем ар-Ради 327/938—939 г., обрезанный в кружок саманидский дирхем Мансура б. Нуха (350—366/961—976) и 3 серебряные византийские монеты. В 2005 г. на месте находки клада было найдено ещё 26 арабских дирхемов и 9 византийских милиарисиев. Ещё 11 милиарисиев, уверенно происходящих из Красниковского клада 1978 г., находятся в частных коллекциях. Согласно В. П. Лебедеву, интервал определяемой дирхемной части клада охватывает 890—970-е гг., из которых основная часть монет отчеканена в 930—950-х гг. (70% от куфической части клада). Из определённых монет младшими являются два дирхема Мансура б. Нуха — целый экземпляр с датой 357/968 г. и один обрезанный, датируемый годами правления этого эмира (350—366/961—976). Из 23 известных милиарисиев Красниковского клада 14 атрибутированных монет относятся к периоду правления Никифора Фоки (963—969 гг.) и Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) (Лебедев и др. 2009).

Топография клада и хронология его нумизматической части позволяют включить Красниковский клад в группу кладов, укрытых при разгроме Курского Посеймья князем Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. *Заключение*, § 8).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Дирхем с четырьмя пробитыми по краю сквозными отверстиями, одно отверстие «прорвано» (рис. 6: 8). Кв. 329, шт. 2, под прослойкой песка на горизонте камней, вплотную к западному борту квадрата, п/н 254. По определению Г. А. Фёдорова-Давыдова и А. В. Фомина, отчеканен в 770/71 гг. халифом ал-Махди в г. Мухаммедии. Монеты данной чеканки ввозились в Восточную Европу в два очень ограниченных периода — в конце IX в. и на рубеже X—XI вв. (Узянов 1982: 84).

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А. И. Пузиковой. 1986 г.

Дирхем с пробитым в верхней части отверстием. Р II, кв. 62, пл. 1, п/н 262. По определению А. В. Фомина, дирхем является кочев-

№5. 2010

ническим подражанием монете Саманида Насра-бен-Ахмеда (914—943 гг.). Вес — 1,57 гр., Ø — 23 мм (Пузикова 1986: 18). Фонды КГОМА (КМА 25/13/2038).

Раковины-подвески

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А. В. Кузы. 1972 г.

Подвеска из ракушки. Р 13 (Куза 1972: 52). Внешний вид не известен.

Щуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т. Н. Никольской. 1953 г.

Раковина каури (рис. 6: 10). Кв. 66, пл. 2, п/н 90 (Щуклинское городище, 1953, Л. 34об).

Использование северянами раковин-каури также подтверждается находкой Д. Я. Самоквасовым в кургане № 1 могильника у с. Марьяновка (Путивльский у. Курской губ., совр. Сумская обл. Украины) среди инвентаря урнового захоронения по обряду трупосожжения на стороне «до ста прожженных черепашьих и стеклянных бус (3687—3692)» (Самоквасов 1908: 211). О том, что Д. Я. Самоквасов под термином «черепашьи» подразумевал именно раковины-каури, свидетельствует его «Дневник» раскопок Гочевского курганного могильника (совр. Беловский р-н Курской обл.). Описывая инвентарь женского погребения кургана № LV, исследователь сообщает, что на груди покойной размещалось ожерелье из 30 стеклянных позолоченных бус и «10 черепашьих (moneta сургаеа) подвесок» (Дневник 1915: 19).

Пуговицы

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А. В. Кузы. 1972 г.

2 костяные пуговицы. Р. 7, 13 (Куза 1972: 47, 52). Внешний вид не известен.

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Пуговицы костяной полусферической (Ø — 15 мм, высота — 7 мм, Ø отверстия — 4 мм) неорнаментированной фрагмент (рис. 6: 14). Кв. Г33, шт. 2, п/н 408. Фонды КГОМА (КМА 225/16/104).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В. В. Енукова. 1992 г.

Пуговица (Ø — 20 мм) костяная полусферическая неорнаментированная с отверстием (Ø — 6 мм). Р. 5, яма № 1, пл. 1, п/н 19 (Енуков 1993: 77). Фонды КГОМА (КМА 59/12/5). Подавляющее большинство керамики в заполнении ямы — лепные роменские сосуды. На дне ямы найдена нижняя часть роменского сосуда, подправленного на круге

(Енуков 1993: 77). Аналогична пуговице с городища Переверзево II.

Щуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т. Н. Никольской. 1953 г.

Пуговица костяная полусферическая (Ø — 21 мм, высота — 6 мм, Ø отверстия — 7 мм), лицевая сторона украшена изображением пятиконечной «снежинки» (рис. 6: 12). Культурный слой городища (Никольская 1958: 76). Фонды КГОМА (КМА 165/63/42).

Спиральки

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н).

Спиралька бронзовая. Средняя часть разогнута (рис. 6: 18). Р. 6, шт. 3, п/н 12. Отнесена А. В. Кузой к III-му горизонту культурного слоя городища, датированному исследователем кон. VIII — второй пол. IX в. (Куза 1981: 31).

Городище «Гора Ивана Рыльского» (г. Рыльск). Раскопки М. В. Фролова. 1990 г.

1) Спираль (длина — 35 мм, Ø — 8 мм) из бронзовой проволоки треугольного сечения (рис. 6: 15). Кв. Б3, гл. - 476, п/н 530; 2) Спиралька (длина — 17 мм, Ø — 12 мм). Постр. № 2, п/н 533. Присутствие в заполнении жилища № 2 раннегончарной керамики вольнцевского типа позволяет отнести время его существования ко второй пол. VIII — нач. IX вв. (см. Бусы).

Лебяжье (Курский р-н). Курган № 1 погр. 2. Раскопки В. В. Енукова. 1989 г.

Спираль (длина — 45 мм, Ø — 6 мм) из бронзовой проволоки (толщина — 0,5 мм, ширина — 2,5 мм) с выраженным ребром посередине (рис. 6: 16). Фонды КГОМА (КМА 34/25/717). Первая пол. IX в. (см. Подвески подпрямоугольные).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки О. Н. Енуковой. 1998 г.

Спираль 3 фрагмента (общая длина — 25 мм, Ø — 4—5,5 мм) из бронзовой плоской (ширина — 2,5 мм, толщина — 0,5 мм) проволоки (рис. 6: 17). Р. 2, яма № 46, сл. 3 (придонный), п/н 24. По мнению исследовательницы, яма № 46 является котлованом роменской постройки (Енукова 1999: 41; Енуков 2005: рис. 39: 19; Енукова 2007: 46—47). Фонды КГОМА (КМА 98/2/249). X в.

В комплексе роменских украшений спиральные пронизки прослеживаются с самых ранних этапов существования культуры. Бронзовые спиральки входили в состав Ивахнихского (Полтавская обл., Украина) и Битицкого 1984 г. (Сумская обл., Украина) кладов. В последнем они составляли ожерелье

из 26 бронзовых спиральных пронизок, изготовленных из плоской или треугольной в сечении, бронзовой ленты шириной 1,8—2 мм, а также замыкающей трубочки, орнаментированной по концам трехрядным выпуклым пунктиром из выбитых с внутренней стороны точек (Сухобоков и др. 1989: 100).

Спирали были достаточно широко распространены у граничащих с роменцами представителей лесных финно-угорских и балтских племён, а так же у носителей салтовской культуры. Согласно С. А. Плетнёвой, в погребениях Дмитриевского могильника (Белгородская обл., Россия) эти украшения встречены примерно в каждой пятой катакомбе, «составляя иногда гирлянду или же являясь частью более сложной подвески-украшения, в которое, помимо пружинки, входит большая глазчатая бусина и бубенчик. Такие сложные подвески обнаружены трижды — в катакомбах 6, 145, 164 (Плетнёва 1989: 113). Отсутствие спиральных пронизок (и трапециевидных подвесок) в погребальном инвентаре Верхнечирюртовских могильников (Дагестан, Россия), соотносимых М. Г. Магомедовым с некрополем древней столицы Хазарского каганата — городом Беленджером (Магомедов 1983: 61), вероятно, свидетельствует о том, что эти типы украшений появились у носителей салтовской культуры уже после переселения хазар, алан и болгар в Юго-Восточную Европу и были переняты ими у местного населения. У северян «роменцев» спиральные пронизки (и трапециевидные подвески) могли появиться или от вошедших в состав северского племенного союза групп поздних колочинцев и пеньковцев или от финнов Поочья и днепровских балтов, с которыми роменцы активно взаимодействовали в процессе заселения новых земель.

Бубенчики

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А. В. Кузы. 1972 г.

1) Бубенчик шаровидный с орнаментом из вертикальных желобков. Р. 16, II-й горизонт культурного слоя. Горизонт датирован исследователем кон. IX — первой четв. X в. (Куза 1981: 29, 30); 2) Подвески-бубенчики. Жилище № 19 (Куза 1981: 25). Внешний вид не известен.

Раскопки А. А. Узянова. 1973 г.

1) Бубенчик однощелевой серебряный округлой формы с гладкой поверхностью (рис. 6: 24). Р. 16, кв. Б, шт. 1, п/н 35 (Узянов 1973: 17, 24); 2) Бубенчик серебряный крестопрорезной грушевидный с рельефным валиком посередине. Аналогичный валик присут-

ствует и у основания петли. Р. 16, кв. Б, шт. 1, п/н 40 (Узянов 1973: 17).

Поселение Воробьёвка вторая (Золотухинский р-н). Раскопки Э. А. Сымоновича. 1970 г.

Бубенчик шаровидный (Ø — 21 мм) с небольшой крестообразной прорезью и круглым отверстием для ушка (рис. 6, 19). Р. I, кв. 23, гл. 38 см (Сымонович 1970б: 20; Сымонович 1974: рис. 4: 12).

Городище «Гора Ивана Рьльского» (г. Рьльск). Раскопки М. В. Фролова. 1991 г.

Бубенчик круглый бронзовый с шариком внутри (рис. 6: 21). Яма № 19 (вход в постр. 3), заполнение — чёрный суглинок с щепой и углем, п/н 610 (Фролов 1991: 10). По плоскому шиферному пряслищу постройка датируется второй пол. X в.

Поселение Дроняево 3 (Курчатовский р-н). Разведки А. А. Чубура. 1999 г.

Бубенчик бронзовый. Обнаружен на однослойном роменском поселении (АКР 2000: 178).

Капистичанское городище (Рьльский р-н). Раскопки А. В. Зорина. 2001 г.

Бубенчика (13×15 мм) бронзового с расширяющейся нижней частью фрагмент. Общий вид непонятен. Яма № 34, сл. 2, п/н 126 (Зорин 2001: 43). Фонды КГОМА (КМА 140/59/71). Кон. X в. (см. Бусы).

Поселение у д. Кострова (Рьльский р-н). С/н.

Бубенчик билоновый литой однощелевой с гранёным туловом (рис. 6: 23). Общая высота — 34 мм, Ø — 27 мм. Вес — 13,23 гр. Вероятно, входит в обнаруженную на поселении группу украшений раннего этапа роменской культуры («пласт вольнцевских древностей» по А. В. Григорьеву), датируемых сер. VIII — нач. IX вв.

Бубенчики аналогичного вида, но меньшие по размеру (16×13 мм), входили в состав Ивахникского клада (Макаренко 1908: 210; Путь из варяг в греки... 1996: 73). Относится к выделенному С. А. Плетнёвой 1-му типу бубенчиков салтовского Дмитриевского катакомбного могильника (Плетнёва 1989: 107, рис. 57).

Люшинское городище (Льговский р-н). Раскопки Г. Ю. Стародубцева. 2000 г.

Бубенчик шарообразный (ширина 13 мм, высота с ушком — 15 мм) бронзовый однощелевой (рис. 6: 13). Постр. 4, п/н 97 (Стародубцев 2000а: 19; Стародубцев 2000б: рис. 92: 2). Фонды Льговского районного краеведческого музея. По типологии С. А. Плетнёвой относится ко 2-му типу (Плетнёва 1989: 107, рис. 57). Исследователь датирует постройку второй

пол. X в. — нач. XI в., а пожар, в котором она погибла, явился следствием «походов киевских князей, присоединявших к своим владениям земли обитавшего здесь племени северян» (Стародубцев 2000а: 19; Стародубцев и др. 2008: 60).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Бубенчик бронзовый деформированный в 2-х фрагментах (15×7 мм, 12×12 мм) с проволочной петлёй (рис. 6: 20). Кв. Г26, шт. 2, п/н 349. Фонды КГОМА (КМА 225/69/48). По типологии С. А. Плетнёвой, возможно, относится к 3-му типу бубенчиков (Плетнёва 1989: 107, рис. 57).

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А. И. Пузиковой. 1988 г.

Бубенчика бронзового тиснёного фрагмент (15×20 мм) с пояском из двух параллельных полос по центру (рис. 6: 22). Петля из плоской проволоки (ширина — 2 мм, толщина — 0,5 мм). Концы ушка внутри разведены и зафиксированы припаянной прямоугольной пластиной. Р. IV, кв. 35, шт. 1, п/н 732. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2039). По типологии С. А. Плетнёвой, возможно, относится к 3-му типу бубенчиков (Плетнёва 1989: 107, рис. 57).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В. В. Енукова. 1990 г.

Бубенчик шарообразный (ширина 25 мм, высота с ушком — 32 мм) бронзовый с щелевидной прорезью и рельефными продольными насечками (рис. 9: 1). Кв. А36, пл. 4 (Енуков 1991: 14, АКР 1998: рис. 25). Фонды КГОМА (КМА 8/12/89). По типологии С. А. Плетнёвой относится к 1-му типу (Плетнёва 1989: 107, рис. 57).

Аналогичные изделия встречены в катакомбах салтовских Дмитриевского и Маяцкого могильников, на Вольнцевском могильнике (Сумская обл., Украина), Новотроицком и Супрутском городищах (Плетнёва 1989: 107, рис. 57; Винников, Плетнёва 1998: рис. 76, Ж; Щеглова 1987: рис. 1: 6; Ляпушкин 1958: рис. 17: 2; Воронцова 2002: рис. 2: 6).

Датировка по аналогиям — вторая половина VIII — нач. X в. По В. В. Енукову, дата роменского периода существования Ратского городища — рубеж IX—X вв. — конец X в.

В салтовских древностях крупные бубенчики обычно связаны с конскими захоронениями. Однако единичные находки крупных рифленых бубенчиков на Вольнцевском могильнике, Новотроицком и Супрутском городищах, вероятно, свидетельствуют об использовании их роменцами в качестве украшений.

Шуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т. Н. Никольской. 1953 г.

Бубенчик грушевидный (высота 23 мм, ширина в средней части 15 мм) крестопрорезной билонный (рис. 6: 25). Нижняя половина орнаментирована поперечными полосками. Орнаментированную часть от неорнаментированной отделяет пояс из двух полосок. Одна прорезь более широкая (3 мм) и оканчивается круглыми (Ø — 4 мм) расширениями, вторая прямая, узкая (1 мм). Кв. 3, пл. 5, п/н 214 (Никольская 1958: 76, рис. 19: 4; Шуклинское городище 1953: 42). Фонды КГОМА (КМА 165/63/1). В. В. Енуков предположил, что бубенчик попал на роменское городище в качестве древнерусского импорта (Енуков 2005: 137).

Фибулы

Городище «Гора Ивана Рыльского» (г. Рыльск). Раскопки М. В. Фролова. 1992 г.

Фибулы кольцеобразной (Ø — 35 мм) из круглого бронзового дрота со спиральным завершением сохранившейся части и прикипевшими остатками иглы фрагмент (рис. 7: 2). Кв. 23, гл. - 302, слой темно-серого суглинка со щепой и углём, п/н 682 (Фролов 1993: 7).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки П. И. Засурцева. 1951 г.

Фибула (Ø — 55 мм) железная спиралеконечная (рис. 7: 4). Р. II, кв. К10, пл. 5 (жилище В), п/н 8219. Фонды КГОМА (КМА 17/2/448). X в.

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1980 г.

1) Фибула (48×57 мм) бронзовая спиралеконечная (рис. 7: 1). Кв. И17, шт. 1, п/н 71. Экспонируется в ГИМе; 2) Игла от фибулы бронзовая (рис. 7: 3). Длина — 49 мм, толщина у петли — 2 мм, у окончания — 1 мм. Яма № 102, шт. 3, п/н 170. Фонды КГОМА (КМА 224/69/20).

Браслеты

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н).

1) Два браслета (Ø — 63,6 мм) из круглого серебряного дрота (Ø — 48 мм) с расширяющимися, ромбовидными в сечении, концами (рис. 7: 6). Жилище № 1 (Куза 1981: 13, рис. 5: 1, 2). Конец X в. (см. *Проволочные височные кольца*). Проведённый Р. С. Орловым металлографический анализ изделия показал, что основу сплава из браслетов составляет серебро (Ag — 53%) и медь (Cu — 45%) с незначительным добавлением других металлов (Pb, Bi, Sn и др.) (Орлов 1988: 154). Необходимо отметить, что в «Отчёте» Г. Ф. Соловьевой изображены браслеты с круглыми расшире-

ниями. Рисунок не точен, т.к. в экспозиции ГИМа выставлены украшения с гранёными концами; 2) 2 фрагмента плетёных браслетов (рис. 7: 9). Р. 5, шт. 2; Р. 6, шт. 2. (Куза 1972: 43, 44). Вероятно, фрагменты являются остатками двух разных украшений. Полный облик браслетов не понятен; 3) Фрагмент медного браслета. Р. 6, шт. 2 (Куза 1972: 44).

Воробьёвский клад (Золотухинский р-н).

Браслеты серебряные дровые с расширяющимися концами (2 экз.). Оба украшения были разломаны на три части. Местонахождение браслета (рис. 7: 10) из сборов Ю.А. Липкинга 1965 г. неизвестно. Второй браслет, вероятно, сначала находился в местной школе, а в 1968 г. был передан С.С. Ширинскому (см. *Лучевые ложнозерновые кольца*).

Жидеевский клад (Железнодорожный р-н). С/н.

В состав клада (см. *Очелья*) входило 2 билиновых браслета с расширяющимися концами (рис. 7: 14). Кон. X в.

Тазовское поселение (Золотухинский р-н). Раскопки А.В. Григорьева. 1988 г.

Браслета из бронзового круглого (Ø — 2 мм) дрота с расширяющимися круглыми (Ø — 4 мм) концами фрагмент (Григорьев 2000: 188, рис. 18: 4) (рис. 7: 5). Вторая пол. X в. Фонды КГОМА.

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А.И. Пузиковой. 1986 г.

Браслета бронзового с расширяющимися концами фрагмент (рис. 7: 8). Толщина прута в середине — 2 мм, на конце — 4 мм. Р. II, кв. 21, пл. 1, п/н 266. Культурный слой над роменской постройкой № 1. Фонды КГОМА (КМА 25/13/1912).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Разведка А.Е. Алиховой. 1962 г.

Браслет железный проволоочный. Траншея 2, кв. 2, гл.- 60, п/н 10 (Алихова 1962: 13, план).

Раскопки А.А. Узянова. 1982 г.

Браслет (Ø — 45 мм) железный пластинчатый (толщина пластины — 2 мм, ширина — 4 мм) со спирально загнутыми концами (рис. 7: 11). Кв. Н18, соор. XIX, шт. 1, п/н 837. Фонды КГОМА (КМА 233/69/16). Фрагмент аналогичного изделия был обнаружен А.В. Зориным во время исследования курганного захоронения по обряду кремации на стороне кон. X в. у с. Шуклинка (Зорин 2005: 82, рис. 6: 2).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В.В. Енукова 1990 г.

Браслета бронзового пластинчатого (ширина пластины — 9 мм) с ребром посере-

дине фрагмент (рис. 7: 7). Кв. А35, пл. 1, п/н 35 (Енуков 1991; АКР 1998: рис. 25). Вероятно, относится к роменскому времени.

Согласно А. В. Григорьеву, браслеты из пластины, центральная часть которой скована в дрот, были широко распространены у роменцев и бытовали на всём протяжении существования культуры (Григорьев 2000: 134—135).

Шуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т.Н. Никольской.

1952 г. Браслет (52×50 мм) бронзовый проволоочный с заходящими концами (рис. 7: 13). Р. 1, кв. 45, пл. 2, п/н 12 (Шуклинское городище 1953: 20б; Никольская 1958: рис. 19: 2). Возможно, относится к роменскому периоду существования городища.

1953 (?) г. Браслет из бронзовой пластины с заходящими концами (Никольская 1958: рис. 19: 3) (рис. 7: 12). Возможно, относится к роменскому периоду существования городища.

Перстни

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки Д.Я. Самоквасова. 1872 г.

«Серебряный перстень с круглым зеленым стеклом» был обнаружен исследователем при «прорытии пробных ям» на городище «с левой стороны» Николаевского Белогорского монастыря (Самоквасов 1908: 258—259).

Раскопки Г.Ф. Соловьевой. 1971 г.

1) Перстня медного пластинчатого с завырованными концами и расширяющейся серединой фрагмент (рис. 7: 19). Центральная часть отсутствует. Р. II, яма № 1. В заполнении ямы найдены фрагменты лепных роменских сосудов (Соловьева 1971: 10); 2) Перстень бронзовый пластинчатый с несомкнутыми краями и расширением в центре (рис. 7: 20). Р. II, культурный слой (Соловьева 1971: илл.). Возможно, относится к роменскому периоду существования городища.

Раскопки А.В. Кузы. 1972 г.

1) Перстня медного фрагмент. Р. 7 (Куза 1972: 47); 2) Перстень бронзовый. Р. 8 (Куза 1972: 48).

Городище «Гора Ивана Рьльского» (г. Рыльск). Раскопки М.В. Фролова. 1993 г.

Перстень (Ø — 20 мм) из бронзовой пластины (ширина — 2 мм) с частично рубчатой поверхностью и вделанным в щиток круглым стеклянным глазком (рис. 7: 18). Кв. 43, гл. — 320, слой серой рыхлой супеси с углём, п/н 827 (Фролов 1993: 20). По типологии С.А. Плетневой перстень относится к IV типу, присутствующему в поздних погребениях второго типа (вторая пол. IX — нач. X вв.)

№5. 2010

Дмитриевского могильника (Плетнёва 1989: 160, 172, рис. 61).

Поселение у д. Кострова (Рыльский р-н). С/н. 2 экз.

1) Перстень билоновый литой с крестообразно расположенными «лапками» (рис. 7: 17). Вставка отсутствует. Вес — 6,18 гр. Относится к 1-му типу салтовских перстней (по С. А. Плетнёвой); 2) Перстень литой, имитирующий салтовские перстни 1-го типа (рис. 7: 16). Покрывает плотной тёмно-зелёной патиной. Вес — 10,24 гр.

Вероятно, оба перстня относятся к обнаруженной на поселении группе украшений раннего этапа роменской культуры («пласт вольнцевских древностей» по А. В. Григорьеву), датируемых сер. VIII — нач. IX вв.

Лебяжье 3 (Курский р-н). Бескурганский могильник. Погребение № 11. Раскопки Н. А. Тихомирова. 1989 г.

Перстень (Ø — 21 мм) бронзовый с заходящими концами. Перстень сделан из круглого бронзового прута толщиной 2 мм, заходящие друг за друга концы расплющены (ширина — 6 мм, толщина — 1 мм) и имеют чётко выраженное ребро посередине (рис. 7: 22). Фонды КГОМА (КМА 34/25/733); 2) Перстень (Ø — 20 мм) бронзовый с заходящими концами, толщина прута в средней части 2 мм, заходящие друг за друга концы расплющены (ширина — 4 мм, толщина — 0,5 мм) (рис. 7: 21). Поверхность гладкая. Фонды КГОМА (КМА 34/25/734).

Обнаружены у северного края погребальной урны (нижняя часть лепного сосуда, заполненного кальцинированными костями с примесью угля и золы), примерно в средней части её заполнения. В погребении находилась ещё одна урна с остатками кремации и фрагменты слёкшихся стеклянных бус (Тихомиров 2008: 167). Н. А. Тихомиров относит могильник к памятникам «вольнцевского культурно-хронологического горизонта» и определяет время его функционирования первой пол. VIII — нач. IX вв. (Тихомиров 2008: 165—166).

В качестве аналогий исследователь привёл перстни из катакомб № 5 и № 14 Старосалтовского могильника, датирующиеся второй половиной или последней четвертью VIII в. Пластинчатый перстень с расширенными, заходящими друг за друга концами был также обнаружен И. И. Ляпушкиным в заполнении жилища № 45 на Новотроицком городище (Ляпушкин 1958: 129, рис. 86: 3).

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова.

1980 г. Перстня пастового (?) жёлто-коричневого цвета, расширяющегося в сред-

ней части, фрагмент (Ø — 26 мм, сечение кольца круглое, толщина 10—6 — 4,5 мм) (рис. 7: 23). П/н 22. Фонды КГОМА (КМА 224/69/50).

Фрагмент стеклянного перстня с расширяющейся передней частью (ГЭ 816/292) (рис. 7: 24) входил в состав погребального инвентаря детского захоронения гочевского кургана № 46, исследованного П. С. Рыковым в 1912 г. От экземпляра из Переверзево его отличает меньшая толщина и более плоская внутренняя сторона кольца. В захоронениях Гочевского курганного могильника было найдено ещё два стеклянных перстня (ГЭ 816/324, П. С. Рыков, 1912 г., кург. № 58 и ГЭ 818/219, В. Н. Глазов, 1913 г., кург. № 98), однако их форма (кольца равномерной ширины) отличается от перстня из Переверзево II и гочевского кургана № 46, хотя сечение колец более близко украшению из Переверзево¹¹.

Самая ранняя известная автору находка стеклянных колец на территории Днепро-Донского междуречья происходит с салтовского Дмитриевского могильника (Белгородская обл., Россия). Стеклянный коричневатый-чёрный перстень был обнаружен С. А. Плетнёвой в катакомбе № 129 (погребение женщины с ребёнком). По аналогиям из Тмутаракани исследовательница датировала его X в., что позволяет отнести дмитриевский перстень к последнему периоду существования могильника — второй пол. IX — нач. X вв. (Плетнёва 1989: 115, 172).

1981 г. 1) Перстня пластинчатого бронзового с расширяющейся центральной частью фрагмент (рис. 7: 25). Ширина в центре — 15 мм, ширина кольца — 1,5 мм, толщина пластины — 1 мм. На щитке следы плохо различимого орнамента. Кв. К22, шт. 3, п/н 267. Фонды КГОМА (КМА 225/69/54); 2) Вставка в перстень стеклянная синего цвета (высота — 11 мм, ширина — 8 мм, толщина — 4,5 мм.) (рис. 7: 27). Задняя сторона гладкая, лицевая — выпуклая. Часть площади патинирована серебристым налётом. Кв. В30, шт. 3 (2-й штык заполнения сооружения XIV), п/н 427). Фонды КГОМА (КМА 225/69/96).

1984 г. 1) Перстень (3 фрагмента) усабий литой (Ø — 20 мм, толщина кольца — 1,5 мм) (рис. 7: 26). Центральная часть расширяется в щиток шириной 8,5 мм, толщиной 1,5 мм. По краю щитка идёт выпуклый бордюр. Кв. И22—23, бровка В-3 над сооружением IX, п/н 1004. Фонды КГОМА (КМА 225/69/12);

¹¹ За помощь при работе над коллекциями гочевских курганных древностей, хранящихся в фондах Гос. Эрмитажа, автор благодарит зав. отдела археологии А. Ю. Алексеева и хранителя Н. А. Фонакову.

2) Перстень бронзовый ромбоцитковый орнаментированный скрученный. Кв. В27, 2 шт. (верхний горизонт размыва печи), п/н 944.

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В.В. Енукова. 1990 г.

Перстень (Ø — 25 мм) бронзовый из слегка уплощённого (3×4 мм) прута с расплюснутыми (высота — 3,5 мм, толщина — 2 мм) сильно заходящими друг за друга концами. Кв. Е23, пл. 2, п/н 140 (Енуков 1991: 10). Фонды КГОМА (КМА 8/12/140). Ближайшие аналогии — погребение № 11 Лебяжьинского могильника (см. *Лебяжье 3*) и Новотроицкое городище.

Поясная гарнитура

Пряжки

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). С/н. Пряжка из бронзы, язычок из железа (рис. 8: 1). Щиток орнаментирован. Общая длина — 53 мм. Найдена на территории городища. Аналогов автору не известно, но общий вид изделия позволяет отнести его к поясным накладкам салтовского типа и датировать роменским временем.

Капыстичанское городище (Рыльский р-н). Раскопки А.В. Зорина. 2001 г.

Пряжка (длина — 22 мм) бронзовая литая одноставная с щитком в виде прямоугольной рамки, на которую накладывался ремень пояса (рис. 8: 9). Яма № 30, пл. 3, п/н 119. Фонды КГОМА (КМА 140/59/26). Кон. X в.

Анализ совокупности керамического материала и индивидуальных находок позволяет датировать данное сооружение кон. X — нач. XI вв. По мнению А.В. Зорина, яма № 30 представляла собой хозяйственную постройку, заглублённую в землю, со стенами плетнёво-столбовой конструкции. Постройка, возможно, использовалась для обработки рыбы и погибла при пожаре (Зорин 2001: 37).

Курская область. С/н. Наконечник поясной бронзовый (рис. 8: 2). Длина — 32 мм. На щитке изображение головы совы или филина с длинными ушами.

Автору известны две аналогичные пряжки. Первая была найдена у стен донжона Саркела (рис. 8: 4) и отнесена А.В. Комаром к поздне-салтовскому горизонту V, рамки бытования которого исследователь определяет 940—965 гг. (Макарова, Плетнёва 1983: 71, рис. 5: 6; Комар 1999: табл. 4: V). Вторая (рис. 8: 3) — происходит из мужского погребения мордовского Лядинского могильника конца IX — начала XI вв. (Ястребов 1893: табл. IX, 13).

Лебяжье (Курский р-н). Курган № 1 погр. 2. Раскопки В.В. Енукова. 1989 г.

Пряжка (длина 25 мм) бронзовая поясная с овальной рамкой (19×12 мм), параллельными объёмными ограничителями для язычка и подпрямоугольным щитком (8×13 мм) с круглым отверстием (Ø — 4 мм) для язычковой петли (рис. 8: 5). На обратной стороне щитка, в нижней его части сохранилось два шпенька, на каждый из которых надета подпрямоугольная пластинка. Украшение согнуто под небольшим углом (Енуков 2005: 101, рис. 39: 12). Фонды КГОМА (КМА 34/25/716). Вероятная датировка — первая пол. IX вв. (см. *Подвески подпрямоугольные*). Согласно типологии В.Б. Ковалевской, пряжка из Лебяжьего относится к 4-му типу (вариант 4) одноставных лировидных пряжек, с рамкой II отдела (вариант 4) и квадратным щитком 11-го варианта. Место происхождения — Сибирь, найдены в погребениях I (вторая пол. IV—V вв) и III (VIII—IX вв.) периодов (Ковалевская 1979: 10, 13, 34, табл. XV: 13).

Ратское поселение (Курский р-н). С/н. Пряжка бронзовая, щиток орнаментирован выпуклыми овалами, составляющими косую сетку (рис. 8: 12). Общая длина — 42 мм. Найдена на валу поселения. Аналогов автору не известно, но общий вид изделия позволяет отнести его к поясным накладкам салтовского типа и датировать роменским временем.

Щуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т.Н. Никольской. 1953 г.

Пряжки поясной бронзовой фрагмент (рис. 8: 6). Щиток отсутствует, рамка овальной формы (21×16 мм). Культурный слой (Никольская 1958: 76, рис. 19: 5). Фонды КГОМА (КМА 165/63/22). По мнению В.В. Енукова, пряжка близка салтовским пряжкам 3-го типа (по С.А. Плетнёвой) и связана своим происхождением с Хазарией (Енуков 2005: 137).

Накладки

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А.В. Кузы. 1972 г.

Бляшка ременная бронзовая (Куза 1973: 72).

д. Духовец (Курский р-н). С/н.

Накладки двусоставной билонной в виде украшенного растительным декором щитка с петлей от шарнирной подвески фрагмент (рис. 8: 10). Высота без петель — 27 мм, ширина по центру — 29 мм. С/н. Согласно любезной консультации А.В. Комара, накладка относится к раннесалтовскому культурному горизонту и датируется третьей четв. VIII в.

с. Дьяконово (Октябрьский р-н). С/н. Обнаружена на песчаной дюне у р. Сейм. Наклад-

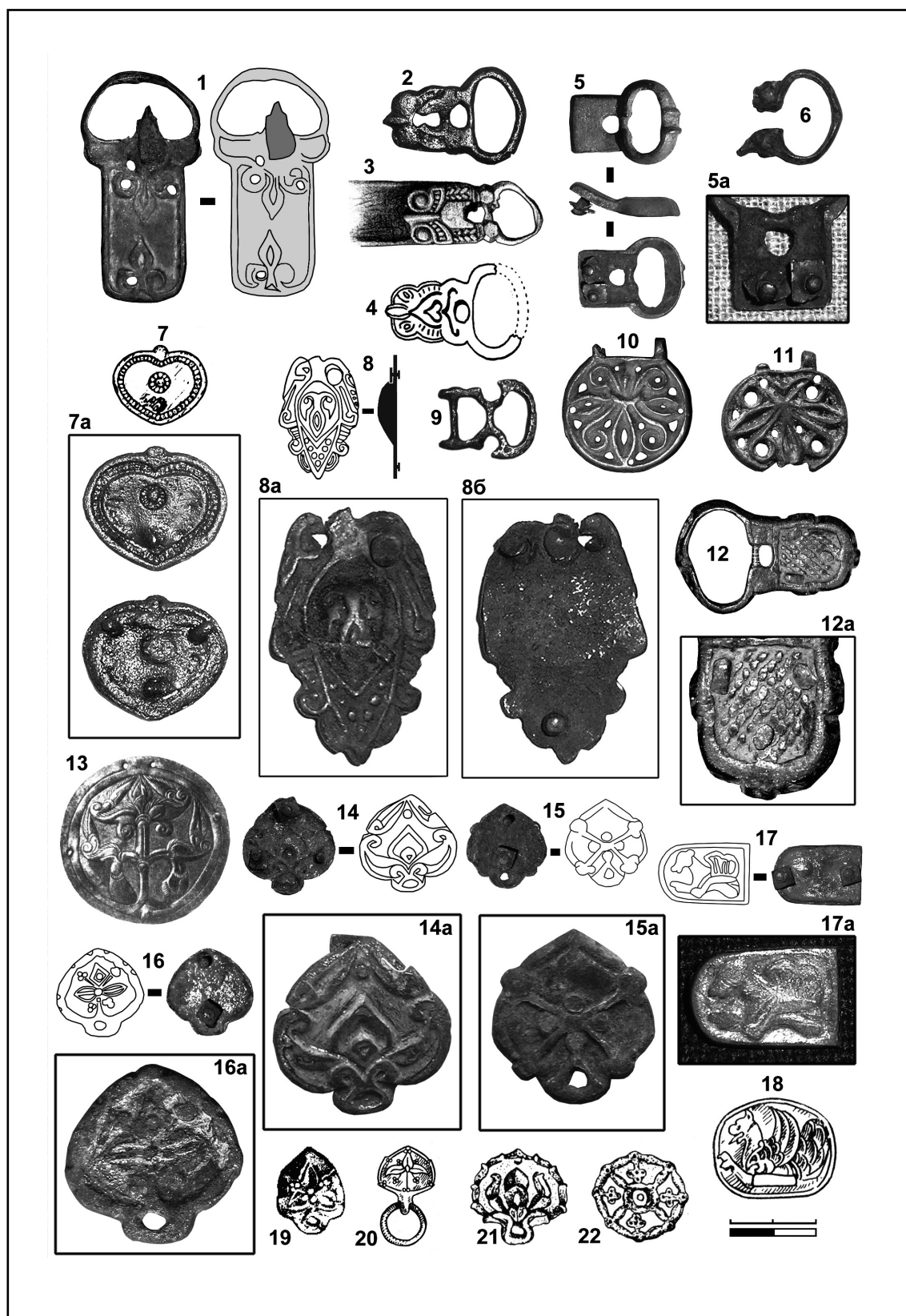

Рис. 8. 1 — Большое Горнальское городище; 2 — Курская обл.; 3 — Лядинский могильник (по В. Н. Ястребову). Б/м; 4 — Саркел (по Т. Н. Макаровой, С. А. Плетнёвой); 5 — Лебяжье. Курган № 1, погр. 2.; 6 — Шуклинское городище; 7 — Тазовское поселение (по А. В. Григорьеву); 8 — Кострова; 9 — Капыстичи; 10 — Духовец; 11 — Дьяконово; 12 — Ратское поселение; 13 — Анарча (по И. Эрдели). Б/м; 14—17 — городище «Жудеярова Гора»; 18, 20 — Больше-Тиганский могильник (по Е. А. Халиковой, 20 — б/м); 21 — Твердохлебы (по А. Супруненко); 21, 22 — Ишимбаевский курган № 3, погр. 3 (по Н. А. Мажитову. 21, 22 — б/м).

ки двусоставной билонной в виде украшенного растительным декором щитка с петлей от шарнирной подвески фрагмент (рис. 8: 11). Орнамент стилистически несколько отличается от орнамента подвески из Духовца. Высота без петель — 24 мм, ширина по центру — 29 мм. Фонды КГОМА.

Жерновецкий курган (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1984 г.

Накладки бронзовые сердцевидной формы орнаментированные. Обнаружены при исследовании находившихся в кургане позднероменских погребений (Узянов 1986: 77) (см. Бусы).

Коренная Пустынь (совр. п. Свобода Золотухинского р-на). С/н. 1903 г.

16 серебряных бляшек. Входили в состав денежно-вещевого клада, обнаруженного при посадке деревьев в саду. Вместе с ним было также найдено 2 серебряных слитка (№ 1 — 198,5 гр., № 2 — 212,4 гр.) двухвершковой (88 мм) длины с расширяющимися концами и 9,623 кг (23,5 фунта) серебряных монет Ø — 20—30 мм. Некоторые монеты были разрезаны пополам или на четыре части. Предметы и монеты были сложены в медную чашку («ендову») с крышкой. Клад был приобретен курским нумизматом Т. А. Гороховым, определившим, что это саманидские дирхемы «Ахмеда, ... 907—914 г., Насра, 914—943 г., Нуха, 943—954 г., Абдул-Мелика 954—961 г. и Мансура 961—976 г., чеканенных в городах: Ахсикете, Бияре, Нисабуре, Самарканде, Тункетилаке, Фергане, Шаше и Эндерабе». За исключением нескольких монет, весь клад был передан Т. А. Гороховым Московскому Историческому музею (Горохов 1927: 42). Т. А. Горохов предположил, что бляшки «по видимому, от упряжи», но однозначно ответить на вопрос, украшали они конскую сбрую или входили в состав поясного набора, можно будет лишь после научной обработки данного комплекса.

Топография клада и хронология его нумизматической части позволяют включить клад из Коренной Пустыни в группу курских кладов, укрытых при разгроме Курского Посеймья князем Владимиром Святославовичем в 985 г. (см. Заключение, § 8).

Поселение у д. Кострова (Рыльский р-н). С/н.

Накладка поясная (высота 30 мм) бронзовая (?) в форме выпуклого миндалевидного щита с декоративными завитками по бокам (рис. 8: 8). В центре щита — ромбовидная фигура, от вершины которой ответвляются два трилистника. Низ щита оформлен семью сходящимися под углом выпуклыми кружоч-

ками. В верхней части накладки два отверстия, в одном из которых сохранилась заклёпка. На гладкой оборотной стороне — небольшой шпенек внизу. Согласно А. И. Айбабину, аналогичный орнамент присутствует на поясных наборах салтовского времени, декор которых имеет «крымско-византийский мотив» (Айбабин 1977: 234, рис. 2: 28). Вероятно, накладка относится к обнаруженной на поселении группе украшений раннего этапа роменской культуры («пласт вольнцевских древностей» по А. В. Григорьеву), датируемых сер. VIII — нач. IX вв.

Городище «Кудеярова Гора» (Курчатовский р-н). С/н. Поясной набор — наконечник и 13 накладок из бронзы или меди (рис. 8: 14—17). Найдены А. А. Катуниным в осыпях склонов городища «Кудеярова Гора». Хранятся в фондах НИИ археологии Юго-Востока Руси (КГУ) (Енуков 2005: 263, рис. 55).

Наконечник ремня в виде прямоугольного (20×14 мм) с закруглённым низом щита (рис. 8: 17). По краю наконечника идет невысокий гладкий бортик, в центре — изображение крылатой собаки. К ремню наконечник крепился двумя шпеньками, зафиксированными квадратными пластинками.

Поясные бляшки делятся на три типа. 1 тип — 5 накладок сердцевидной формы (21,5×21,5 мм), украшенных орнаментом в виде стилизованного трилистника и небольшой овальной петлей-прорезью (рис. 8: 14). У двух накладок отверстия в петле отсутствуют. Накладки крепились к ремню с помощью трёх шпеньков (два в широкой части, один у вершины), зафиксированными квадратными пластинками. 2 тип — 7 накладок сердцевидной формы (высота — 20 мм, ширина — 18 мм), гладкое поле которых делится на 4 сектора двумя перекрещивающимися линиями, концы которых имеют расширения в виде строенных шариков (рис. 8: 15). В месте соединения линий и в вершинах секторов размещены круги. Накладки имеют небольшую овальную петлю со сквозным отверстием, у одной накладки отверстие отсутствует. Накладки крепились к ремню с помощью двух шпеньков, зафиксированных квадратными пластинками. У пяти накладок шпеньки располагались по высоте, у двух (в том числе без отверстия) — по ширине. 3 тип — накладка сердцевидной формы (высота — 19 мм, ширина — 18 мм) с небольшой овальной петлей-прорезью (рис. 8: 16). По краю накладки идет выпуклый бордюр с бугристым краем, в центре стилизованное изображение трилистника и четырёх гроздей из трёх шариков каждая. Накладка крепилась

к ремню с помощью двух расположенных по высоте шпеньков, зафиксированных квадратными пластинками.

Согласно В. В. Енукову, «точные аналогии найденным предметам отсутствуют, однако очень близкие бляшки с точки зрения композиции стилистики известны в курганах Гнёздова». Исследователь не исключает возможности принадлежности ременной гарнитуры северянам-семичам, однако отмечает, что «у роменцев такого рода социальная атрибутика распространения не получила», и более правильным считает связь данного поясного набора со средой русских дружинников, одному из которых он принадлежал и был утерян при штурме городища во время разгрома Владимиром Святославовичем «посеймского» объединения северян (Енуков 2005: 263—264, 267, рис. 55).

На наш взгляд аналоги, близкие поясному набору с «Кудеяровой Горы», находятся не в дружинной культуре Руси, а среди круга венгерских древностей. Об этом свидетельствует совпадение формы и орнамента накладки с изображением трилистника и гроздей ягод (тип 3) с серебряными позолоченными накладками (рис. 8: 19), входившими в состав погребального инвентаря захоронения мужчины-венгра второй пол. IX в., обнаруженного в 1985 г. у с. Твердохлебы (Полтавская обл., Украина) (Супруненко и др. 1999: 23, 25, рис. 1: 1, 4). Близкое изображение трилистника присутствует и в материалах венгерского Больше-Тиганского могильника (Татарстан, Россия) кон. VIII — первой пол. IX вв. При публикации его материалов Е. А. Халикова отмечала, что «наиболее распространенным орнаментальным мотивом в украшении поясных наборов является трилистник, встречающийся в разных вариантах: одиночный трилистник, окаймленный бордюром (рис. 11: 12, 13); серия трилистников, расположенных друг над другом в виде древа жизни (рис. 11: 5, 14); сложные композиции из трилистников (рис. 11: 6). Часто трилистники дополняются изображением строенных ягод (рис. 11: 1—5)» (Халикова 1976а: 170) (рис. 8: 20).

Несколько иначе трилистник изображен на накладках 1-го типа. Наиболее близкой известной автору аналогией являются 10 серебряных позолоченных накладок (рис. 8: 21), украшавших конскую сбрую из погребения № 3 кургана № 3 у д. Ишимбай (Башкортостан, Россия). Н. А. Мажитов датирует данное захоронение X в. и определяет его как один из следов пребывания на Южном Урале раннебашкирских племён (Мажитов 1981: 91, 127, 131, рис. 47: 3). Стилистически близкие изображе-

ния трилистника так же широко представлены и на вещах из захоронений кон. IX — первой пол. X вв. в Венгрии. Особенно близка к накладкам с «Кудеяровой Горы» трактовка трилистника на круглой серебряной бляхе для украшения кос из Анарча (Венгрия) (Эрдели 1972: рис. 3) (рис. 8: 13).

Аналогов накладкам 2-го типа автору не известно. Однако необходимо отметить, что среди сбруйных бляшек упоминаемого выше ишимбаевского погребения находилась одна круглая накладка, поле которой также разделено на четыре части линиями, выходящими из расположенного в середине круга (Мажитов 1981: 91, рис. 47: 4) (рис. 8: 22).

Крылатая собака на наконечнике ремня с «Кудеяровой Горы» (рис. 8: 17) имеет стилистически близкую аналогию в изображении на овальной поясной накладке с гладким бордюром (рис. 8: 18) из мужского захоронения № 24 венгерского Больше-Тиганского могильника (Татарстан, Россия). Е. А. Халикова трактует его как крылатую собаку Сенмурва (Халикова 1976а: 171, рис. 11: 15). По мнению исследовательницы, «изображение Сенмурва на тиганских поясных бляшках, имеющее прекрасные более ранние аналогии на изделиях сасанидской торевтики и фресках Афросиаба (VI—VII вв.), вместе с тем находит параллели в изображениях на копоушке из Эгера и на крышке сумки из Бездеда» (Халикова 1976б: 148).

Вышеперечисленные аналогии позволяют сделать предположение, что найденный на городище «Кудеярова Гора» поясной набор относится к кругу венгерских древностей и, вероятно, должен быть датирован временем пребывания венгров в Днепро-Донских степях, которые они занимали с конца 820-х гг. и вплоть до вторжения печенегов в 889 г. (Артамонов 2001: 469).

Стратиграфически поясной набор, вероятно, относится к тому же раннероменскому культурному горизонту, что и круглые орнаментированные накладки, обнаруженные А. Е. Алиховой в 1961 г. (см. *Подвески*). Материал, из которого сделаны накладки, вероятно, свидетельствует о том, что перед нами бляшки не от парадного, а от повседневного воинского пояса. Уникальная полнота поясного набора позволяет осторожно предположить, что он может происходить из разрушенного клада.

Тазовское поселение (Золотухинский р-н). Раскопки А. В. Григорьева. 1988 г.

Накладка бронзовая сердцевидной формы с небольшой выпуклостью в середине верхней части (рис. 8: 7). Вдоль края идёт полоса,

разделённая поперечными линиями на прямоугольники. В центре, с небольшим смещением вверх, находится круг с гладкой внутренней частью и бордюром, стилистически аналогичным краевому. Обратная сторона имеет выпуклый валик по краю, круглую выпуклость в центральной части, линию с угловым изгибом посередине вверху и остатки трёх крепёжных шпеньков (Григорьев 2000: 188, рис. 18, 4). Фонды КГОМА. Вторая пол. X в. Близкие по оформлению накладки найдены в захоронениях мордовского Лядинского могильника (Ястребов 1893: табл. VI, 21, 24). Могильник датируется Р.Ф. Ворониной концом IX — началом XI вв. (Воронина 2007: 73—74).

**Иноэтнические украшения
роменского времени (вторая
пол. VIII—X вв.) на территории
Курской области**

Салтовские

Подвески

Беловский район. Из двух неустановленных пунктов с территории р-на происходит коллекция предметов, обнаруженных местными кладоискателями¹².

В группу № 1 входят 2 подвески. 1) Амулет в виде подвески-лошадки (рис. 10: 4). Согласно В.В. Колоде, является аланским солярным символом. Наиболее близкие аналогии известны в Дмитриевском и Верхнесалтовском могильниках. Датировка — вторая пол. VIII — первая пол. IX вв.; 2) Солярный амулет в виде кольца с выступающими изображениями птичьих голов (рис. 10: 3). Согласно В.В. Колоде, является типичным культовым украшением раннесредневековых аланов, бытовавшим до сер. IX в. Ближайшими аналогиями являются украшения из катакомбных погребений № 30 (IX в.), № 45 (IX в.) и № 84 (первая пол. IX в.) Верхнесалтовского могильника-IV (раскопки В.С. Аксёнова).

В группу № 2 входят 4 подвески: 1) Украшение в виде квадрата, из углов которого выходит по лошадиной (?) голове на шее (рис. 10: 2). В двух противоположных сторонах квадрата проделано сквозное отверстие для подвешивания амулета (рис. 10: 2а). Единственной известной автору аналогией является подвеска (рис. 10: 12) из погребального инвентаря мордовского Лядинского

могильника (Тамбовская обл., Россия) кон. IX — нач. XI вв. (Ястребов 1893: табл. III, 9); 2) Подвеска в виде гладкого кольца с ушком (рис. 10: 9); 3) Два амулета в виде кольца с выступающими изображениями птичьих голов (рис. 10: 7, 8). Одно украшение имело цепочку из нескольких звеньев, крепившуюся к амулету при помощи крючка.

Найденные в Беловском р-не амулеты, возможно, свидетельствуют о непосредственном присутствии на этой территории носителей салтовской культуры. Типология предметов, имеющих узкую хронологию, позволяет датировать их второй пол. VIII — сер. IX вв.

Городище «Гора Ивана Рьльского» (г. Рьльск). Раскопки М.В. Фролова. 1993 г.

Колокольчик бронзовый цилиндрической формы (высота без ушка — 45 мм, с ушком — 55 мм, внешний Ø — 35 мм, толщина стенок — 1—3 мм) с железным язычком (рис. 9: 2). Кв. 41, глубина — 328 см, слой тёмно-серого суглинка с углём, п/н 838 (Фролов 1993: 7—8). Исследователь относит слой к роменскому периоду существования городища. Согласно С.А. Плетнёвой, во многих богатых мужских и, особенно, женских могилах Салтовского (Харьковская обл., Украина) и Дмитриевского (Белгородская обл., Россия) могильников грубо изготовленные железные ботала были найдены на поясе или груди покойника вместе с другими амулетами. Исследовательница относит эти бубенчики к амулетам, связанным с культом посвящённых духам-«онгонам» животных-«изыхов» (Плетнёва 1967: 174, рис. 47: 14). Крупные бронзовые колокольчики цилиндрической формы также входили в комплекс украшений населения салтовского Маяцкого поселения (Воронежская обл., Россия) (Винников, Плетнёва 1998: рис. 69, Т, У). Железное ботало цилиндрической формы было найдено и в юртообразном жилище № 2 Битицкого городища (Сумская обл., Украина) (Щеглова 1987: 79—81, рис. 1: 7).

Всё вышесказанное позволяет осторожно предположить связь цилиндрического бубенчика из Рьльска с обитавшими на городище представителями салтовской культуры, ярким свидетельством присутствия которых являются остатки разграбленного погребения хазарского воина. Однако определить, входило ли рьльское ботало в комплекс украшений конской сбруи или носилось в качестве амулета, не представляется возможным.

Копоушки

Беловский р-н. С/н. В группу № 1 салтовских предметов из Беловского р-на (см. *Подвески*) входят 2 копоушки: 1) Обломок

¹² Автор приносит благодарность В. В. Колоде (Харьковский национальный педагогический университет) за любезную помощь в определении вещей из Беловского р-на.

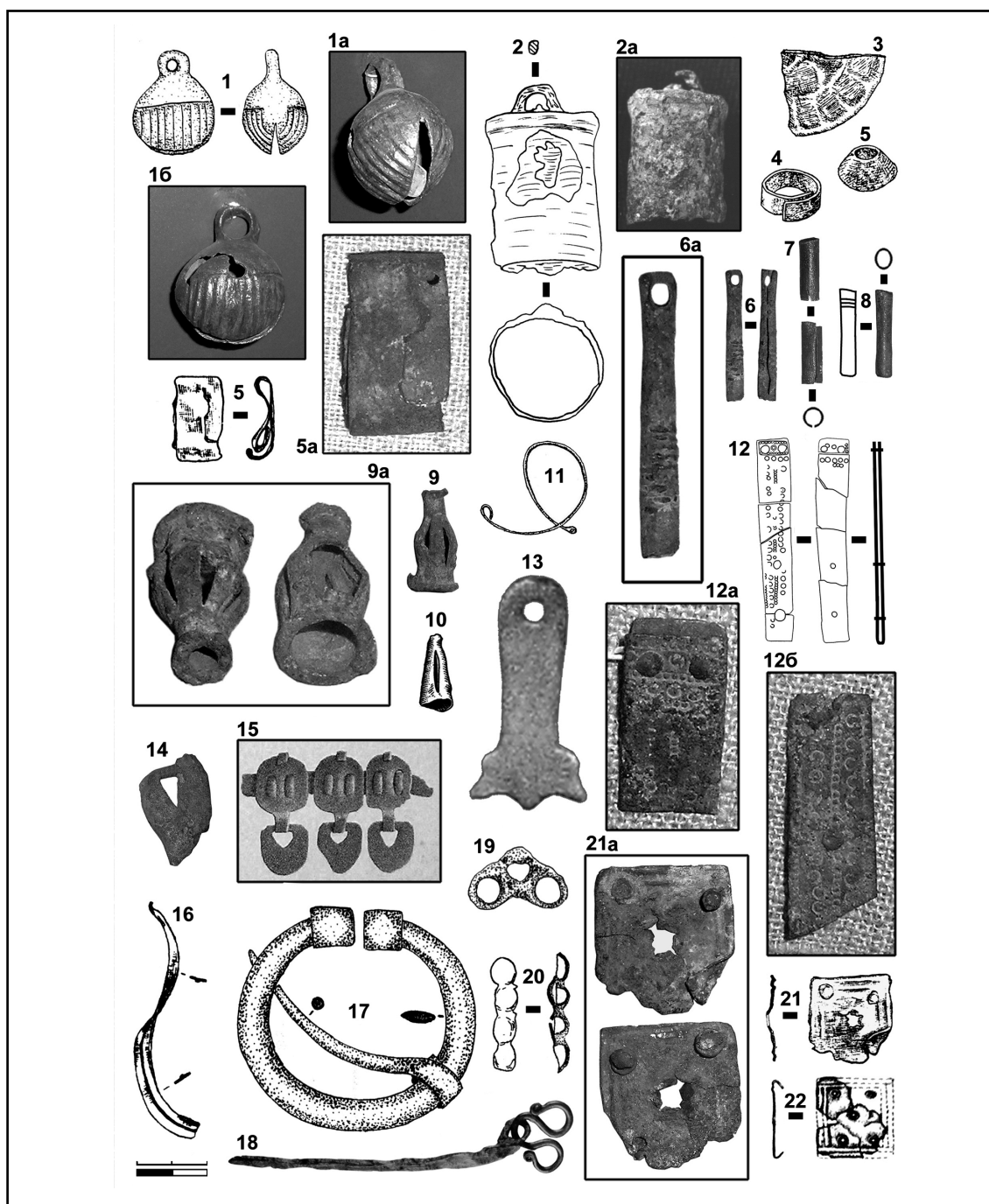

Рис. 9. 1, 17, 19 — Ратское городище (1 — по АКР, 17, 19 — по В.В. Енукову); 2 — городище «Гора Ивана Рылского» (по М.В. Фролову); 3—5 — окрестности г. Курска (по Л.Н. Соловьеву). Б/м; 5, 6, 8, 9, 12, 14, 16, 20, 21 — городище Переверзево II (5, 16, 20, 21 — по А.А. Узянову); 7 — поселение Переверзево I; 10 — Шуклинское городище (по Т.Н. Никольской); 11 — Ратское поселение (по В.В. Енукову); 13 — Большое Горнальское городище (по А.В. Кузе); 15 — Лядинский могильник (по В.Н. Ястребову). Б/м; 18 — Липинское городище (по П.И. Засурцеву); 22 — Полибино, кург. № 6 (по В.В. Седову).

бронзовой копоушки с головой козла, типичной для аланских погребений салтовской культуры (рис. 10: 5); 2) Ажурная бронзовая копоушка с ручкой в виде овальной ажурной лопаточки с растительно-геометрическим орнаментом (рис. 10: 1). Ручка соединена с лопаточкой подвижным шарниром (тип 3, по С.А. Плетнёвой). Согласно В.В. Колоде, из-

вестны по материалам сер. IX в., таких как могила № 9 грунтового могильника Тепсень в Крыму.

Перстни

Беловский р-н. С/н. В группу № 2 салтовских предметов из Беловского р-на входит литой перстень с закреплённой в крестообраз-

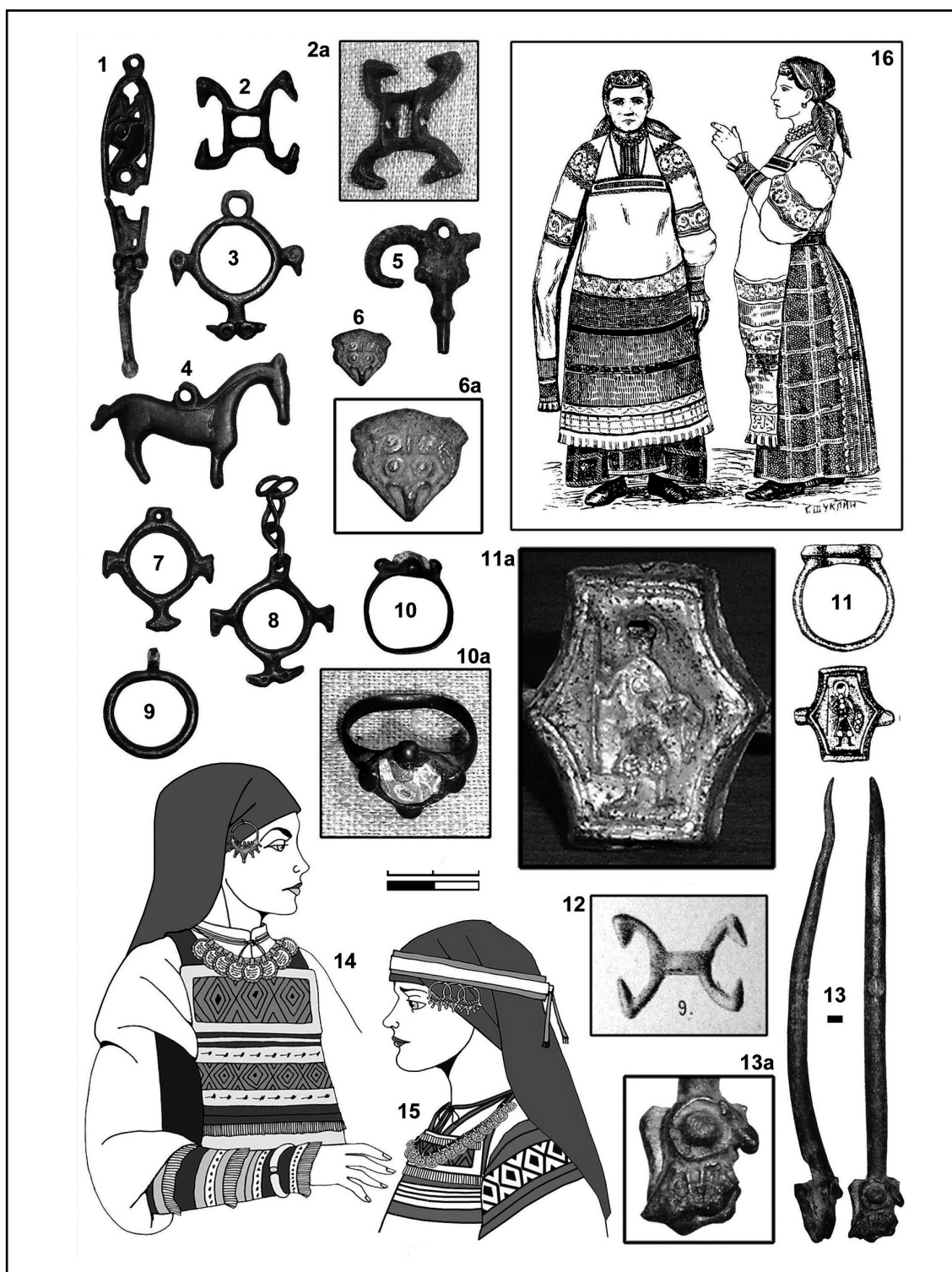

Рис. 10. 1, 3—6 — Беловский р-н, группа № 1; 2, 7—10 — Беловский р-н, группа № 2; 11 — городище «Кудрярова Гора» (по В.В. Енукову); 12 — Лядинский могильник (по В.Н. Ястребову). Б/м; 13 — городище Переверзево II; 14 — Комплекс женских северянских украшений кон. X в. По материалам Воробьёвского клада. Реконструкция А.Г. Шпилева; 15 — Комплекс женских северянских украшений кон. X в. По материалам Жидеевского клада. Реконструкция А.Г. Шпилева; 16 — Праздничная «обнаряда» женщины-«саянки». С. Нижнее Смородинное, Курская губерния. 1928 г. Художник Г.А. Шуклин (по Г.И. Булгакову).

но расположенных «лапках» обломанной бусиной (рис. 10: 10). Согласно В.В. Колоде, подобные украшения были характерны для раннего салтовского периода (сер. VII —

сер. IX вв.), но встречаются и позднее — до кон. IX в.

«Харьковский лес» (окрестности г. Курска). Сборы Л. Н. Соловьева. 1919—1921 гг.

№5. 2010

«Обычные в Салтовском могильнике» серебряный перстень из широкой пластинки шириной 5 мм (рис. 9: 4), серебряная ворворка от кисти Ø — 17 мм (рис. 9: 5) и обломок зеркала в виде диска Ø — 5 см из белого металлического сплава со следами рельефного орнамента на обороте (рис. 9: 3) были обнаружены на правом берегу Сейма, между д. Дурнева и Стрелецкой слободой, в районе Харьковского леса, ниже ж. д. моста через Сейм в западном углу террасы на обширном песчаном плато. Здесь донные холмы прорезала дорога, в осыпи которой и были найдены предметы. Среди песков местами белели человеческие кости, что позволило исследователю предположить наличие могильника. Находки были переданы Л. Н. Соловьевым Харьковскому археологическому музею (Соловьев 1927: 16).

Поясная гарнитура

Беловский р-н. С/н. В группу № 1 салтовских предметов из Беловского р-на (см. *Подвески*) входила накладка поясная билоновая с изображением головы барана в фас (рис. 10: 6).

Северо-восточные

Обойма от головного венчика

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Прямоугольная обойма (ширина — 14 мм, высота — 25 мм) в виде билоновой пластины с загнутыми назад краями (рис. 9: 5). Следы орнамента не прослежены, в нижней части пластины проделано сквозное круглое отверстие. Кв. К24, шт. 3 п/н 513. Фонды КГОМА (КМА 225/69/26). Предположительная датировка IX — первая пол. X вв.

Вероятно, обойма являлась частью пластинчато-спирального головного венчика типа вайнаги. Согласно И. Г. Розенфельдт, первоначально данный тип головного украшения появился у балтов, однако уже со второй половины I тыс. н. э. пластинчато-спиральные венчики широко распространяются среди финно-угорских племён Волго-Окского междуречья, у которых бытуют с VI по первую пол. X вв. (Розенфельдт 1982: 10—12).

Височные кольца

Ратское поселение 2Б (Курский р-н). Раскопки В. В. Енукова. 1990 г.

Кольцо браслетообразное бронзовое, один конец загнут в крючок, второй расплюсчен и имеет сквозное отверстие в центре (рис. 9: 11). Поднято на территории селища (Енуков 1991б: рис. 13: 19). Фонды КГОМА (КМА 56/11/326).

Согласно В. В. Седову, височные кольца подобной формы были характерны для женского комплекса украшений летописной муромы VIII—X вв. Ратское кольцо, вероятно, относится к позднему типу (вторая пол. IX — нач. XI вв.), для которого был характерен небольшой щиток (Седов 1994: 64). С большой степенью вероятности относится к роменскому периоду существования Ратского комплекса.

Подвески

Большое Горнальское городище (Суджанский р-н). Раскопки А. В. Кузы. 1972 г.

Костяная подвеска в виде вытянутой пластинки, оканчивающейся на конце расширением с тремя острыми выступами (рис. 9: 13). Округлая верхняя часть подвески имеет сквозное отверстие для подвешивания. Жилище № 3, яма № 7 (Куза 1972: рис. 47; Куза 1981: 15: 29). Экспонируется в ГИМе (Москва). По находке шиферного пряслица жилище № 3 датируется второй пол. X в.

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Разведка А. Е. Алиховой. 1962 г.

Подвеска бронзовая из согнутой в трубку пластины (длина — 38,5 мм, внешний Ø — 5 мм). От середины вниз идут 8 вдавненных параллельных полосок (рис. 9: 6). В верхней части подвески — отверстие для подвешивания (Ø — 3 мм). По определению А. Е. Алиховой изделие является подвеской от гривны «из числа характерных мордовских и муромских украшений». Траншея 2, кв. 4, гл. - 60 см, п/н 8 (Алихова 1962: 13, план).

Раскопки А. А. Узянова. 1982 г.

Подвеска бронзовая в виде трубки с расширяющейся центральной частью и 6 вертикальными прорезями (рис. 9: 9). Окончания оформлены в виде цилиндрических трубочек с валиками по краям, одно окончание шире другого. Длина — 30 мм, ширина в средней части — 13 мм, внешний Ø верхнего окончания — 8 мм, внутренний — 3,5 мм, внешний Ø нижнего окончания — 14 мм, внутренний — 8 мм. Кв. И20, шт. 2, п/н 255. Фонды КГОМА (КМА 225/69/50).

Подвеска близка к выделенной И. Г. Розенфельдт группе бутыльчатых прорезных колокольчатых привесок без петли (тип II вид 1). Ряд привесок данной группы имеет вокруг отверстий гладкий или рубчатый валик. Исследовательница считает привески, найденные на позднедьяковских (VI в. — X — нач. XI в.) памятниках западной части Волго-Окского междуречья, второй пол. I тыс. «по-видимому, не включая VI в. — период, когда бутыльчатые формы ещё не были рас-

пространены» (Розенфельдт 1982: 18, 176, рис. 2: 33).

Шуклинское городище (Курский р-н). Раскопки Т. Н. Никольской.

Подвеска бронзовая прорезная конической формы (рис. 9: 10). Обнаружена в культурном слое, относящемся к роменскому периоду существования городища (Никольская 1958: рис. 19: 6). И. Г. Розенфельдт сопоставляет шуклинскую подвеску с бутыльчатыми подвесками, имеющими сильно вытянутое горло, с Щербинского и Подмокловского городищ (Розенфельдт 1982: 18).

Пронизки

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Пронизка бронзовая в виде полой трубки (длина — 26 мм, внешний Ø — 4,5 мм, внутренний — 3 мм). У одного края три параллельные линии (рис. 9: 8). Кв. В28, 2 шт., п/н 339. Фонды КГОМА (КМА 225/69/45).

Поясная гарнитура

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1982 г.

1) Наконечник поясной (длина — 62 мм, ширина — 20 мм) серебряный прямоугольный, слегка суживающийся к низу, в 7 фрагментах (рис. 9: 12). Наконечник представляет пластину толщиной 1 мм, согнутую пополам и скреплённую заклёпками — двойными у верхнего края, одинарными внизу и посередине. Расстояние между лицевой и оборотной частями — 2,5 мм (толщина ремня), толщина заклёпки — 1,5 мм. Лицевая сторона орнаментирована 3 линиями с разделёнными поперечными черточками внутренними частями. Пространство между линиями заполнено повторяющимися кругами. Кв. Д36, сооруж. XVII, шт. 1, п/н 763. Фонды КГОМА (КМА 233/69/81).

Наконечник близок к группе позднеязыковских ритуальных пластинчатых наконечников, украшенных мелким точечным орнаментом. По мнению И. Г. Розенфельдт, наконечники данного типа достаточно редки, поскольку украшенные такими наконечниками пояса не были предметами массового употребления, а использовались при отправлении культовых обрядов. Исследовательница датирует бытование данных предметов поясного набора второй пол. I тыс. н. э., не позже VIII в. (Розенфельдт 1982: 122—124, рис. 30). Переверзевский наконечник, вероятно, может быть датирован кон. VIII—IX в.

2) Скорлупообразные бляшки-пронизки бронзовые в виде двух (п/н 888) и четырёх (п/н

591) соединённых друг с другом гладких сферических скорлупок (рис. 9: 20). На обратной стороне накладок полукруглые петли. Фонды КГОМА (КМА 233/69/89, КМА 233/69/90).

Тип украшения, широко распространённый в финно-угорских древностях на протяжении всего раннего железного века и раннего средневековья (до X—XI вв.), поэтому к роменскому периоду существования городища Переверзево II могут быть отнесены с большой долей допущения. Согласно И. Г. Розенфельдт, обнаруженные на позднеязыковских памятниках бляшки-пронизки могли использоваться в качестве поясных накладок, а также включаться в состав головного убора и других деталей костюма (Розенфельдт 1982: 118, 120, рис. 29: 4, 6, 15).

3) Привеска поясная бронзовая сердцевидная, деформированная, слегка выпуклая, с треугольным вырезом в верхней части (рис. 9: 14). Высота — 32 мм, ширина в верхней части — 20,5 мм. Фонды КГОМА (КМА 233/69/87). Аналогичная привеска (рис. 9: 15) была обнаружена В. Н. Ястребовым в 1888 г. при исследовании раннесредневекового (кон. IX — нач. XI вв.) мордовского Лядинского могильника (совр. Тамбовская обл., Россия) (Ястребов 1893: 18, табл. VII: 19).

Северо-западные

Височные кольца

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1981 г.

Кольца височного бронзового с серповидными заходящими концами фрагмент (рис. 9: 16). Кв. К24, шт. 2, п/н 279. Фонды КГОМА (КМА 225/69/51).

Подобные височные кольца являются этноопределяющими украшениями носителей культуры смоленских длинных курганов — летописных кривичей. В. В. Енуков связывает это украшение с носителями культуры смоленских длинных курганов, пришедшими в Курское Посеймье в кон. IX — нач. X вв. (Енуков 2005: 195, 199—200).

Пронизки

Переверзевское поселение I (Золотухинский р-н). Раскопки А. И. Пузиковой. 1988 г.

Пронизка бронзовая из согнутой в трубку пластины (длина — 18,5 мм, внешний Ø — 6 мм, внутренний — 5 мм). Один конец трубки обрезан под небольшим углом (рис. 9: 7). Р. 4, кв. 79, пл. 2, п/н 726. Фонды КГОМА (КМА 25/13/2032).

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В. В. Енукова. 1991 г.

№5. 2010

1) Пронизка (длина — 39 мм, Ø — 7×6 мм) из согнутой в трубку бронзовой пластины (толщина 1 мм). Один конец трубки обрезан под углом. Р. 3, постр. 1 (придонная часть заполнения), п/н 31 (Енуков 1992: 31). Фонды КГОМА (КМА 58/12/49). Присутствие в заполнении только лепной роменской керамики¹³, а также трёхдырчатой бронзовой подвески, возможно, позволяет датировать время бытования постройки № 1 кон. IX — первой пол. X вв.; 2) Пронизка (длина — 38 мм, Ø — 7 мм) из согнутой в трубку бронзовой пластины. Интервал между краями пластины 3 мм. Один конец трубки обрезан под углом. Р. 3, яма 11, пл. 3, п/н 67 (Енуков 1992: 35). Фонды КГОМА (КМА 58/12/17). В.В. Енуков отнёс сооружение ямы № 11 к древнерусскому времени, однако часть находок относится к роменскому времени (лепная керамика, дирхем 814 г.) и, вероятно, попала в заполнение в переотложенном состоянии при сооружении древнерусской постройки (Енуков 1993: 6). Полная аналогия данного украшения пронизки из постр. 1 делает возможным отнести пронизку из ямы № 11 к роменскому времени.

Присутствие в ратской постройке № 1 вместе с пластинчатой пронизкой трёхдырчатой подвески может указывать на то, что ратские пронизки и пронизка с Переверзевского поселения входили в комплекс украшений групп носителей культуры смоленских длинных курганов (летописные кривичи), пришедших в Курское Посеймье в кон. IX — начале X вв.

Близкие по форме пронизки из согнутых бронзовых пластин входили в состав ряда погребений Ратьковского раннесредневекового финно-угорского могильника VI—X вв., обнаруженного на городище позднего этапа дьяковской культуры у д. Ратьково (Владимирская обл., Россия) (Вишневыский и др. 2007: 89, 96, рис. 3: 12—13, 45: 7, 24). Они могли быть частью головных венчиков или включаться в состав нагрудных украшений. Достаточно широкий промежуток между краями пластин, возможно, свидетельствует о том, что эти пронизки могли надеваться на тонкие кожаные ремешки.

Подвески

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В.В. Енукова. 1991 г.

Подвеска-цепедержатель бронзовая подтреугольной формы с тремя отверстиями («трёхдырчатая») (рис. 9: 19). Р. 3, постр. 1 (придон-

ная часть заполнения), п/н 25 (Енуков 1992: 31; Енуков 2005: рис. 48: 4). Фонды КГОМА (КМА 58/12/15). Согласно В.В. Енукову, подвески данной формы были характерны для культуры смоленских длинных курганов и за её пределами встречаются очень редко (Енуков 1990: 59). В.В. Енуков связывает украшение с носителями культуры смоленских длинных курганов (летописные кривичи), пришедших в Курское Посеймье в кон. IX — нач. X вв. (Енуков 2005: 195, 199—200).

Фибулы и заколки

Ратское городище (Курский р-н). Раскопки В.В. Енукова. 1991 г.

Фибула бронзовая округлая (66×65 мм) с многогранными окончаниями (рис. 9: 17). Р. 2, яма № 2Г (камера погребя), ямка в дне, п/н 37 (Енуков 1992: 11; Енуков 2005: рис. 48: 6). Фонды КГОМА (КМА 58/12/61). Подавляющее преобладание лепной роменской посуды позволяет датировать время бытования ямы № 2 кон. IX — первой пол. X вв.

Согласно В.А. Мальм, фибулы с многогранными головками на территории Древней Руси известны в Приладожье, Гнёздовском и Ярославских могильниках, Сарском городище. Вне её территории они известны в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии, на о. Готланд в памятниках конца IX — первой пол. XI вв., причём подавляющее большинство находок приходится на X в. Параметры ратского украшения, вероятно, указывают на то, что оно принадлежало мужчине (Мальм 1967: 160—161). В.В. Енуков связывает фибулу с носителями культуры смоленских длинных курганов (летописные кривичи), пришедших в Курское Посеймье в кон. IX — нач. X вв. (Енуков 2005: 195, 199—200).

Липинское городище (Октябрьский р-н). Раскопки П.И. Засурцева. 1951 г.

Железная булава с надетой биэвидной бронзовой подвеской (рис. 9: 18). Общая высота — 9 см. Р. II, зачистка стенок, п/н 7963. Фонды КГОМА (КМА 17/2/264). Согласно В.В. Енукову, биэвидные цепедержатели были очень популярны у латгалов и достаточно часто встречаются в погребениях культуры смоленских длинных курганов (Енуков 1990: 59). Исследователь связывает появление украшений данного типа с переселением в Курское Посеймье групп летописных кривичей в кон. IX — нач. X вв. (Енуков 2005: 195, 199—200).

Поясная гарнитура

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А.А. Узянова. 1981 г.

Накладка поясная прямоугольная (толщина 1 мм, 25×28 мм) серебряная, орнаментиро-

¹³ Присутствие в заполнении постройки 1 мелких фрагментов древнерусской круговой посуды, по мнению исследователя, объясняется многочисленными кротовинами.

ванная по краю двумя рядами параллельных выпуклых линий (рис. 9: 21). В двух верхних углах сохранились заклёпки толщиной 2 мм, в левом нижнем — отверстие для заклёпки, в центре пробито сквозное отверстие с рваными краями. Кв. Г33, шт. 2, п/н 276. Фонды КГОМА (КМА 225/69/31). X в.

Практически полной аналогией является прямоугольная обойма на пояс из кривичского кургана № 6 в Полибино (Седов 1974: табл. 25: 5) (рис. 9: 22). Отличия заключаются в том, что полибинская накладка крепилась на пояс при помощи загнутых краев, а накладка из Переверзево была пробита в пяти местах и крепилась к ремню при помощи заклёпок. При этом отверстия были пробиты там, где у накладки из Полибино на лицевой стороне размещены округлые выпуклости. Возможно, в накладке из Переверзево мы имеем пример адаптации к местным традициям ношения поясных накладок украшения, принесённого в Курское Посеймье одной из групп переселенцев-кривичей в кон. IX в.

Древнерусские

Фибулы

Переверзевское II городище (Золотухинский р-н). Раскопки А. А. Узянова. 1982 г.

Бронзовая игла от фибулы (рис. 10: 13). Длина иглы — 95 мм, толщина у основания — 4 мм, толщина у окончания — 1 мм, основание оформлено в виде фигурки совы. Сохранилось изображение повернутой в профиль головы и верхней части тела с перьями. К задней стороне фигурки припаяна прямоугольная пластина (ширина — 9 мм, длина — 11 мм), вероятно, являющаяся окончанием игольной петли. Верхняя часть петли отсутствует. Общий вид фибулы не ясен. Кв. Ж31, 1 пл. (верхний уровень находки — 0,23 м, нижний — 0,36 м) южной бровки, п/н 608. Игла найдена в слое, относящемся ко 2-му роменскому периоду существования городища, погибшего в огне пожара на рубеже X—XI вв. (Узянов 1984: 93). Хранится в фондах КГОМА (КМА 233/69/98). Аналогов изображению фигуры совы на основании иглы автору неизвестно.

Отсутствие фибул с изображением совы в материалах роменских памятников и наличие их среди находок древнерусского времени (Шпилев 2009: 232—235) позволяет осторожно предположить, что украшение принадлежало воину, входившему в состав войска Владимира Святославовича, и было потеряно им при разгроме городища во время окончательного включения Курского Посеймья в со-

став Древнерусского государства в 985 г. (см. *Заключение*, § 8).

Перстни

Городище «Кудеярова Гора» (Курчатовский р-н). С/н.

Перстень-печатка билоновый (рис. 10: 11). Щиток массивный, внутри полый. На щитке изображён воин в кольчуге со щитом и копьем, вокруг головы — нимб (рис. 10: 11а). Изображение имеет форму негатива. Найден А. А. Катуниным в осыпях склонов городища «Кудеярова Гора». Хранится в фондах НИИ археологии Юго-Востока Руси (КГУ).

Согласно В. В. Енукову, «подобные сюжеты хорошо известны в историографии, а практически точные аналогии имеются в материалах сфрагистики. В близкой графике на актовых печатях изображался Св. Дмитрий или, несравненно чаще, Св. Фёдор. По мнению В. Л. Янина, из-за отсутствия детальных признаков точно установить имя святого невозможно, однако принадлежность находки к кругу христианских древностей не вызывает сомнений». В. В. Енуков считает, что находка связана со средой русских дружинников, причём перстень явно принадлежал христианину с высоким социальным статусом и был утерян при штурме городища во время разгрома Владимиром Святославовичем «посемьского» объединения северян (Енуков 2005: 263—264, 267, 272, рис. 54, 4).

На взгляд автора, перстень скорее всего, связан не с позднероменским временем, а с объектами, относящимися уже к древнерусскому периоду существования городища.

Заключение

Анализ представленных в «Своде» материалов позволяет сделать несколько наблюдений.

1. Комплекс курских украшений роменского времени (рис. 11) условно можно разделить на две хронологические группы.

Первая группа (вторая пол. VIII—IX вв.) включает в себя ранний набор украшений, характеризующийся сочетанием трёх культурных традиций: 1) Украшения, характерные для колочинской и пеньковской культур (трапециевидные подвески, спиралевидные пронизки), группы носителей которых вошли в состав северского племенного союза («архаический» пласт инородных древностей по А. В. Григорьеву); 2) Украшения, имеющие византийские и дунайские прототипы (разнообразные типы ложнозернёных лучевых и литых серьгообразных височных

колец, поясная накладка); 3) Украшения, связанные с салтовской культурной традицией (перстни, височные кольца, бубенчики, пряжки, накладки).

Вторая группа характеризуется наличием складывающегося на территории Курского Посеймья к середине X в. достаточно однотипного комплекса украшений, ведущие места в котором занимают дротовые браслеты с расширяющимися концами, а также проволочные кольцеобразные, литые ложнозернёные семилучевые кольца (типа «Горналь») и гравированные семилучевые кольца (типа «Кветунь»).

На роменских памятниках Потускарья значительный процент в комплексе украшений составляют вещи, имеющие аналоги в древностях окских финно-угров. Вероятно, это явление было обусловлено активным взаимодействием носителей роменской культуры с представителями финно-угорского мира (вплоть до совместных браков) во время славянской колонизации Окско-Донского междуречья.

2. Находки салтовских амулетов (Беловский р-н) и зеркала (Лебяжье) могут свидетельствовать о непосредственном проживании носителей салтово-маяцкой культуры в южных районах совр. Курской области во второй пол. VIII — нач. IX вв.

3. Ряд обнаруженных на расположенных в Днепро-Донском междуречье славянских памятниках лучевых колец с зооморфным навершием щитка мог быть изготовлен византийскими ювелирами и являться предметами импорта.

Украшения из Византии могли доставляться двумя путями.

Первый путь сначала шёл по описанной Константином Багрянородным водной трассе Херсон (Крым) — Саркел (Нижний Дон), после чего, вероятно, сливался с магистралью, по которой в северные «провинции» каганата в IX в. поступали куфические дирхемы: Дон (аланы, донские славяне) — Верхняя Ока (вятичи) — Сейм и Десна (северы) — Верхний Днепр (радимичи, смоленские кривичи).

В качестве крайнего пункта этой трассы могло выступать Гнёздово, об участии населения которого уже на первом этапе (до 833 г.) восточноевропейского монетного обращения свидетельствует, по мнению ряда учёных, присутствие в культурном слое поселения монет африканского чекана (Кирпичников и др. 1986: 224).

В связи с функционированием «северного» пути интересны находки на Гнёздовском поселении украшений, характерных для бо-

лее южных районов, — «кольца височного с подвеской-балясинкой», имеющего аналогии на Битицком городище (нач. IX в.) и в Фативижском кладе (вторая пол. VIII — нач. IX вв.); «перстней коронковых со стеклянной вставкой и с бронзовой вставкой, украшенной изображением птицы», с аналогиями в салтовских древностях второй пол. VIII — сер. IX вв.; семилучевого ложнозернёного кольца, аналогичного кольцу с Новотроицкого городища (Пушкина 1987: 50, 55, рис. 1: 1; Путь из варяг в греки... 1996: 59, 63). Вероятно, все вышеперечисленные предметы попали в Гнёздово одновременно с дирхемами, и их присутствие может свидетельствовать об участии роменцев в продвижении восточных товаров и монет на Верхний Днепр. О присутствии в Гнёздово роменцев, возможно, говорят и находки на поселении лепной посуды роменского типа с верёвочным орнаментом или пальцевыми вдавлениями по краю венчика, сковород с гладким бортиком и сосудов с вертикальным горлом (Пушкина 1987: 56). Во второй период (833—900 гг.) обращения дирхема в Восточной Европе В. Л. Яниным фиксируется прекращение поступления восточных монет в области расселения радимичей и части кривичей (Смоленщина, Брянщина, белорусское течение Днепра) (Янин 2009: 122). Возможно, это стало следствием появления в Гнёздово группы выходцев из Скандинавии, возможно, бывших представителями политического объединения, известного под именем «Русского каганата», и прекращением активных торговых операций, осуществлявшихся ранее с этим районом подвластными хазарам северянами.

Второй путь, по которому византийские украшения попадали к племенам, проживающим на южной границе восточнославянского ареала (северяне — Курская обл., древляне — Искоростень, вольняне — Ровенская обл.), могла являться торговля с населявшими южнорусские степи кочевниками. Относительно середины X в. о существовании налаженного взаимодействия между жителями крымского Херсона и печенегами сообщает Константин Багрянородный: «народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии, пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый

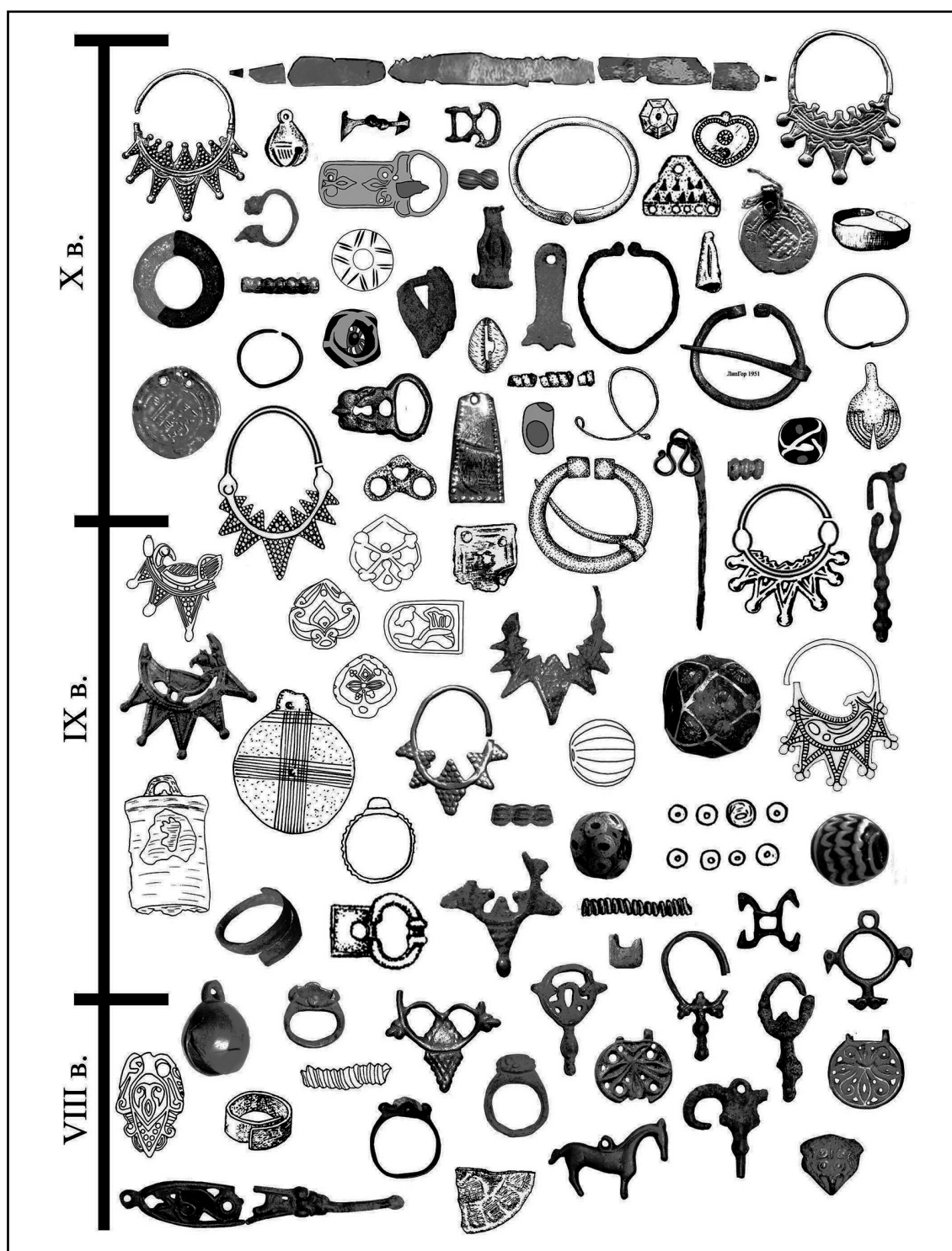

Рис. 11. Эволюция украшений населения Курского края в роменское время.

херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь, будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы» (Константин Багрянородный 1989: 41). Подобная практика могла существовать и столетием раньше, т.к. о регулярных торговых контактах между греческим населением крымской Керчи и мадьярами сообщает

автор составленной во второй трети IX в. «Анонимной записки о народах Восточной Европы», включённой иранским географом Ибн Русте в его трактат «Книга драгоценных драгоценностей» (Шпилев 2009а: 57).

Находка ложнозернёного пятилучевого кольца (рис. 2: 30) на поселении в Ровенской обл. (Украина) может поставить вопрос о том, что некоторые обнаруженные на восточнославянских поселениях лучевые кольца

данного типа также могут являться византийским импортом.

Исходя из политической обстановки, время поступления на северные окраины Хазарского каганата византийских колец с зооморфными сюжетами, вероятно, может быть ограничено второй пол. 830-х — нач. 890-х гг., т.е. периодом после окончания в Хазарии междоусобной войны, вызванной принятием иудаизма в качестве государственной религии, и вторжением печенегов в степи Северного Причерноморья, сопровождавшимся изгнанием мадьяр, разгромом северо-западных провинций каганата и, как следствие, временным нарушением внешнеторговых связей данного региона. Кольца с парным изображением птиц в верхней части щитка из Гнёздово могли попасть на Верхний Днепр уже после изъятия этого региона из восточноевропейского ареала обращения дирхемов или в качестве военного трофея после одного из походов в земли левобережных славянских племён или же непосредственно из Византии по водному пути «из варяг в греки».

4. Фиксируемое на протяжении всего периода существования роменской культуры присутствие в материалах курских памятников поясных накладок позволяет не согласиться с мнением В.В. Енукова о том, что «у роменцев такого рода социальная атрибутика распространения не получила» (Енуков 2005: 264). На современном этапе изучения комплекса украшений курских северян уже можно говорить о том, что какая-то часть северского общества использовала геральдические поясные наборы, и это использование в процентном соотношении, вероятно, было примерно таким же, как у их финно-угорских соседей.

Анализ накладок указывает на то, что если в ранний период (вторая пол. VIII—IX вв.) в курских материалах представлены образцы, имеющие аналоги в византийской, салтовской и древневенгерской ювелирных традициях, то в X в. курские находки имеют параллели уже не только в позднесалтовских материалах, но и среди инвентаря поокских финнов и в Волжской Болгарии. Возможно, это объясняется сокращением контактов с носителями салтовской культуры после вторжения печенегов в пределы Хазарского каганата в кон. IX в., резким снижением или прекращением движения по водному пути Дон-Ока-Десна и началом активного функционирования водного пути Волга-Ока-Сейм, связывавшего Курское Посеймье с Волжской Болгарией.

Интересна находка на городище Перевозево II прямоугольной орнаментированной накладки, аналоги которой происходят из аре-

ала культуры длинных курганов, однако и тут мы видим, что обитатели городища не стали использовать оригинальный способ крепления (на загнутых концах), а применили привычную для себя систему заклёпок.

5. Ряд обнаруженных на курских памятниках украшений (фрагмент височного кольца с серповидными заходящими концами, бисовидная подвеска, трехдырчатая подвеска и подковообразная фибула с многогранными концами, поясная накладка) не был характерен ни для местных северян, ни для их ближайших соседей. Данные предметы находят прямые аналоги у носителей культуры смоленских длинных курганов — летописных кривичей. По мнению В.В. Енукова, находки данных украшений свидетельствуют о миграции в Курское Посеймье в кон. IX — нач. X вв. одной или нескольких сравнительно немногочисленных общин кривичей, которые не оказали влияния на материальную культуру аборигенов-северян и сравнительно быстро растворились в их среде (Енуков 2005: 195—200).

Появление кривичей в Курском Посеймье и совпавший с этим бурный рост северянских поселений на Верхнем Сейме и Тускари могут быть связаны с днепровским (Смоленск, Любеч, Киев) походом Олега Вещего в 882 г. и его северянско-радимичскими войнами 884—885 гг., обусловившими отток кривичского и северянского населения из занимаемых ранее районов.

Эти же причины, вероятно, привели к появлению на территории Курской области и фрагмента орнаментированного прямыми вдавлениями лучевого кольца с Мухинского городища (Хомутовский р-н), которое, возможно, указывает на то, что среди бежавших в Курское Посеймье от воинов Олега Вещего людей, помимо смоленских кривичей и деснинских северян, могли также находиться и группы радимичей.

6. По материалам Жидеевского и Воробьёвского денежно-вещевых кладов для последней четверти X в. выявлен вероятный отрезок соприкосновения зон распространения двух типов позднесеверянских лучевых колец («Кветунь» и «Горналь»), проходивший по верхним течениям Свапы и Тускари.

Кольца типа «Горналь» на сегодня обнаружены только в пределах Курской области — на Верхнем Псле (Большое Горнальское городище), Сейме (Ишутинское городище) и Тускари (Воробьёвский клад). Это позволяет сделать осторожное предположение о возможности их соотнесения с одним из элементов комплекса металлических украшений знатной

женщины «Посемья» (рис. 10: 14, 15) — самого крупного (по В.В. Енукову) роменского социально-политического образования второй пол. X в. Впрочем, публикация находок височных колец из сопредельных регионов может расширить область бытования этого типа височных колец и привести к пересмотру данного предположения.

7. При анализе набора курских бус роменского времени в доступных автору материалах фиксируется отсутствие широко представленных в курских древнерусских курганных захоронениях кон. X — первой пол. XII вв. бипирамидальных сердоликовых бусин и ожерелий из жёлтого или зелёного бисера, зачастую дополненных бубенчикообразными привесками. Отсутствуют лунницы.

Заслуживает рассмотрения вопрос о т. н. «бусах из рыбьих позвонков». Этот термин присутствует в «Отчётах» Т. Н. Никольской (Шуклинское городище, 1953 г. Бусина из позвонка рыбы. Кв. 33, пл. 2, п/н 77 — см.: Шуклинское городище 1953: 34), А.В. Кузы (Большое Горнальское городище. 1972 г. 5 бусин из рыбьего позвонка. Р. 6, 9, 14 и траншея — см.: Куза 1972: 44, 50, 53) и О.Н. Енуковой (Липинское городище. 1997 г. 2 бусины из сверлённых рыбьих позвонков — см.: Енукова 1998: 49, рис. 222: 1, 2). На всех осмотренных автором позвонках отверстия имели естественное происхождение, а обстоятельства нахождения некоторых из них позволяют сделать предположение о том, что перед нами обычные пищевые отходы. Так, согласно отчёту О.Н. Енуковой, россыпь сверлённых рыбьих позвонков с Липинского городища была найдена среди двухсантиметрового слоя рыбьей чешуи, выстилавшего наружную сторону слоя 3 в яме № 6 (Енукова 1998: 49). Вероятно, чтобы в дальнейшем исключить ошибочные определения, бусами из рыбьих позвонков могут считаться только позвонки или имеющие явные следы искусственного воздействия, или же при точно зафиксированном их включении в комплекс украшений. В доступных автору курских материалах роменского времени рыбьих позвонков, отвечающих данным требованиям, не известно.

8. Время бытования украшений, входящих в состав курских денежно-вещевых кладов с младшими монетами, отчеканенными в 960-х — 970-х гг., можно определить с большой степенью точности, т. к. эти клады были укрыты во время окончательного включения Курского Посеймья в состав Древнерусского государства.

Согласно В.В. Енукову, «поступательное развитие сложного племенного обра-

зования семичей было оборвано военным разгромом, который можно датировать... периодом в пределах 990-х гг., возможно, с самого конца 980-х» (Енуков 2005: 271—272). Исследователь считает, что разгром семичей произошел в 994 г. и 997 г., во время походов Владимира Святославича на Волжскую Болгарию, которые «вероятней всего,... были сухопутными и проходили по трассе караванного пути с одновременной организацией станций-“манзелей”... Путь пересекал Посемье по правому берегу Псла, где были организованы станции для отдыха, соответствующие археологическим комплексам в Зеленом Гае, Горнале и Гочево... В пределах тех же хронологических рамок приняли на себя удар киевских дружин и семичи, проживавшие непосредственно “по Семи” (Енуков 2005: 272—273).

Однако разгром посеймских северян, скорее всего, произошел не во время походов 990-х гг., а сразу же после русско-болгарской войны 985 г.¹⁴, археологическим отражением которой может быть группа поволжских кладов (Казань 979 г.; Лобовка 983 г.; Татарский Толкиш 985 г.; Старое Алметьево 985 г.) с младшими монетами конца 70-х — первой половины 80-х гг. X в.¹⁵ (Фомин 1995: 68). Война завершилась установлением прямых дипломатических и торговых контактов, сделавших для Владимира актуальным вопрос об устранении традиционных посредников между Булгаром и Киевом и усилении русского присутствия на связывающих оба государства торговых путях (Шпилев 2003: 351). Летопись ничего не говорит о пути возвращения Владимира в столицу Руси после заключения мира с Муэмином II («и вернулся

¹⁴ Впервые гипотеза о выпадении группы курских кладов 60—70-х гг. X в. в связи с походом Владимира 985 г. была изложена автором на конференции «Исторический ландшафт. Природа. Археология. История» (Тула 2002 г.), в развернутом виде — на конференции «Курский край в эпоху раннего металла и средние века» (Курск 2007 г.) и в «Очерках истории Курского края» (2008 г.). В. В. Енуков ранее считал, что поход 985 г. «вероятней всего, проходил минуя Посемье, хотя полностью такую возможность исключать нельзя» (Енуков 2005: 272), однако в своих последних работах исследователь также начал соотносить разгром северян Курского Посеймья с походом Владимира Святославовича 985 г. (Енуков 2008б: 139, 144; Енуков 2009: 78—79).

¹⁵ Совпадение даты войны и чеканки младшей монеты не должно нас смущать, т. к., согласно Т. Нунану, «самое большее всего три месяца требовалось, чтобы переправить дирхамы из Средней Азии в Волжскую Болгарию. Принимая во внимание большой спрос на дирхамы в Волжской Болгарии... разумно допустить, что почти все дирхамы, изготовленные на саманидских монетных дворах, отправляли на север как можно скорее» (Нунан 2004: 300).

Владимир в Киев»), однако о вероятном продолжении военных действий в рамках кампании 985 г. может свидетельствовать сохраненное летописью предложение Добрыни, сделанное племяннику после осмотра пленных болгар: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников» (ПВЛ 2007: 176).

Можно осторожно предположить, что великий князь со своим войском использовал водную магистраль Волга-Ока-Сейм-Десна, по которой в Киевское Поднепровье поступал основной поток серебряных куфических монет, интенсивность которого, по В.В. Енукову, как раз и контролировали посемские северяне (Енуков 2005: 270).

В связи с предполагаемым маршрутом движения Владимира из Булгара в Киев обращает на себя внимание группа кладов на Оке (Белый Омут 977 г.; Бурки 977 г.; Борки I 977 г.; Борки II 983 г.), укрытых в то же время, что и средневожские клады (Фомин 1995: 68). Единственное, что мешает увязать факт их выпадения с предполагаемым маршрутом Владимира, являются сообщения ПВЛ о войнах Владимира с вятичами в 981, 982 гг. Принимая во внимание эти летописные известия, с походом 985 г. однозначно соотносится лишь клад из Борок II (983 г.), остальные же окские клады могут быть привязаны к событиям русско-болгарской войны 985 г. только гипотетически.

Дальнейшее движение русских войск с Оки на Сейм¹⁶, вероятно, отмечает выпадение группы курских кладов (с. Жидеевка Железногорский р-н; д. вторая Воробьевка Золотухинский р-н; с. Коренная Пустынь совр. Золотухинский р-н; д. Волобуево совр. Курский р-н; д. 1-е Красниково (Котовец) Курский р-н), младшие монеты которых были отчеканены во второй пол. 960-х — сер. 970-х гг. (Шпилев 2003: 353—359; Лебедев и др. 2009; Гребенникова, Шпилев 2009).

Ко времени покорения Владимиром Святославовичем Курского Посеймья также, вероятно, относятся: гибель городища Переверзево II (Золотухинский р-н), датированная А.А. Узяновым рубежом X—XI вв. (Узянов 1984: 93); сгоревшие в огне мощного пожара позднероменские оборонительные сооружения Ратского городища (Курский р-н) (Енуков 2005: 71); уничтожение в конце X в. Липинского

городища (Октябрьский р-н) (Енуков 2005: 273—274); сгоревшие северянские постройки, характерный для древностей Восточной Прибалтики конца X — начала XI вв. наконечник копья и наконечники стрел «гнездовского» типа, обнаруженные Г.Ю. Стародубцевым при раскопках Люшинского городища (Львовский р-н) (Стародубцев и др. 2008: 60); слой пожара конца X — начала XI вв., исследованный А.В. Зориным при раскопках городища Капыстичи (Рыльский р-н) (Зорин 2003: 373); зафиксированная М.В. Фроловым при раскопках городища «Гора Ивана Рыльского» (г. Рыльск) «стерильная прослойка органического тлена и пепла, образование которой может быть связано с запустением городища, вызванного экспансией киевских князей на рубеже X—XI вв., когда естественное развитие поселения было прервано насильственным путем» (Фролов 2009: 96).

Клады и погибшие северянские городища дают возможность выстроить вероятный маршрут продвижения княжеской рати по курским землям — от Самодуровского озера по Тускари (Воробьевский клад, клад из Коренной пустыни, городище Переверзево II, Волобуевский клад), затем вниз по Сейму (Липинское городище, Люшинское городище, городище Капыстичи) до Рыльска и оттуда в Путивльское Посеймье и на Десну.

В начале похода воины Владимира могли разгромить и северянские поселения на Верхней Свапе (Жидеевский клад), также бравшей своё начало в Самодуровском озере, однако дальше в этом направлении русские отряды, вероятно, не пошли, т.к. в этом регионе пока не найдены клады, укрытые в 970-х — 980-х гг.

Клад из д. 1-е Красниково (Лебедев и др., 2009) и сгоревшие укрепления Ратского городища говорят о том, что в районе Курска часть русского войска ещё раз отклонилась от основного направления своего движения и предала разгрому северянские поселения на Рати. Фрагменты киеворусской круговой керамики, обнаруженные В.В. Енуковым при раскопках вала Ратского городища, позволили исследователю датировать пожар, уничтоживший относящиеся к последнему роменскому периоду (6-й период) фортификации Ратского городища, временем после начала ввоза в Посеймье киеворусской круговой керамики во второй — третьей четверти X в. (Енуков 2005: 71, 74).

В конце 980-х — 990-х гг. правитель Древней Руси берет под свой контроль и северянские группы, обитавшие на Ворскле, Суле и Псле, где временем правления Владимира

¹⁶ Интересно отметить, что ПВЛ вообще не говорит о войнах Владимира с северянами, хотя сообщает о походах на вятичей в 981—982 гг. и достаточно подробно на радимичей в 984 г.

Святославовича (но уже после принятия христианства) датируется разгром Горналя, а в Гочево появляется древнерусский центр с населением, состоящим как из местных северян, так и переселённых из разных районов Руси колонистов.

9. После окончательного включения курских северян в состав Древнерусского государства ложнозёрненные лучевые кольца типа «Горналь» прекращают своё бытование. Единственной известной автору находкой такого украшения в курских древнерусских комплексах¹⁷ является височное кольцо (рис. 4, 9) из исследованного В. Н. Глазовым в 1913 г. кургана № 24 Гочевского курганного могильника (Беловский р-н).

Согласно «Отчёту», в погребальный инвентарь женского захоронения входили 3 «семилопастных плохого серебра височные кольца» (1 — типа «Горналь» ГЭ 818/49, 2 — типа «Кветуль» ГЭ 818/48, 50) у правого виска и 3 браслетообразных проволочных височных кольца (1 — серебряное, 2 — бронзовых) у левого виска. Около шеи было обнаружено 4 литые бронзовые бубенчиковидные пуговицы. На руках по серебряному браслету из круглой толстой проволоки с утолщенными концами и на пальце левой руки медный усатый перстень (Глазов 1913: 15об. — 16). Украшения хранятся в фондах Государственного Эрмитажа.

Присутствие среди головных украшений кургана № 24 височного кольца типа «Горналь», на взгляд автора, является примером «донашивания» вышедшего из употребления типа украшения, т. к. ни в одном другом исследованном кургане Гочево, Горналя и Липино височных колец данного типа не обнаружено.

Находка кольца типа «Горналь» (рис. 4: 7) в одном из курганов у с. Кубаево (Владимирская губ., раскопки А. С. Уварова, 1852 г.) (Спицын 1905: 86, 102, рис. 126) может свидетельствовать о том, что часть племенной аристократии курских северян, вероятно, была перемещена в другие районы Древней Руси.

Сообщение Е. А. Шинакова о находке ложнозёрненных колец типа К группы IV в одном из погребений 2-го Пекуновского могильника (Тверская обл., раскопки К. И. Комарова 1971—1972 гг.) не подтвердилось (Шинаков 1980а: 125 сноска 26). Согласно Ю. В. Степановой, инвентарь женского захоронения кургана № 7 включал 3 семилучевых коль-

ца с гравированным орнаментом на щитках и семью городкообразными выступами (Степанова 2009: 37, рис. 8: 6).

10. Господствовавший у роменцев обряд трупосожжения на стороне полностью исключает восстановление комплекса украшений по материалам захоронений. Более подробную информацию предоставляют денежно-вещевые клады конца X в., однако и они не представляют роменский комплекс украшений во всей его полноте (рис. 10: 14, 15).

На взгляд автора, достаточно перспективным для восстановления комплекса украшений роменского населения Курского края перед окончательным включением Посеймья в состав Древнерусского государства является выделение среди курских древнерусских раннехристианских погребений (кон. X — нач. XI вв.) захоронений с ярко выраженными роменскими особенностями.

Одним из таких захоронений является женское погребение, обнаруженное Липкиным Ю. А. в 1965—1966 гг. во время раскопок бескурганного могильника колочинского времени у с. Лебязье (Курский р-н). Информация о погребении была опубликована Ю. А. Липкиным в работе, посвящённой материалам исследований раннеславянских могильников Курского Посеймья (Липкинг 1974: 151). Позднее вышла статья О. Н. Енуковой, посвящённая анализу обряда и инвентаря данного погребения (Енукова 1995: 193—195).

Захоронение было обнаружено в юго-восточной части могильника. Скелет пожилой женщины лежал вытянуто, головой на ЗЮЗ. Череп был повернут лицевой частью вверх, руки вытянуты вдоль туловища, правая касалась бедра. Скелет был обнаружен на глубине 0,6 м. По мнению Ю. А. Липкинга, это «позволяет предполагать, что погребение было совершено на поверхности, а сверху насыпан курган, позже развеянный ветром» (Липкинг 1974: 151). Согласно О. Н. Енуковой, «покойная была помещена в неглубокой яме» (Енукова 1997: 193).

На указательном пальце правой руки погребённой был обнаружен широкий бронзовый усатый перстень, украшенный продольно-выпуклым ребром и насечками (КМА 152/26/179). У левого виска лежали проволочное бронзовое кольцо (Ø — 27 мм, толщина проволоки — 1,5 мм) со слегка заходящими концами (КМА 152/26/173), монетовидная сердоликовая бусина Ø — 15 мм (КМА 152/26/169) серого цвета, вероятно, изменившая окраску в результате действия огня, и стеклянная 4-частная лимоновидная про-

¹⁷ В предшествующих публикациях автор, не владея полной информацией о комплексе украшений из кургана № 24, ошибочно писал об отсутствии колец типа «Горналь» в курских комплексах древнерусского времени.

низка серого цвета (КМА 152/26/167). Возле левого плеча — две призматические сердоликовые бусины (КМА 152/26/165 (серого цвета), КМА 152/26/171) и стеклянная синяя двучастная пронизка, изготовленная в технике навивки (КМА 152/26/170). У правого плеча — ещё одно бронзовое кольцо (Ø — 30 мм, толщина проволоки — 2 мм) со слегка заходящими концами (КМА 152/26/175), призматическая сердоликовая серого цвета (КМА 152/26/172) и монетовидная сердоликовая Ø — 18 мм (КМА 152/26/174). У копчиковой кости найдена ещё одна двучастная пронизка тёмно-серого цвета, изготовленная в технике навивки (КМА 152/26/163). У правой ступни погребённой стоял лепной роменский горшок, украшенный по плечу зигзагообразным «верёвочным» орнаментом.

О.Н. Енукова отнесла погребение из Лебязьего к роменским труположениям в подкурганных ямах и датировала его кон. X — нач. XI вв. (Енукова 1997: 194—195).

11. Ни одного фрагмента текстиля или одежды при исследовании курских памятников роменского времени пока обнаружено не было, что не позволяет нам достоверно восстановить комплекс одежды северян-«роменцев», обитавших на территории современной Курской области во второй пол. VIII — кон. X вв.

Однако ряд исследователей, целенаправленно занимавшихся восточнославянским и древнерусским костюмом, в своих работах отмечают преемственность ряда типов древней одежды с русской одеждой XVIII — начала XX вв., причём наиболее ярко эти совпадения проявляются в комплексах одежды русских крестьян (Рабинович 1986: 61; Сабурова 1997: 97, 100, 106; Степанова 2009: 55—57).

Сегодня на территории, некогда населённой северянами, проживают представители двух восточнославянских народов — русские и украинцы. Вопреки широко распространённому в украинской исторической литературе мнению, обитающие на Днепровском Левобережье украинцы не могут считаться потомками летописных «северов», т.к. основой при сложении современного украинского народа послужило древнерусское население Днепровского Правобережья, а широкое расселение украинцев на запустевших степных и лесостепных просторах Днепровского Левобережья относится к XVI—XVII вв.

Наследников летописных северян следует искать среди коренного русского населения северо-западных районов Курской, юго-западных районов Орловской, Брянской областей России, а так же северных районов

Сумской области Украины, в которых постоянное русское население непрерывно проживало как в ордынское время, так и в последующие исторические периоды.

Среди локальных этнографических групп русских, проживавших на территории Курской губернии в XIX — начале XX вв., наибольшее количество элементов, характерных для восточнославянского женского костюма языческого и древнерусского времени, исследователи-этнографы находят в комплексе женской одежды «саян», проживавших в ряде сел Курского, Фатежского, Щигровского, Льговского, Тимского и Дмитриевского уездов Курской губернии. Согласно Л.Н. Чижиковой, «по материалам последних исследований можно констатировать, что ещё до недавнего времени в саянских сёлах сохранялись старинные формы южнорусской одежды (несшитая распашная понева и глухая понева с прошвой и бедром, тип рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе, рогатая кичка и др.), указывающие (так же как и бытовавший здесь южнорусский комплекс жилища западного варианта) на давние этнические связи этого населения с населением Орловской, Калужской, Тульской губерний. Таким образом, ряд исторических и этнографических данных позволяет предположить, что саяны или были потомками древнего местного славянского населения, консолидировавшегося с более поздними переселенцами XVI—XVII вв. из ближайших южнорусских приокских районов, или формировались позже, но всё же появились здесь ранее своих соседей-однодворцев, связанных с правительственной колонизацией XVII в.» (Чижикова 1988: 33).

Интересные сведения об одежде курских саянов содержатся в работах курского краеведа Г.И. Булгакова, совершившего в 1927—1928 гг. несколько экспедиций по саянским селам Курской губернии.

Описывая женскую «обнаряду» сел Старый и Новый Бузец Фатежского у. (совр. Поньровский р-н), исследователь сообщал, что она имела два возрастных и два календарных варианта: девичья и женская, будничная и праздничная. Самым несложным был наряд девушек — обычная домашнего холста женская рубаха с высоким шейным вырезом и сборкой в кантик с «поликами» и рукавами в сборку, подпоясанная мужской рубахой, накинутый на плечи («на опашку») зипун, босые (обычно) ноги или повседневная женская обувь и красный платок. Юбки не полагалось. Праздничный девичий костюм почти не отличался от костюма повседневного. В отличие от девушек женщины по будням носили рубаш-

ку с рукавами обычной длины, простую шерстяную юбку-«понёву», завеску, пояс и белый платок. Понева имела около 70 см (немного ниже колен или по колено) длины, и представляла собой сделанную из шерстяной, домашнего производства материи темно-синего цвета с полосами в клетку красного, белого или желтого цвета неширокую юбку из трёх полотнищ по 40 см ширины каждое. Спереди понева была не сшита, и её нижние передние углы «очкуром» завертывались на талии сзади. Праздничная женская одежда отличалась от будничной богатыми вышивками, яркими аппликациями, дополнительными элементами типа «чохов» (привязываемые на кисть руки яркие обшлага) и «позаплечка» (нагрудно-наспинное украшение типа переkreщенной портупей), лентами, ожерельями из стеклянных посеребренных дутых и жёлтых каменных бус, онучами из овечьей шерсти (женская онуча складывалась, облекая ногу одной полосой), кожаными сапогами с мелкой частой складочкой и медными подковками, а также сложным головным убором из «кички», «сороки», «позатыльника», «увязки», «макушки» и «песиков». Платок скручивался и завязывался сзади по сороке (Булгаков 1928: 36—41).

В саянских селах Вехнее и Нижнее Смородинное Фатежского у. (совр. Поньровский р-н) женская «обнаряда» также включала в себя рубаху, завеску, поневу и зипун (рис. 10, 16). Рубашка, как будничная, так и праздничная, состояла из двух частей: верхней — до талии — собственно рубашки и нижней — «подноска». Верхняя часть миткалевая, нижняя — замашная. Рубашка из 8 концов материи была расшитая или не расшитая. Если рубашка не расшитая, то и «подносок» не расшивался. Ворот рубашки — «передница» был обшит «прошвою», по разрезу — «подполки» расшиты «шалонью». Пришитая к вороту верхняя часть рубашки состояла из расположенных горизонтально полос. Первая — 2 вершка (около 9 см) высоты — вышивка, вторая — ½ вершка (около 2 см), 3-я — ¼ вершка (около 1 см) состоят из шелковых лент или разных кусков материи или парчи («золочанка»). Плечи украшены «поликами» (кружева, вышивка). Длина рукава 1¼ аршина (около 90 см). Середина рукава «оташка», под ней (под мышками) «клинцы» — вставки красного цвета или красного с жёлтыми звёздочками ½ аршина (около 35 см) длины. Рукав оканчивался «запястьем». Подносок — замашный. На его подол нашивались украшения из кружев и разных полос-лент, иногда

с круглыми серебряными блёстками. Цвет лент: красный, тёмно-бордовый, коричневый или синий.

«Завеска» (фартук) состоял из следующих частей: «подцепки» — 4 ленты (¼ вершка (около 1 см) ширины) через плечи — розовые, синие, тёмно-коричневые, красные с махорчиками-кистями; «нагрудника», пришитого к «подцепкам» (¼ аршина (около 18 см) ширины, 1—1½ вершка (4,5—6,5 см) высоты) — бархатный, суконный или парчовый, обшитый кругом «золочанкою с блёстками» или «с канителью» (бахромка); полотна ½ аршина (около 35 см) высоты или более, по росту, иногда протканное с половины к низу красными нитками; «покраса» — пришитого к полотну и состоящего из сшитых разноцветных лент (верхняя бордовая — «бурда») с нашитыми белыми кружевами (3 вершка (около 13 см) ширины) и бахромкой внизу.

Девушки носят рубашку и юбку с мышками, а женщины вместо последней поневу. Понева ткалась из шерсти чёрного цвета с полосами красного с белым цветом в клетку. Позади понева во всю длину расшивалась вертикально расположенными полосами украшений. Полосы эти расположены так (слева направо): «лапы»; «зубцы»; три «обводка»; «подзолотни»; три «обводка»; другие зубцы, обведённые разноцветной пряжей; «торочек»; наложенный на него «плетенек»; зубцы, обведённые разноцветной пряжей; 1 «обводка»; «подзолотни», 1 «обводка». Дальше располагалась средняя часть расшивки поневы, состоящая из среднего широкого обнесённого «торочка»; «плетенька» и чёрного «плетенька перевивочного». Вправо от средней части расшивки располагались те же детали, что и в левой, только в обратном порядке.

«Кичка», как и понева, была деталью женской «обнаряды», и девушки её не носили, кичку надевали после венца. Смородинская кичка делалась из кумача на лычке, а очень узкий ободок кички — из «позумента». По обе стороны кички на висках вставлялись «пукли» или «пушки» — кисточки из гаруса синего, зелёного, розового или жёлтого цвета. Поверх кички завязывался платок узлом назад, при этом ободок кички был виден.

Зипун женский приталенный, длиной по щиколотку, с гладкой спиной, шился из своего сукна, с красными клинцами, украшался «плетеньками» и разноцветными пуговками, у пояса по бокам по 3 складки или сборки. Обувь — кожаные черевички («ходаки с пистонами») с кумачом под разрезом (Булгаков 1929: 62—63).

Литература

- Айбабин А.И. 1977. Салтовские поясные наборы из Крыма. *СА* (1), 225—239.
- Айбабин А.И. 1982. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне. *СА* (3), 190—198.
- АКР. Курская область. 1998. Краснов Ю.А. (отв. ред.). Москва: ООО «Пандора-1».
- АКР. Курская область. 2000. Кашкин А.В. (отв. ред.). Москва: ООО «Пандора-1».
- Алихова А.Е. 1962. *Отчёт о раскопках и разведке Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в 1962 г.* НА КГОМА, Л I-28.
- Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. *МИА* 62, 7—84.
- Артамонов М.И. 2001. *История хазар*. Санкт-Петербург: «Лань».
- Банк А.В. 1959. Гребень из Саркела-Белой Вежи. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. *МИА* 75, 333—339.
- Булгаков Г.И. 1928. К вопросу об изучении саянских сел Курского края (из материалов обследований). *Известия Курского общества краеведения* (3), 32—42.
- Булгаков Г.И. 1929. К вопросу об изучении саянских сел Курского края (из материалов обследований). Продолжение. *Известия Курского общества краеведения* (1—2), 61—64.
- Винников А.З., Плетнёва С.А. 1998. *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Вишневский В.И., Кириянова Н.А., Добровольская М.В. 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд. *РА* (2), 89—107.
- Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьёва Г.Ф. 1972. Раскопки славянских памятников на р. Псёл. *АО* 1971, 95—96.
- Воронцова М.А. 2002. Этнический состав населения поречья Упы в IX—X вв. (по данным анализа украшений городища у с. Супруты). *Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России*. Т. 1. Тула: ООО РИФ «ИНФРА», 109—119.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. *Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей* (3). Москва.
- Горохов Т.А. 1927. Монетные клады Курской губернии. *Известия Курского губернского общества краеведения* (4), 33—44.
- Гребенникова И.В., Шпилев А.Г. 2009. Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. вторая Воробьёвка Курской области. *Верхнее Подонье: Археология. История*. Вып. 4. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 34—44.
- Григорьев А.В. 2000. *Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным*. Тула: «Гриф и К°».
- Григорьев А.В. 2005. *Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э.* Тула: ЗАО «Репроникс».
- Домонгол 2010 — Домонгол/ Альбомы/ Металлопластика/ Русь и славяне/ Височные украшения: <http://domongol.ru/gallery>.
- Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, произведённых проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г.* 1915. Москва.
- Ениосова Н.В. 2002. Ювелирное ремесло раннегородского центра Гнездова. *Вестник РГНФ* (3).
- Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей*. Москва.
- Енуков В.В. 1991а. *Отчёт о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1990 г.* НА КГОМА, Е I-85.
- Енуков В.В. 1991б. *Альбом к отчёту В.В. Енукова о раскопках у д. Городище Курского района Курской области в 1990 г.* НА КГОМА, Е I-13.
- Енуков В.В. 1992. *Отчёт о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1991 г.* НА КГОМА, Е I-14.
- Енуков В.В. 1993. *Отчёт о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г.* НА КГОМА, Е I-16.
- Енуков В.В. 2005. *Славяне до Рюриковичей. Курский край*. Т. III. Курск: ООО «Учитель».
- Енуков В.В. 2008а. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы. В: Енуков В.В. (отв. ред.). *Славяно-русские древности Днепровского Левобережья*. Курск: Курский государственный университет, 70—80.
- Енуков В.В. 2008б. О хронологии русского освоения Посемья. *Восточнославянский мир Днепродонского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья*. Воронеж.
- Енуков В.В. 2009. Начальные этапы истории Курска. *Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура*. Курск: АПИИТ «ГИРОМ», 75—82.
- Енукова О.Н. 1995. Роменское погребение из Лебяжьего. *РА* (1), 193—195.
- Енукова О.Н. 1998. *Отчёт о работе Посемьской экспедиции в 1997 г.* НА КГОМА, I-106.
- Енукова О.Н. 1999. *Отчёт о раскопках городища и поселения у с. Липино Октябрьского района Курской области в 1998 г.* НА КГОМА, I-110.
- Енукова О.Н. 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX—XIII вв. *Труды НИИ археологии юго-востока Руси*. Вып. I. Курск: Курский государственный университет.
- Звіздецький і др. 2004: Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польгуй В. І. 2004. Нові дослідження Стародавнього Іскоростеня. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: Корвін-прес, 51—86.
- Звиздецкий и др. 2006: Звиздецкий Б. А., Ремех И. А., Петраускас А. В., Сирко А. В. 2006. Ювелирное производство в древнем Искоростене IX — первой половины X вв. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Санкт-Петербург: СПб ИИ РАН «Нестор-История», 63—65.
- Зорин А.В. 2001. *Отчёт об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рьльского р-на. 2001 г.* НА КГОМА, I-119.
- Зорин А.В. 2003. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X — начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи). *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Тула: ООО «Власта», 371—379.
- Зорин А.В. 2005. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посемья рубежа X—XI вв. Ю.А. Липкин и др.

- хеология Курского края. Курск: ООО «Мечта», 81—90.
- Зорин А. В., Шпилев А. Г. 2009. Каганат руссов и «Страна славян»: Восточная Европа в IX столетии (опыт исторической реконструкции). *Русский сборник*. Вып. 5. Брянск: ООО «Издательство Курсив», 110—129.
- Изюмова С. А. 1978. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища. *Вестник МГУ. Серия «История»* (6), 100—103.
- Искусство Византии в собраниях СССР*. Каталог выставки. Т. 1. 1977. Москва: Советский художник.
- Искусство Византии в собраниях СССР*. Каталог выставки. Т. 2. 1977. Москва: Советский художник.
- Каргер М. К. 1957. *Древний Киев*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кашкин А. В. 1980. *Отчёт о разведках, проведённых в 1979 г. Центрально-Черноземным отрядом Института археологии АН СССР*. НА КГОМА.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода). *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 189—291.
- Ковалевская В. Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. *Пряжки*. САИ Е1—2.
- Ковалевская В. Б. 2000. *Хронология восточноевропейских древностей V—IX вв.* Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. Москва: ОНТИ ПНЦ РАН.
- Комар А. В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). *Vita Antiqua* (2): archaeology.kiev.ua/pub/komar.htm.
- Комар А. В., Стрельник М. А. 2009. Подражание золотому византийскому поясному набору VII в. с изображением птиц. *РА* (2), 148—159.
- Кондаков Н. 1896. *Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода*. Т. I. Санкт-Петербург.
- Константин Багрянородный. 1989. *Об управлении империей*. Москва: Наука.
- Куза А. В. 1972. *Отчёт о работах Суджанского археологического отряда на Большом Горнальском городище летом 1972 г.* Архив ИА РАН Р-1, № 7362.
- Куза А. В. 1973. Работы Суджанского отряда. *АО* 1972, 70, 72.
- Куза А. В. 1981. Большое городище у с. Горналь. *Древнерусские города*. Москва: Наука, 6—39.
- Лебедев В. П., Сотников А. В., Шпилев А. Г. 2009. Клад арабских и византийских монет 70-х годов X в. из деревни 1-е Красниково Курской области. *Средневековая нумизматика Восточной Европы*. Вып. 3. Москва: Древлехранилище, 6—16.
- Левашева В. П. 1968. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. *Славяне и Русь*. Москва: Наука, 91—97.
- Липкинг Ю. А. 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград: Наука, 136—152.
- Ляпушкин И. И. 1958. Новотроицкое городище. *МИА* 74.
- Магомедов М. Г. 1983. *Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным*. Москва: Наука.
- Мажитов Н. А. 1981. *Курганы Южного Урала VIII—XII вв.* Москва: Наука.
- Макаренко Н. 1908. Материалы по археологии Полтавской губернии. *Труды Полтавской губернской учёной архивной комиссии* 5. Полтава, 201—212.
- Макарова Т. Н., Плетнева С. А. 1983. Пояс знатного воина из Саркела. *СА* (2), 62—77.
- Макарова Т. И. 2005. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии. *Русь в IX—XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга*. Москва: Наука, 126—131.
- Мальм В. А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. *Труды ГИМ* 43. Москва: Советская Россия, 149—190.
- Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. *САИ* Е1—36.
- Москаленко А. Н. 1965. *Городище Тутчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону*. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Недошивина Н. Г. 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец. *История и культура Евразии по археологическим данным*. Москва, 107—111.
- Никольская Т. Н. 1958. Шуклинское городище. *КСИИМК* 72, 66—76.
- Нунан Т. С. 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 256—313.
- Обломский А. М. 1993. *Отчёт о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1993 г.* НА КГМА.
- Орлов Р. С. 1988. Художественный металл Чернигова (семантика оковки из Чёрной Могилы). *Чернигов и его округа в IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка, 152—165.
- Орлов Р. С. 1989. Химический состав украшений Битицкого клада 1984 года. *Проблемы археологии Сумщины*. Сумы, 100—101.
- Орлов Р. С. 1994. Серебрянные украшения северян Курского Посемья. *Проблеми ранньословянської і давньоруської археології Посемья*. Білопілля, 50—51.
- Пузикова А. И. 1986. *Отчёт о работе Курской экспедиции в 1986 г.* НА КГОМА, П I-41.
- Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки*. 1996. Москва: Государственный исторический музей.
- Пушкина Т. А. 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса. *Труды V международного конгресса славянской археологии*. Т. III. Вып. 16. Секция V. Города, их культурные и торговые связи. Москва, 50—57.
- Плетнёва С. А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. Москва: Наука.
- Плетнева С. А. 1989. *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва: Наука.
- Повесть временных лет*. 2007. Санкт-Петербург: Наука.
- Полубояринова М. Д. 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде. *Новгородские археологические чтения*. Новгород, 75—82.
- Приймак В. В. 1994. *Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст.* Суми.
- Рабинович М. Г. 1986. Древнерусская одежда IX—XIII вв. *Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу*. Москва: Наука.
- Розенфельдт И. Г. 1982. *Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.* Москва: Наука.
- Рябцева С. С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор*. Ос-

№5. 2010

- новые тенденции формирования. Санкт-Петербург: СПбИИ РАН «Нестор-История».
- Сабурова М. А. 1997. Одежда — Древняя Русь. Быт и культура. В: Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). *Археология*. Москва: Наука.
- Самоковасов Д. Я. 1878. Историческое значение городищ. *Труды III археологического съезда в Киеве*. Киев.
- Самоковасов Д. Я. 1908. *Могилы Русской земли*. Москва.
- Самоковасов Д. Я. 1916. *Могильные древности северянской Черниговщины*. Москва.
- Седов В. В. 1974. *Длинные курганы кривичей*. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1994. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. *РА* (2), 56—70.
- Соловьев Л. Н. 1927. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска. *Известия Курского губернского общества краеведения* (4), 12—33.
- Соловьева Г. Ф. 1971. *Отчёт о работе Деснинско-Сейминской экспедиции в 1971 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 4916.
- Спицын А. А. 1905. Владимирские курганы. *Известия ИАК* 15. Санкт-Петербург, 84—172.
- Стародубцев Г. Ю. 2000а. *Отчёт об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г.* НА КГОМА, I-121.
- Стародубцев Г. Ю. 2000б. *Приложение № 1 к отчёту об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г.* НА КГОМА I-122.
- Стародубцев и др. 2008: Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., Остроухов С. А. 2008. Люшинский археологический комплекс и летописный Ольгов. *Русский сборник*. Вып. 4. Брянск: РИО БГУ, 59—64.
- Степанова Ю. В. 2009. *Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья*. Тверь: Тверской государственный университет.
- Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. 1981. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Археология СССР*. Москва: Наука.
- Супруненко и др. 1999: Супруненко А., Кулатова И., Приймак В. 1999. Венгерское погребение с юга Полтавщины. *Finno-Ugrica* (1), 23—27.
- Сухобоков и др. 1989: Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. 1989. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища. *Древние славяне и Киевская Русь*. Киев: Наукова думка, 92—105.
- Сымонович Э. А. 1970а. *Отчёт Сейминского отряда ИА АН СССР о работах в Курской обл. в 1970 г.* НА КГОМА, С I-45.
- Сымонович Э. А. 1970б. *Коллекционная опись раскопок в Воробьевке 2 и разведки*. НА КГОМА, VI-40.
- Сымонович Э. А. 1974. Поселение Воробьевка 2 в Курской области. *КСИА* 140, 76—83.
- Тимошук Б. О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Тихомиров Н. А. 1995. *Отчёт о работах возле с. Лебяжье Курского р-на Курской области в 1989 г.* НА КГОМА, Т I-62.
- Тихомиров Н. А. 2008. Могильник Лебяжье 3 под Курском. В: Енуков В. В. (отв. ред.). *Славяно-русские древности Днепровского Левобережья*. Курск: Курский государственный университет, 164—175.
- Узянов А. А. 1973. *Отчёт о раскопках Большого Горнальского городища в 1973 году*. Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 10019.
- Узянов А. А. 1982. *Отчёт о раскопках Переверзевского II городища в 1980—1981 гг.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 10628.
- Узянов А. А. 1983. *Отчёт о раскопках Переверзевского II городища в 1982 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 9928.
- Узянов А. А. 1984. Раскопки Переверзевского II городища. *АО* 1982 года, 92—94.
- Узянов А. А. 1986. Раскопки курганов и городища в долине р. Тускарь. *АО* 1984 года, 77—78.
- Фомин А. В. 1995. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70—80-х годах X вв. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг.* Москва: Наука, 63—73.
- Фролов М. В. 1987. *Памятники г. Рьльска Курской области. Комплексные научные исследования. Археологические исследования*. Т. IV. Кн.1. НА КГМА, 18.1—31.
- Фролов М. В. 1989. *Памятники г. Рьльска Курской области. Археологические исследования 1989 г. Городище Гора Ивана Рьльского*. Т. V. Кн.1. НА КГМА, 18.1—49.
- Фролов М. В. 1991. *Памятники г. Рьльска Курской области. Городище Гора Ивана Рьльского. Археологические исследования 1990 г.* Т. VI. Кн. 1. НА КГОМА, 18.1—54.
- Фролов М. В. 1992. *Отчёт об археологических исследованиях 1991 г. городища «Гора Ивана Рьльского» в г. Рьльске Курской области*. Т. I. НА КГМА, 18.1—60.
- Фролов М. В. 1993. *Отчёт об археологических исследованиях городища «Гора Ивана Рьльского» в г. Рьльске Курской области и о геофизических исследованиях городища Октябрьское-I у с. Октябрьское Рьльского района в 1992 г.* НА КГОМА, 18.1—71.
- Фролов М. В. 1994. *Отчёт об археологических исследованиях городища «Гора Ивана Рьльского» в г. Рьльске Курской области в 1993 г.* НА КГОМА, 18.1—83.
- Фролов М. В. 1994. Заключение по результатам археологических исследований 1982—1992 годов города Рьльска и его окрестности. *Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рьльска*. Ч. I. Сост. О. Н. Щеголев. Курск: Курский формпечать, 301—309.
- Фролов М. В. 2009. Стратиграфия и хронология древнего Рьльска. *Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура*. Курск: АПИИТ «ГИРОМ», 96—100.
- Халикова Е. А. 1976а. Больше-Тиганский могильник. *СА* (2), 158—178.
- Халикова Е. А. 1976б. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *СА* (3), 141—156.
- Чижикова Л. Н. 1988. *Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX—XX века)*. Москва: Наука.
- Шинаков Е. А. 1980а. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец. *СА* (3), 110—127.
- Шинаков Е. А. 1980б. *Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — конце XIII века*. Дисс. ... канд. истор. наук. Москва.
- Ширинский С. С. 1968. *Отчет о работах Сейминского отряда Восточно-Белорусской экспедиции ИА АН СССР в 1968 году*. Архив ИА РАН, Ф. Р-1, № 6889.
- Ширинский С. С. 1969. Разведки в Курской области. *АО* 1968 года, 68—69.

- Шпилев А. Г. 2003. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье. *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Т. 1. Тула: ООО «Власта», 344—362.
- Шпилев А. Г. 2008а. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX — начало XIII в.). В: Енуков В. В. (отв. ред.). *Славяно-русские древности Днепровского Левобережья*. Курск: Курский государственный университет, 189—201.
- Шпилев А. Г. 2008б. Об эволюции южносеверянско-го головного убора с очельем и венчиком (конец X—XI в.). *Русский сборник*. Вып. 4. Брянск: РИО БГУ, 43—59.
- Шпилев А. Г. 2009а. О соотношении «Страны славян» Ибн Русте с Северной землей второй трети IX в. *Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура*. Курск: АПИИТ «ГИРОМ», 52—69.
- Шпилев А. Г. 2009б. Височные кольца Курского края (вторая половина VIII — первая половина XIII в.). *Верхнее Подонье: Археология. История*. Вып. 4. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 5—33.
- Шпилев А. Г. 2009в. О многовариативности использования височных колец в древнерусское время (по материалам Курской области). *Русский сборник*. Вып. 5. Брянск: «Курскив», 67—72.
- Шпилев А. Г. 2009г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области. *Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура*. Курск: АПИИТ «ГИРОМ», 232—250.
- Щуклинское городище и курганы. 1953 г. *Опись находок*. НА КГОМА, VI-36
- Щеглова О. А., Бажан И. А. 1983. Поселения Курочкин-3 и Картамышшево-3 на Верхнем Псле. *КСИА* 175, 62—67.
- Щеглова О. А. 1986. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников вольнцевского типа. *КСИА* 187, 15—23.
- Щеглова О. А. 1987. Салтовские вещи на памятниках вольнцевского типа. *Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской степи*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 77—85.
- Щеглова О. А. 2005. Набор свинцово-оловянных бляшек с городища Кудеярова Гора из раскопок А. Е. Алиховой 1961 г. *Ю. А. Липкин и археология Курского края*. Курск: ООО «Мечта», 57—60.
- Эрдели И. 1972. Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. *Проблемы археологии и древней истории угров*. Москва: Наука, 128—144.
- Юренко С. П., Сухобоков О. В. 1993. О погребальной обрядности носителей памятников вольнцевской культуры (по материалам Битицкого городища). *Археология и история Юго-Востока Руси*. Воронеж.
- Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. *МИА* 63.
- Якобсон А. Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.
- Янин В. Л. 2009. *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*. Москва: Языки славянских культур.
- Ястребов В. Н. 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. *Материалы по археологии России* 10. Санкт-Петербург.

Статья поступила в номер 4 марта 2010 г.

Andrei Shpilev (Kursk, Russia). Head of Research and Exhibition Department. Kursk State Regional Museum of Archaeology.

Andrei Shpilev (Kursk, Russia) Conducătorul departamentului științifico-expozițional. Muzeul arheologic regional de stat, Kursk.

Шпилев Андрей Геннадьевич (Курск, Россия). Заведующий научно-экспозиционного отдела. Курский государственный областной музей археологии.

E-mail: kgoma@pochta.ru